

ПОЛОЦКІЙ ЛѢТОПИСЕЦЪ

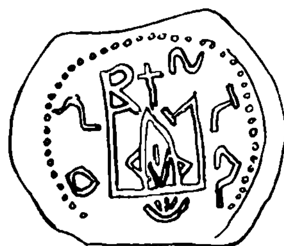

Редакционно-издательский отдел
МПКП „Диана"
г. Новополоцк

ПОЛОЦКІЙ ЛѢТОПИСЕЦЪ

Историко-литературный
журнал
№ 1 (2)

Полоцк
1993

Редакционная коллегия:

Богуцкий О. Д.

Данько Л. Ф. (редактор)

Парчинский Е. М. (ответственный секретарь)

Полоцкий летописец. Историко-литературный журнал. № 1 (2) / Редакционно-издательский отдел МПКП «Диана». — Полоцк, 1993.—120 с. с ил.

Для писем:
211409, г. Полоцк-9, а/я № 28.

Журнал издаётся с 1992 года.

© *Полоцкий летописец.*
№ 1 (2), 1993 г.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее; одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее.

Н. М. Карамзин

Ю. А. ЗАЯЦ

ПОЛОЦКИЕ СОБЫТИЯ «САГИ ОБ ЭЙМУНДЕ»

Сведения русских летописей о Полоцке и Полоцкой земле немногочисленны. Особенно скупы они по периоду первой половины XI в. Под 1001 г. летописи сообщают о смерти полоцкого князя Изяслава, под 1003 г. — о смерти его малолетнего сына Всеслава, под 1021 г. — о набеге полоцкого князя Брячислава Изяславича на Новгород и под 1044 г. — о смерти Брячислава и вокняжении в Полоцке его сына Всеслава.[1] Такой подбор информации не случаен. В 988 г., после принятия христианства один из сыновей киевского князя Владимира, Изяслав, поселенный вместе со своей матерью Рогнедой в небольшом порубежном граде-крепости Изяславле, был переведен на княжение в Полоцк. Таким образом была восстановлена полоцкая княжеская династия (Изяслав был внуком полоцкого князя Рогволода), а следовательно, и государственность Полоцкого княжества, захваченного и включенного в состав Киевской державы князем Владимиром в 980 г. или в конце 70-х годов X в. Ранняя смерть Изяслава, а затем и смерть одного из его сыновей, видимо, породили в Киеве надежду, что династия Изяслава может пресечься и Полоцк вновь попадет в зависимость от Киева. Однако надеждам этим не суждено было оправдаться.

Следует отметить, что в кровавой борьбе за верховную власть, развязавшейся после смерти князя Владимира (1015 г.) между его сыновьями и унесшей жизни шести из девяти оставшихся в живых к тому времени братьев, никто из них не посягнул на владения своего юного племянника Брячислава, признавая суверенитет Полоцкого княжества. Брячислав сам вмешался в эту борьбу, захватив в 1021 г. Новгород. Но начавшийся столь успешно поход не получил такого же блестящего завершения: при возвращении Брячислав был перехвачен киевским князем Ярославом, потерпел поражение и лишился добычи. Однако последствия этого конфликта были неожиданными. Борьба Ярослава с братьями и их союзниками за киевский стол еще не была завершена, и поэтому он предложил племяннику, не имевшему юридических прав на Киев и выдвигавшему лишь территориальные требования, союз. Предложенная Ярославом формулировка союза — «буди же с мною един»[2] — показывает, что это был союз равных. Если бы полоцкий князь не был главой суверенного государства,

Набег Брячислава на Новгород в 1021 г. Миниатюра Радзивиловской летописи. XV в.

он должен бы был признать своего дядю «в отца место». Договор скреплялся передачей Полоцку Витебска и Усвят[3] — двух городов, дающих выход на участок важнейшей торговой и военной артерии Восточной Европы того времени — пути «из варяг в греки».

После установления прочного союза с Полоцком интерес киевских летописцев к нему пропал, и лишь вокняжение в Полоцке Всеслава, которой впоследствии доставил так много хлопот князьям киевским, вновь обратило их внимание на Полоцк.

Эти сведения отечественных источников дополняются известиями, содержащимися в «Саге об Эймунде».

«Сага об Эймунде» или «Прядь об Эймунде» (прядью именуют вставной рассказ, в данном случае включенный в «Сагу об Олаве Святом») помещена в «Книге с Плоского острова» — древнеисландский свод саг, составленный священниками Йоном Тордарсоном и Магнусом Торхальссоном в 1380 — 1394 гг.[4] Переводы «Саги» на русский язык с оригинала выполнены О. И. Сенковским и Е. А. Рыдзевской.[5]

Согласно саге, норманнский конунг Эймунд, вынужденный покинуть родину, поступает с дружиной на службу к новгородскому князю Ярославу. Эймунд помог ему захватить и удержать киевский великокняжеский стол. Затем из-за разногласий по поводу оплаты Эймунд с соратниками покидают Ярослава и переходят на службу к полоцкому князю Брячиславу. Последнему Эймунд оказывает неоценимые услуги в борьбе с Ярославом. По мирному договору между этими князьями Ярослав получил Новгород, Брячислав — Киев, а Полоцк достался Эймунду. После смерти Брячислава Киев вновь переходит во владения Ярослава, а Эймунд, умирая, оставляет Полоцк (с согласия Ярослава) своему побратиму Рагнару.

Таким образом, «Сага» дает следующие неизвестные по другим источникам сведения по полоцкой истории: служба варяжских наемников во главе с Эймундом в Полоцке, княжение Брячислава в Киеве, правление Эймунда, а затем Рагнара в Полоцке. Кроме этого, в ней есть еще два любопытных свидетельства. Первое касается характера власти князя над Полоцкой землей: Брячислав, в ответ на предложение варягами службы, просит время для совета со своими мужами, которые дают ему деньги. В этих «мужах» можно видеть и боярскую думу[6], и вечевой строй.[7] Второе — о передаче Полоцка Эймундом Рагнару с согласия Ярослава подразумевает верховное право Ярослава на Полоцк.

Отношение к сагам вообще и к «Эймундовой саге» в частности у исследователей неоднозначное: от полного отрицания достоверности содержащихся в сагах сведений до безоговорочного принятия их.[8] В историографии Полоцкой земли «Сага об Эймунде» использовалась довольно активно, но в современных исследованиях делалось это не всегда корректно. Так, например, в изложении полоцких эпизодов «Саги» Л. В. Алексеевым Эймунд выступает инициатором набега Брячислава на Новгород, где «в руки победителей якобы даже попала новгородская княжна Ингигерда». Считая сведения саги об условиях мира Брячислава с Ярославом фантастическими, Л. В. Алексеев полагает, что после разграбления Новгорода норманны покинули Брячислава.[9] По «Саге» Брячислав с Эймундом вели против Ярослава оборонительную войну. Княгиня Ингигерд была захвачена Эймундом на лесной дороге из засады, когда ехала в стан к мужу — киевскому князю Ярославу.[10] Набег на Новгород в «Саге» не упоминается вообще. Произвольно обошелся с полоцкими известиями «Саги» и Н. И. Ермолович, отнеся княжение Брячислава в Киеве к 1019—1021 гг., т. е. ко времени, предшествующему заключению союза между Брячиславом и Ярославом.[11]

Разумеется, достоверность событий и их хронологии в «Саге» не безупречны. Но задача исследователя

Лиственская битва. Миниатюра Радзивиловской летописи. XV в.

и заключается в том, чтобы определять по мере возможности степень достоверности источника и содержащихся в нем сведений. Как источник по древней истории Руси «Сага об Эймунде» неоднократно подвергалась критическому разбору. Мы приводим здесь лишь те выводы, которые касаются хронологии излагаемых в саге событий и определения степени их достоверности.

Сопоставляя сведения «Саги» с летописями, исследователи пришли к выводу, что описываемые в ней события относятся к 1015 (либо 1016)—1021 гг.[12] По мнению А. И. Лященко, сага верно отражает основные события борьбы Ярослава со Святополком и Брячиславом, однако роль варягов в них преувеличена, а договор между Ярославом и Брячиславом недостоверен.[13] Н. Н. Ильин полагал, что в «Саге» объединены отдельные устные рассказы очевидцев и участников событий — вернувшихся на родину соратников Эймунда. Поэтому связь между отдельными эпизодами саги, в том числе и хронологическую, он считал искусственной. Однако подробности отдельных сообщений, относящихся к описанию событий, к характеристике тех или иных черт среды, в которую попали герои саги, по мнению Н. Н. Ильина, заслуживают доверия.[14] Последний вывод может быть принят с учетом текстологического исследования саг, в результате которого было установлено, что описание поведения (речей, поступков) знатных скандинавов за пределами их родины делалось по нормам литературного этикета (формулы, стереотипа). И хотя стереотипные формулы также имеют историческую основу, главным критерием выделения реальных событий и явлений служит отход от общей, стереотипной схемы.[15]

Соглашаясь со многими положениями работ А. И. Лященко и Н. Н. Ильина, мы не можем принять двух выводов: хронологических рамок описываемых в саге событий и оценки саги, как записи рассказов соратников Эймунда.

В тексте «Саги об Эймунде» нет конкретных дат событий. Их время определяется на основании сопоставления с летописными известиями. Из летописей следует, что в период с 1015 по 1024 г. Ярослав четыре раза приглашал наемные варяжские дружины: дважды в 1015 г., в 1018 г. и 1024 г.[16] В саге же постоянно действует одна дружина Эймунда. Более детальное сопоставление летописных известий о наемных варяжских дружинах и текста «Саги об Эймунде» выявляет новые противоречия. Так, в качестве одного из условий найма к Ярославу Эймунд требует для своей дружины отдельный дом. «А Ярицлейв (так именуют саги Ярослава — Ю. З.) конунг велел выстроить им каменный дом и хорошо убрать драгоценной тканью».[17] Но из летописей известно, что наемная варяжская дружина была перебита в 1015 г. новгородцами «во дворе Поромони». Название двора связано не с именем некоего Парамона, а с греческим термином X в. ΠΑΡΑΜΟΥΑΙ — «телохранители»[18], таким образом, «двор Парамони» — это помещение для привилегированных наемных отрядов. Даже допуская, что в 1015 г. Ярослав нанял одновременно несколько варяжских дружин, мы должны признать, что на «дворе Парамони» была истреблена именно дружина Эймунда. Варяжские отряды, нанятые после этого в том же 1015 г., либо уцелевшие после возмущения новгородцев, участвовали, по свидетельству летописей и «Саги», в борьбе Ярослава против Святополка и в захвате Киева. В 1018 г. варяжские наемники, по сообщению летописей, в составе войск Ярослава выступили против союзника и тестя Святополка — польского короля Болеслава Храброго. На реке Буг Ярослав потерпел сокрушительное поражение и бежал в Новгород только «с 4-ми мужи». Разумеется, это не означало, что все войско Ярослава пало в бою, часть его была рассеяна и спасалась от преследования войск Болеслава, как свидетельствует Хроника Титмара.[19] Однако наемные дружины, ставившиеся, как это видно из описания лиственской битвы, на острие главного удара,[20] были истреблены или понесли тяжелейшие потери. Поэтому в том же 1018 г. Ярослав и новгородцы нанимают новые варяжские отряды. «Сага» не упоминает о сражении на Буге, и это не случайно: согласно литературному этикету, варяги за пределами своей родины не знали поражений,[21] поэтому, если нельзя было исказить события и выставить варягов победителями, события замалчивались.

Новые варяжские наемники участвовали в занятии Киева и в битве со Святополком и печенегами. Эти летописные сообщения получили отражения и в саге. Дальнейшая судьба наемников 1018 г. по летописям не прослеживается. Вероятно, они были отпущены за ненадобностью. Согласно саге, через год после окончательной победы над Святополком Ярослав прекратил выплату жалования варягам и Эймунд увел дружину в Полоцк к Брячиславу. В заключение хронологического разбора отметим еще одно противоречие. Нанимаясь к Ярославу на службу в Новгороде, Эймунд застает там жену Ярослава — дочь шведского конунга Олава. Но согласно Исландским анналам, брак между Ярославом и Ингигерд был заключен только в 1019 г.[22]

Таким образом, на основании сопоставления летописных известий о наемных варяжских дружинах и «Саги об Эймунде» можно сделать вывод, что в «Саге» отражены действия на Руси нескольких сменявшихся в силу тех или иных причин наемных варяжских отрядов. Все действия этих отрядов и их предводителей приписаны «Сагой» Эймунду и его дружине. Такой литературный прием привел к возникновению в тексте «Саги» определенных хронологических противоречий, обнаруживающихся при сопоставлении текста «Саги» с иными источниками.

Обратимся теперь непосредственно к хронологии полоцких событий «Саги об Эймунде». Для определения их времени в тексте саги имеются две отправные, но взаимоисключающие точки отсчета. Эймунд прибывает в Полоцк спустя год после убийства Бурислейфа или Бурислава (в «Саге» это собирательный образ главных врагов Ярослава — Святополка и польского короля Болеслава Храброго[23]), т. е. в 1021 г. и за три года до смерти полоцкого князя Брячислава, т. е. в 1041 г. Отвергая вторую дату, как явно недостоверную, историки безоговорочно приняли первую. Но в саге есть еще один, менее заметный, но важный указатель на время появления Эймунда в Полоцке. По прибытии Эймунд говорит Вартилаву (так именуется в «Саге» Брячислав): «Сказал я Ярицлейву конунгу, что мы сюда, к вам, поедем, потому что я подозреваю, что он хочет уменьшить твои владения, как брат его сделал с ним...»[24] Ясно, что под братом здесь не может подразумеваться Святополк, поскольку он если и требовал, по саге, города и торги от Ярослава, то не получил их, а лишился сам всех владений и жизни. А Эймунд говорит о свершившемся факте. Известно, что уменьшить владения Ярослава удалось лишь одному его брату — тмутороканскому князю Мстиславу, который овладел левобережьем Днепра, и, не принятый горожанами Киева, занял Чернигов. Пытаясь отстоять свои владения, Ярослав усилил войска наемной варяжской дружиной, двинулся на Мстислава, но в битве под Лиственом потерпел сокрушительное поражение. Наемную дружину варягов возглавлял некий Якун. Вот что говорится об этом в летописи: «И приде Якун с Варягы, и бе Якун сь леп,[25], и луда бе у него золотом исткана. И приде к Ярославу; и иде Ярослав с Якуном на Мстислава. Мстислав же, слышав, взиде противу има к Листвену. ...И бысть сеча силна, яко посветяша молонья, блещашеться оружье, и бе гроза велика и сеча силна и страшна. Видев же Ярослав, яко побежаем есть, побеже с Якуном, князем варяжьскым, и Якун ту отбеже луды златоя».[26] После битвы пути Ярослава и Якуна расходятся. Ярослав бежит в Новгород, Якун уходит за море.

Обратимся теперь к эпизоду саги, повествующему о разрыве Эймунда с Ярославом. Рассорившись с князем киевским, Эймунд с соратниками готовится к от-

Бегство Ярослава и Якуна с поля лиственской битвы. Миниатюра Радзивиловской летописи. XV в.

плытию в Полоцк. Ингигерд, жена Ярослава, с помощью своего родича Рагнвальда пытается хитростью захватить или убить Эймунда. Спрятав воинов в засаде, они вызывают Эймунда на берег для беседы. Эймунд направляется к княгине. «На Эймунде был плащ с ремешком, а в руках — меч. Они сели на холме, а внизу была глина. Княгиня и Рагнвальд сели близко к нему, почти на его одежду.[27] Княгиня сказала: «Нехорошо, что вы с конунгом так расстаетесь. Я бы очень хотела сделать что-нибудь для того, чтобы между вами было лучше, а не хуже». Ни у того, ни у другого из них руки не оставались в покое. Он расстегнул ремешок плаща, а она сняла с себя перчатку и взмахнула ею над головой. Он видит тогда, что тут дело не без обмана и что она поставила людей, чтобы убить его по знаку, когда она взмахнет перчаткой. И сразу же выбегают люди [из засады]. Эймунд увидал их раньше, чем они добежали до него, быстро вскакивает, и раньше, чем они опомнились, остался [только] плащ, [сам] он им не достался».[28]

И в летописном сообщении 1024 г., и в только что приведенном эпизоде саги фигурирует брошенный варяжским предводителем плащ. В обоих случаях плащ был утрачен, когда пути варяжского конунга и Ярослава разошлись и когда варягу грозила смертельная опасность. Подобное внимание к плащу, а точнее, к его потере, не случайно. В летописи эта деталь подчеркивает поспешность бегства, а следовательно, и серьёзность поражения, нанесенного войскам Ярослава и наемным варягам. Иную цель преследует сага. Из содержания многих исландских саг известно, какое внимание в скандинавском обществе уделялось хорошему оружию, драгоценным уборам и красивой одежде. К таким вещам относился и златотканый плащ Якуна, в котором он прибыл на Русь. И утрату плаща следовало как-то объяснить. Но сага, разумеется, не могла рассказать о бегстве с поля боя, когда в спешке пришлось избавиться от красивой, но тяжелой одежды. Ведь, как уже отмечалось выше, в сагах варяги за пределами родины не ведают поражений. И так же как о разгроме войск Ярослава и варяжской дружины на Буге в 1018 г., умалчивает «Сага об Эймунде» и о поражении в лиственской битве. Была придумана иная версия потери знаменитого плаща, избавившись от которого Эймунд избежал смертельной опасности и ускользнул из ловушки, расставленной хитроумной Ингигерд. Результат тот же — потеря плаща, но в саге он потерян при столкновении не с войсками славянского князя, а с соотечественниками, причем знаменитыми. К тому же в саге бегство Эймунда не является его поражением: он оказался прозорливей и хитрее противников, и поскольку в последующем эпизоде саги соратники Эймунда захватили часть нападавших, в конечном итоге Эймунд одержал верх.

Параллели в летописной статье 1024 г. и соответствующих эпизодах саги (переход варягов в Полоцк после того, как Ярослав лишился части владений, потеря варяжским предводителем в момент опасности плаща) позволяют прийти к заключению, что уход варягов от Ярослава к Брячиславу в «Саге об Эймунде» приходится не на 1021 г., а на 1024 г. и что Якун является прототипом, либо одним из прототипов Эймунда в «Саге».[29]

В самом деле, датировка перехода варягов на службу в Полоцк основывалась только на дате конфликта между Брячиславом и Ярославом. Но описание борьбы их в «Саге» не соответствует летописным известиям. Более того, согласно «Саге», по заключенному между племянником и дядей миру Ярослав княжил в Новгороде, сохраняя верховную власть, а Брячислав получил Киев и Киевское княжество. По летописям, именно в 1024 г. Ярослав бежал в Новгород, где пробыл до окончательного заключения мира с Мстиславом в 1026 г. В этот период Киев управлялся, согласно летописям, некими мужами Ярослава.[30] Наличие в Киеве Брячиславова двора, упоминаемого летописями под 1068 г.,[31] двора, который мог быть только киевской резиденцией Брячислава, дает основа-

ние полагать, что в трехлетний период 1024—1026 гг. Киевом управляли не мифические мужи Ярослава, а его племянник и союзник Брячислав. При реальной опасности повторных попыток занятия Киева Мстиславом, замещение Ярослава его мужами не могло вселять уверенности в горожан, и они могли склониться на сторону черниговско-тмутороканского князя. Иное дело, если Ярослава замещал князь, внук Владимира Святославича. Его кандидатура полностью устраивала и самого Ярослава, поскольку в отличие от Мстислава или третьего, младшего брата Ярослава — Судислава, Брячислав не мог законно претендовать на киевский великокняжеский стол прежде, чем завершится линия сыновей Владимира. К тому же Брячислав был связан с Ярославом союзническими обязательствами и являлся правителем независимого государства — Полоцкого княжества. Таким образом, сведения «Саги» и летописей о трехлетнем пребывании Брячислава в Киеве взаимно подтверждаются и дополняются.

Сведения летописей о бегстве Якуна-Эймунда после лиственской битвы за море могут быть неточными и свидетельствуют лишь о том, что в дальнейшей истории Киевской Руси он не играл существенной роли, а тем более той, что приписывает ему сага (владение или правление Полоцким княжеством и ведение вопросами обороны Киевской Руси). Не мог он занимать важного положения, приписываемого ему сагой, и в Полоцке, поскольку если и поступил на службу к Брячиславу, то явился туда после лиственской битвы лишь с жалкими остатками дружины. Никакого конфликта между Брячиславом и Ярославом в 1024 г., т. е. после поступления Якуна-Эймунда на службу в Полоцк, не было. До 1026 г. Ярослав пребывал в постоянной тревоге, опасаясь возобновления Мстиславом военных действий, и успокоился он окончательно, видимо, лишь после смерти брата в 1036 г. О прочном союзе Полоцка и Киева при Брячиславе (с 1021 г.) свидетельствуют и летописи[32]. Вероятнее всего, что поступив на службу к Брячиславу и узнав об имевшем прежде место столкновении полоцкого князя с Ярославом, варяги Эймунда-Якуна сочинили рассказ о своем решающем участии в этом конфликте, соединив воедино и существенно переработав реальные события 1021 и 1024 гг. Переработка эта преследовала все ту же цель — возвеличивание роли Эймунда и варягов в событиях, происходивших в Киевской Руси и Полоцкой земле. Не исключено, что информацию о борьбе Брячислава с Ярославом составители рассказа могли почерпнуть у соотечественников, служивших уже в то время в Полоцке. (О варяжских наемниках, участвовавших в набеге Брячислава на Новгород, упоминает Длугош в своей Хронике. Впрочем, нельзя полностью отрицать возможность, что автор Хроники почерпнул эти сведения из той же «Саги об Эймунде».)

К сделанным выше выводам о характере «Саги об Эймунде» можно добавить на основании изучения хронологии ее полоцких эпизодов следующее. События, излагаемые в саге, происходили в период с 1015 по 1024—1026 гг. Одним из прототипов Эймунда был предводитель наемной варяжской дружины, именуемый в летописях Якуном. Можно допустить, что впервые на территории Киевской Руси Якун появился в 1018 г., а в 1024 г. был повторно нанят на службу Ярославом. Остатки отряда Якуна-Эймунда прибыли в Полоцк в 1024 г. после лиственской битвы. Полоцкие события саги отражают в существенно искаженном виде события 1021 и 1024—1026 гг.

В заключение попытаемся, сопоставляя сведения саги с летописями и учитывая результаты текстологического изучения саг, выделить из нагромождения различного рода вымыслов хвастливых норманнов крупицы относительно объективной информации по полоцкой истории, помимо приведенных выше данных о пребывании Брячислава в Киеве и службе варягов в Полоцке.

Отбросим сразу как недостоверные сведения саги о владении Эймундом, а затем Рагнаром Полоцкой землей, для придания правдоподобности которым соста-

Мстислав осматривает поле лиственской битвы. Миниатюра Радзивиловской летописи. XV в.

вители рассказа на 18 лет сократили период княжения (и жизни) Брячислава. Подчеркнем еще раз, что реальные силы, которыми располагал Якун-Эймунд, придя в Полоцк, не позволяли ему занять там высокое положение.

Упоминание в саге о каком-то верховном праве Ярослава на Полоцкую землю также проистекает из вымышленной ситуации с ранней смертью Брячислава и является недостоверным. Положение приведенного в саге договора о том, что верховным правителем в Гардарике (Киевской Руси) будет Ярослав,[33] означает лишь верховенство власти Ярослава в период правления Брячислава в Киеве и на Полоцкую землю распространяться не могло. Впрочем, условным оно было и на территории Киевской Руси, поскольку левобережье Днепра было под властью Мстислава.

Обратимся теперь к эпизоду найма Эймунда к Брячиславу. Ссылка Эймунда на грозящую Полоцку со стороны Ярослава опасность — это стереотип, использовавшийся и при поступлении Эймунда на службу к Ярославу, хотя, как уже отмечалось, в нем есть момент историзма, характеризующий положение дел Ярослава после лиственской битвы. Более любопытен ответ Брячислава: «Дайте мне срок посоветоваться с моими мужами, потому что они дают деньги, хотя выплачиваю их я».[34] Такой ответ разнится с ответом в подобной ситуации Ярослава и, не являясь стереотипным, указывает на особое положение полоцких князей, не являющихся самовластными правителями и обязанных принимать решения по важнейшим вопросам совместно с представителями земли. Мы не знаем в точности круга этих вопросов, характера и формы участия представителей земли в управлении. В саге этот орган назван тингом — народным собранием, но составители рассказа, вероятно, употребили термин, знакомый их слушателям-соотечественникам.

Объем и характер статьи не позволяют привести в ней свидетельства летописей о взаимоотношениях полочан и полоцких князей. Ограничимся лишь замечанием, что основа их могла быть заложена при принятии на полоцкое княжение варяга Рогволода и что приверженность полочан династии Рогволодовичей могла обуславливаться их желанием сохранить статус кво в отношениях с княжеской властью.

Особый интерес представляет рассказ саги о договоре, заключенном между Ярославом и Брячиславом. Поскольку в описании столкновения между этими князьями сага отражает события 1021 и 1024 гг., резонно предположить, что и в описании договора могло найти отражение соглашение между Ярославом и Брячиславом 1024 г., по которому Брячислав занял на время Киевский стол. Мы имеем в виду не сам факт вокняжения Брячислава в Киеве при сохранении верховной власти над этим городом Ярославом, а те условия, на которых Брячислав оказал дяде и союзнику эту услугу.

В 1024 г. положение Ярослава было весьма сложным. Войска Мстислава подошли к Киеву, а в это время в Суздальской земле шли волнения, вызванные голодом, движение возглавили волхвы. Едва успев успокоить эту окраинную территорию, Ярослав двинулся на Мстислава и был разбит. В этой ситуации сохранение союза с Брячиславом было жизненной необходимостью. И если в более благоприятной ситуации 1021 г. Ярослав, склоняя племянника к союзу, пошел на территориальные уступки, то в 1024 г., нуждаясь в особой поддержке союзника, он должен был скрепить союз новыми территориальными уступками. Смутный намек на увеличение владений Брячислава можно видеть в характеристике сагой новых владений его — «наполовину больше, чем было у него до сих пор».[35] И хотя в саге речь идет о Киевском княжестве (ведь по ее сюжету Полоцк отходил Эймунду), очевидно, что имелось в виду постоянное владение Полоцкого князя.

Весьма заманчиво предположение О. И. Сенковского, что Эймунду помимо Полоцкого княжества досталась еще и какая-то область, лежащая подле Полоцка.[36] Но на деле сага говорит о г. Полоцке и Полоцком княжестве. Этими же словами характеризуются владения Брячислава в начале саги, когда Эймунд только направляется на Русь. Поэтому более точен перевод данных фрагментов у Е. А. Рыдзевской — «Пальтескью (Полоцк. — Ю. З.) и всю область, что сюда принадлежит», «Палтескью и область, которая сюда принадлежит».[37]

Летописи также не упоминают о территориальных приобретениях Полоцка в 1024 г. Но сопоставление некоторых летописных сведений с археологическим материалом позволяет кое-что прояснить в данном вопросе. У юго-западных рубежей Полоцкого княжества располагалась обширная и густо заселенная Менская волость. Древнейшим центром ее было поселение на р. Мене или Менке. В культурном слое поселения, как в укрепленном центре, так и на посаде найдено много клейм в виде трезубца — знака Владимира Святославича.[38] Такие же клейма были обнаружены нами при раскопках некоторых ключевых сельских поселений Менской волости. В расположенном в 20 км от менковского комплекса Заславле (древнем Изяславле), который археологически исследован более полно, найден лишь один фрагмент такого клейма, что объясняется коротким периодом пребывания города под властью Владимира. Обилие клейм-трезубцев на менковском поселении свидетельствует о нахождении Менской волости в конце X — начале XI вв. в составе Киевской Руси. По летописным известиям 1067 г. Менск был уже полоцким городом и, как следует из упорного сопротивления его горожан войску Ярославичей, вошел Менск в состав Полоцкой земли задолго до этого события. Для того, чтобы меняне прониклись полоцким патриотизмом, одно-два поколения их должны были родиться жителями Полоцкой земли. Союзнические отношения Брячислава и Ярослава, как и взаимоотношения Полоцка и Киева в начальный период княжения Всеслава, исключают возможность захвата Полоцком Менской волости. Следовательно, это произошло в результате соглашения между полоцким и киевским князьями, но соглашения не 1021 г., условия которого известны. Настоятельная необходимость Ярослава в новом соглашении с полоцким князем в 1024 г. очевидна. Указания на территориальные приобретения Брячислава по этому соглашению есть в «Эймундовой саге». Сопоставление археологических материалов с летописными свидетельствами дает нам основание предполагать, что по соглашению 1024 г. к Полоцкой земле отошла именно Менская волость.

Критическое рассмотрение «Саги об Эймунде» в комплексе с другими источниками дополняет сведения по истории Полоцкой земли, особенно относящиеся к середине 20-х годов XI в.

---

[1] Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. I. Стб. 129, 146, 155.

[2] Патриаршья или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 8—9. С. 77.

[3] Там же. С. 77.

[4] Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X—XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1988—1989 годы. М., 1991. С. 41.

[5] Сенковский О. И. Собр. соч. СПб., 1858. Т. 5. С. 511—573; Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. Материалы и исследования. М., 1978. С. 89—104.

[6] Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск, 1975. С. 15.

[7] Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство. Л., 1986. С. 254.

[8] Об этом подробно см.: Лященко А. И. «Eymunder Saga» и русские летописи // Известия АН СССР, 1926. Серия VI. Т. 20. № 12. С. 1061—1086.

[9] Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв. М., 1966. С. 241. Эти сведения Л. В. Алексеев, очевидно, почерпнул из примечаний О. И. Сенковского к переводу саги. См.: Сенковский О. И. Собр. соч. Т. 5. С. 556—557.

[10] Рыдзевская Е. А. Указ соч. С. 102.

[11] Ермаловіч М. Старажытная Беларусь: Полацкі і навагародскі перыяды. Мінск, 1990. С. 94—98.

[12] Лященко А. И. Указ. соч. С. 1067, 1081, 1086; Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источники (опыт анализа). М., 1957. С. 92.

[13] Лященко А. И. Указ. соч. С. 1074, 1079—1081, 1083, 1085, 1086.

[14] Ильин Н. Н. Указ. соч. С. 92.

[15] Джаксон Т. Н. Указ. соч. С. 70—79.

[16] Лаврентьевская летопись. Стб. 130, 141, 143, 148.

[17] Рыдзевская Е. А. Указ. соч. С. 92.

[18] Лихачев Д. С. Текстология. Л., 1983. С. 140.

[19] Ильин Н. Н. Указ. соч. С. 108.

[20] Лаврентьевская летопись. Стб. 148.

[21] Джаксон Т. Н. Указ. соч. С. 72.

[22] Там же. С. 159.

[23] Ильин Н. Н. Указ. соч. С. 94—95.

[24] Рыдзевская Е. А. Указ. соч. С. 101.

[25] В летописях «и бе Якун слеп», однако еще Е. Ф. Карский высказал предположение, что правильно должно писаться «бе Якун сь леп» — т. е. «был Якун этот красив». Такова же точка зрения Д. С. Лихачева. См.: Лаврентьевская летопись. Стб. 147—148, примечание д; Памятники литературы Древней Руси XI — начала XII века. М., 1978. С. 437.

[26] Лаврентьевская летопись. Стб. 148.

[27] Этот фрагмент более точен в переводе О. И. Сенковского — «сели к нему близко и налегли на его платье». Указ. соч. С. 553.

[28] Рыдзевская Е. А. Указ. соч. С. 101.

[29] По мнению О. И. Сенковского, Якун — это ошибочное написание имени Ямун, славянской передачи имени Эймунд. Отождествляя Якуна с Эймундом, Сенковский исходит из того, что Эймунд в это время уже исполнял обязанности по защите Киевской Руси, возложенные на него по договору между Ярославом и Брячиславом. По мнению Д. С. Лихачева, Якун — производное от имени Хакон. См.: Сенковский О. И. Указ. соч. С. 510; Памятники литературы Древней Руси XI—начала XII вв. С. 437.

[30] Лаврентьевская летопись. Ств. 149.

[31] Там же. Стб. 171.

[32] Патриаршья или Никоновская летопись. С. 77.

[33] Рыдзевская Е. А. Указ. соч. С. 103.

[34] Там же. С. 101.

[35] Там же. С. 103.

[36] Сенковский О. И. Указ. соч. С. 567.

[37] Рыдзевская Е. А. Указ. соч. С. 91, 103.

[38] Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.), Минск, 1978. С. 66.

В. Н. МИЛЮТИН

НАХОДКА ВИЗАНТИЙСКОЙ МОНЕТЫ В ПОЛОЦКЕ В 1988 г.

Раскопки последних лет в Полоцке принесли новые находки монет.* Наибольший интерес среди них представляет византийский анонимный фоллис 60-х гг. XI в.

На лицевой стороне обнаруженного в 1988 г. в Полоцке фоллиса — погрудное изображение смотрящего вперед Христа в тунике и химатионе. За его главою — нимб с вписанным в него абрисом равностороннего креста, правая рука находится в благословляющем жесте, левая — держит свиток. По сторонам изображения — монограмма IC—XC (под титлами). Все окружено ободком из крупных точек.

На оборотной стороне — погрудное изображение Богородицы Оранты с нимбом в тунике и мафорни, по сторонам — монограмма МР—ОУ (под титлами). Все также окружено ободком из крупных точек.

Сохранность монеты чрезвычайно плохая — она покрыта мелкими выбонинами, появление которых, вероятно, следует объяснить термодинамическими нагрузками, возникшими из-за нахождения монеты в сильном пожаре. Это подтверждается сведениями С. В. Тарасова, обнаружившего фоллис в перекопной яме, над которой явственно прослеживались следы пожарища. Именно эти нагрузки привели к «выгоранию» верхнего слоя медн, из-за чего определение монеты было сильно затруднено, но что привело к появлению защитной пленки окислов медн термического происхождения, предотвратившей коррозию монеты, чистка которой практически не производилась. Описанные выше изображення на фоллисе (в деталях) приводятся не столько по данному экземпляру из Полоцка, сколько по аналогам из других собраний (см. список литературы). Состояние монеты не позволяет опубликовать её фотографию.

Чеканка анонимных византийских фоллисов начинается в конце X в. и связана с именем Иоанна Цимисхия, который, отражая благочестие и смирение перед верховной божественной властью, ввел в качестве платежного средства монеты с изображением Христа на одной стороне и надписью «Исус Христос, Царь царей» на другой (хотя появление образа Христа на монетах связано с Юстинианом 685—695, 705—711 гг.; но эти монеты не были анонимными). Чеканка

* Автор выражает свою благодарность археологу С. В. Тарасову, предоставившему монету для публикации.

анонимных монет продолжалась более столетия (3, с. 11—13).

Византийские анонимные монеты изучались разными учеными, первую их классификацию предложил В. Рот, выделивший 10 различных типов фоллисов. А. Беллинджер и М. Томпсон предложил уточненную классификацию, выделив 12 типов монет, чеканившихся в 971—1081 гг. (3, с. 11—16).

Фоллисы, аналогичные найденному в 1988 г. в Полоцке, В. Рот относит к Константину IX (1042—1055), А. Беллинджер — к Михаилу VII (1071—1078), М. Томпсон — к Роману IV (1067—1071) (3, с. 14—15). Позднее А. Беллинджер совместно с Ф. Гриерсоном стали датировать этот тип 1065—1070 гг., относя к концу правления Константина X Дуки (1059—1067) и началу правления Романа IV Диогена (1068—1071) (4).

Таким образом, вместе с этой находкой всего на территории Белоруссии зафиксировано 16 случаев обнаружения византийских монет (4 — в кладах, 2 — в погребениях, 8 — единичные находки, 2 — неясных). Из них 14 дают относительную возможность для анализа: 30 монет, из которых 7 — медных, 8 — серебряных, 14 — золотых, 1 — неясная. При этом следует отметить, что находки монет связаны с пунктами, расположенными на водных путях сообщения. Все медные монеты представлены единичными находками, происходящими в основном с юга Белоруссии (Пинск, Мозырьский район, Речица, Гомель); в северной части Белоруссии известны лишь две монеты (Полоцк)*. Серебряные монеты происходят из кладов (Старый Дедин, Новый Двор, Поречье), в которых они представлены одним-двумя экземплярами, либо из погребений (Заужелье, Избище). Клады как бы маркируют среднюю область Белоруссии с некоторым смещением к востоку. Все золотые монеты происходят из одного клада (Пинск).

Хронологически обнаруженные на территории Белоруссии византийские монеты охватывают период, начиная с середины VII в. и заканчивая первой третью XII в. Одна находка середины VII в., затем полное отсутствие сведений о находке монет VIII и IX вв. Постепенное нарастание находок монет к середине X в., резкий рост поступления в последней трети X в. — первой четверти XI в., и постепенное уменьшение поступления византийской монеты происходит во второй половине XI — первой трети XII вв.

Рассматривая данные о поступлении византийской монеты на территорию Белоруссии на более широком фоне (2, с. 1), следует обратить внимание на имевшее место «движение ранневизантийской монеты со среднего Поднепровья по Днепро-Неманской (Пинск—Неманский район Калининградской области — Калининград) и Днепро-Вислянской (Зимное — Мазурское Поозерье) системах путей сообщений» (1, с. 61). Для второй половины IX—начала XIII в. В. Н. Зоценко выделяет 2 зоны обращения византийской монеты в Восточной Европе: южную, куда входила юго-восточная Прибалтика, с преобладанием бронзовых и золотых монет, и северную, в обращении которой находился главным образом милиарисий; зоны отличались и по обстоятельствам находок византийских монет (1, с. 72-73).

Территория Белоруссии оказалась расположенной между этими двумя зонами; причем, если север Белоруссии относился к северной зоне обращения, а юг — к южной, значительный интерес представляет ее регион с Минском в центре. Расположенный на одном из ответвлений Днепро-Неманского пути, он, вероятно, входил в южную зону обращения византийской монеты, находясь на самом ее пограничье с северной. Следовательно, в этом регионе преимущественное распространение могла иметь южная денежно-весовая система середины X—XI вв., хотя она и находилась в постоянном взаимодействии с северной. Район Полоцка принадлежал к северной зоне обращения и появления в нем медной византийской монеты, что, по мнению В. Н. Зоценко, может быть связано с Киево-северорусским торгом (1, с. 72).

ЛИТЕРАТУРА

1. Зоценко В. Н. Византийская монета в Среднем Поднепровье // Южная Русь и Византия. — Киев, 1991. — С. 57-79.

2. Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. — М., 1962.

3. Христова З. Анонимни Византийски монети (фолиси) в българските земи през X — XI в. // Нумизматика. — 1978. — № 2. — С. 11-16. На болгарском языке.

4. Bellinger A.R., Grierson Ph. Catalog of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks collection and in the Whittemore collection. — Washington, 1973-V.3.-Pt.2.-P. 692-694.-Plate 61: Class G.

Приложение.
Описание монеты.

Византия. Константин X Дука (1059—1067) и Роман IV Диоген (1068—1071). Фоллис анонимный. Тип G (по А. Р. Беллинджеру и Ф. Грнерсону). Чеканка 1065—1070 гг.

Медь. Диаметр 25,1 мм. Вес 5,26 г.

Сохранность — мелкие выбоины, патина, изображение просматривается слабо.

Место находки: Полоцк, Великий посад, 1988 г., кв. 125, гл. 2,22 м, № 1892.

Место хранения: Полоцкий историко-культурный заповедник, отдел фондов.

Определение Ш. И. Бектинеева.

---

* Одной из них посвящена данная статья.

Л. У. ДУЧЫЦ

МАСКАВІЧЫ

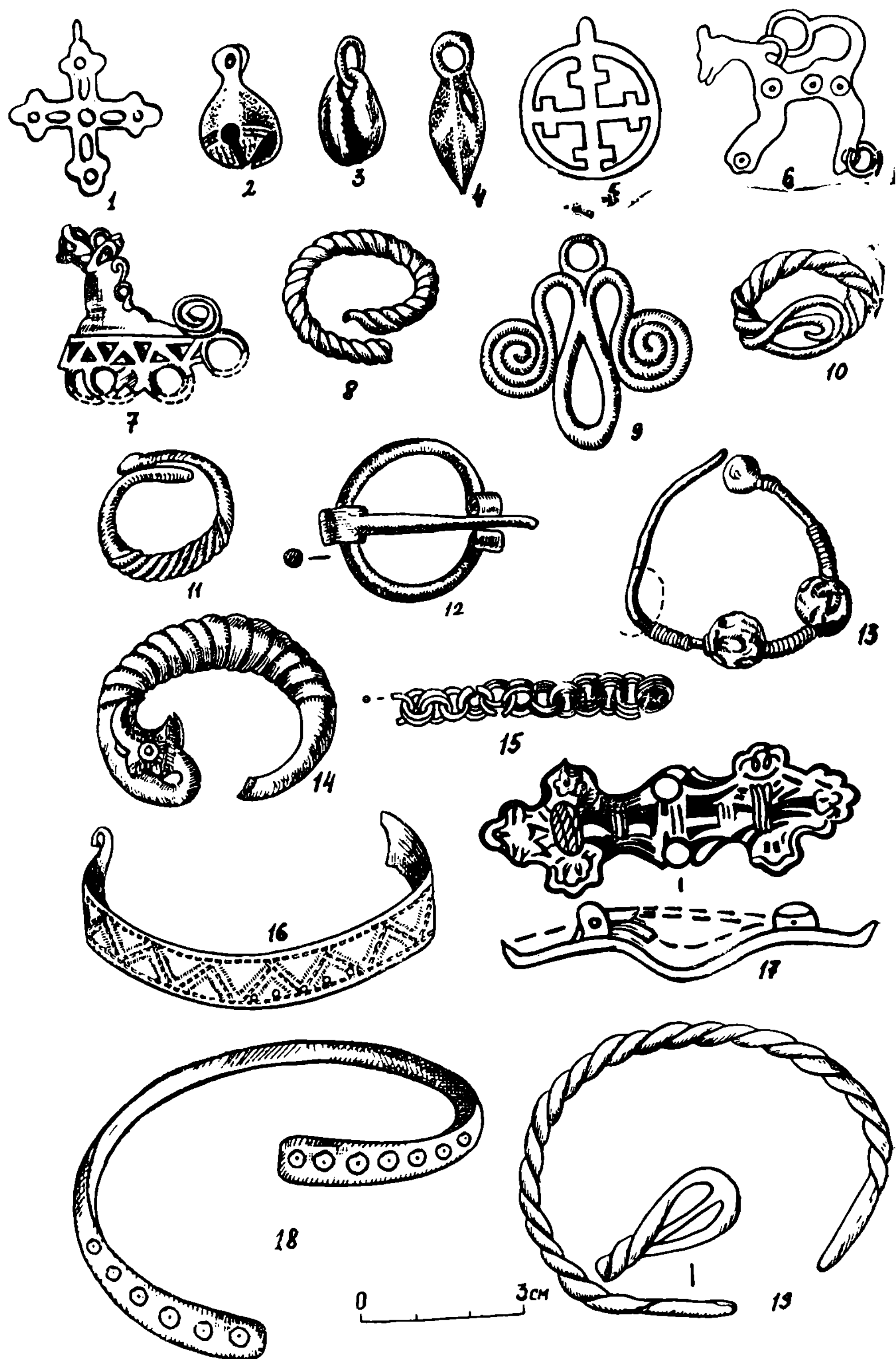
Складванне і росквіт Полацкага княства, аднаго з буйнейшых ва Усходняй Еўропе, адносіцца да IX—XII стст. На тэрыторыі былога княства захавалася шмат рэштак умацаваных паселішчаў, не названых у летапісах, асабліва гэта тычыцца беларуска-латышска-літоўскага паўзмежжа, менавіта Браслаўскага Паазер'я. Падзеі на далёкай ускраіне Полацкага княства мала цікавілі летапісцаў Кіева і Ноўгарада і таму звесткі аб гэтым раёне фрагментарны. Полацкія ж летапісы да нас не дайшлі.

У канцы I — пачатку II тысячагоддзя Браслаўшчына з'яўлялася кантактнай зонай крывічоў з усходнепрыбалтыйскімі плямёнамі. Вядома таксама, што ў канцы XI — пачатку XII стст. мірныя сувязі з прыбалтыйскімі народамі сталі перарастаць у спробы падпарадкавання іх уладзе Полацка. Латгалы, лівы, селы, земгалы, куршы былі даннікамі Русі. На тэрыторыі гэтых пляменных аб'яднанняў у XII ст. узніклі Кокнэсе і Ерсіка, княствы, якія знаходзіліся ў васальнай залежнасці ад Полацка, але ў той жа час карысталіся адноснай самастойнасцю.[1] У гэты ж час таксама ішоў працэс кансалідацыі балцкіх плямён у літоўскую народнасць і стала ўзнікаць пагроза з боку ваяўнічай Літвы. Таму і з'явілася патрэба ва ўмацаваннях на паўночна-заходняй ускраіне Полацкага княства, выкліканая неабходнасцю замацаваць за Полацкам землі, заселеныя крывічамі. Як паказваюць археалагічныя раскопкі, у гэтыя часы ўзнікаюць магутныя ўмацаванні ў Браславе,[2] Дрысвятах[3] і Маскавічах.[4] Адначаснае ўзвядзенне ўмацаванняў з'явілася вынікам планавання лініі абароны. Калі Браслаў і Дрысвяты хутчэй за ўсё былі гарадамі, то Масквічы, якія ўзніклі ў XI ст. і загінулі ў канцы XIII—пачатку XIV стст., па сацыяльнаму абліччу стаялі бліжэй да феадальнай сядзібы. Яны выконвалі ваенна-палітычную функцыю, ролю адміністрацыйнага, гандлёвага, культурнага і рэлігійнага цэнтра.

Маскавіцкае гарадзішча знаходзіцца ў 0,3 км на поўдзень ад вёскі Маскавічы, на марэнным узгорку, размешчаным на беразе возера Дзебра (заліва воз. Неспіш), уваходзячага ў сістэму Браслаўскіх азёр.[5] Плошча пляцоўкі гарадзішча 1 га. Дэшыфроўка аэрафотаздымка гарадзішча і яго наваколіц выявіла цесную забудову на пляцоўцы і ўздоўж берагавой лініі. Археалагічна вывучана каля 3 тыс. кв. м пры культурным слоі 0,2—0,6 м. Рэшткі пабудоў не захаваліся, але, мяркуючы па профілях раскопаў, слядах абгарэўшых бярвенняў і характару мацерыка, можна казаць, што жытлы былі наземнымі, срубнымі. Падлогі рабіліся глінабітныя і дашчатыя. Печы былі глінабітнымі.

Як называўся гэты замак? Ёсць некалькі меркаванняў. Ён мог называцца і сённяшняй назвай вёскі — Маскавічы (Маскаўцы), або сугучнай — Маскалішкі, Мацкаўцы, Маскалішкяй і да т. п. Падобныя назвы сінхронных паселішчаў ёсць ва Усходняй Латвіі, Усходняй Літве і на Пераяслаўскім Пасуллі, менавіта там, дзе ўзводзіліся ўмацаванні ў часы ўсходнеславянскай каланізацыі. Такія назвы даследчыкі звязваюць з этнанімічнай тапанімікай, характэрнай для перыферыйных усходнеславянскіх паселішчаў.[6] Замак мог называцца і Рубеж. У карысць такога меркавання сведчаць публікацыі мінулага стагоддзя, дзе паказаны карты Русі на сярэдзіну XI ст. На картах паміж Браславам і Заходняй Дзвіной адзначаны пункт Рубеж. Вёска Рубеж у гэтай мясцовасці існуе і сёння. Іншых жа гарадзішчаў са слоем XI—XIII стст. тут няма.[7] Не выключана і назва паселішча Рацішы або Рацюны. Ф. В. Пакроўскі прывязваў гарадзішча не да в. Маскавічы, а да в. Рацішы (Рацюны), якая раней знаходзілася на поўдзень ад гарадзішча і зараз ад яе засталіся толькі два хутары. У 2 км на поўдзень ад Маскавіч зараз існуе в. Рацюнкі, дзе таксама маецца гарадзішча плошчай 0,2 га з сінхронным культурным слоем. Замкі каля Рацюнаў і Рацюнак былі звязаны паміж сабой. Адсюль і назвы, азначаючыя вялікі і малы замкі. Цікава яшчэ, што побач з рацюнкаўскім гарадзішчам была вёска Мізары, ад якой на сёння застаўся толькі адзін хутар. Назвы Рацюны і Рацюнкі маглі паходзіць ад старажытнарускага слова «рацъ», або ад уласнага імя Рацьшын ці Рацьша.

Атрыманы ў Маскавічах падчас археалагічных раскопак матэрыял сведчыць, што асновай гаспадаркі было земляробства і звязаная з ім жывёлагадоўля. Колькасць хатніх і дзікіх жывёл роўная, але паляўніцтва давала мяса ў два разы больш, чым адкорм хатняй жывёлы. Вялікай была і роля рыбалоўства. У паселішчы развіваліся рамёствы— жалезаробчае, касцярэзнае, ганчарнае, ювелірнае. Важнымі галінамі хатняй вытворчасці былі апрацоўка дрэва, скуры, а таксама ткацтва. Рамёствы былі разлічаны галоўным чынам на патрэбы паселішча і яго навако-

Мал. 1. 1—7, 9—падвескі; 8, 10, 11 — пярсцёнкі; 12, 14, 17 — фібулы; 13 — скроневае кальцо; 15 — ланцужок; 16, 18, 19 — бранзалеты.

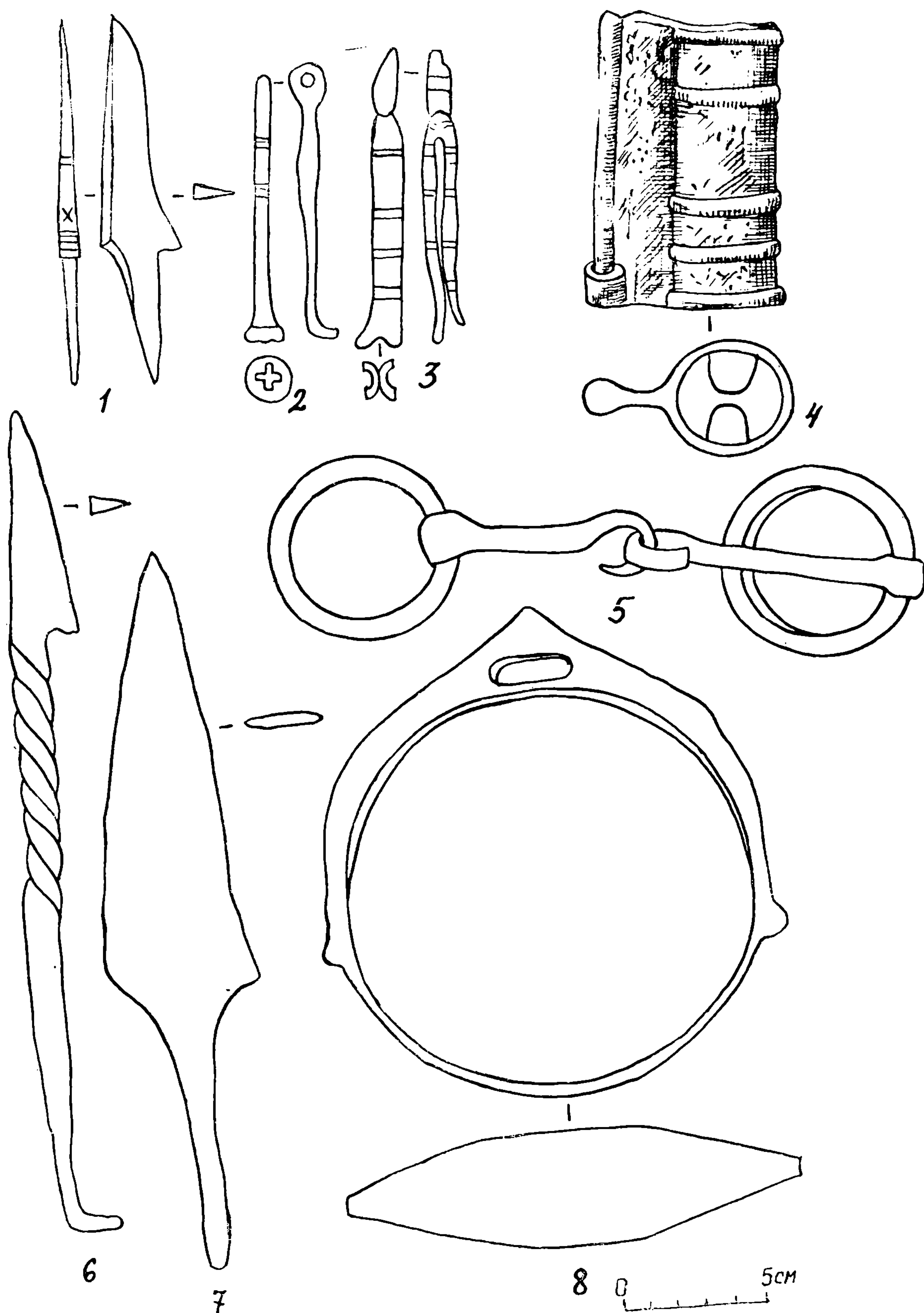
ліц. Развітай была кавальская справа. Аб гэтым сведчаць знойдзеныя паўфабрыкаты і жалезныя шлакі. Пры вырабе рэчаў прымяняліся складаныя тэхналагічныя аперацыі. Выяўлены і сляды ювелірнага рамяства: ліцейныя формачкі, матрыцы для ціснення бляшак, кавалачкі меднага дроту, ювелірныя пінцэты, незавершаныя ўпрыгожванні. Аб апрацоўцы косці сведчаць адходы касцярэзнай вытворчасці і шматлікасць касцяных вырабаў. Мноства разнастайных фрагментаў кругавога посуду не выклікае сумнення ў тым, што ў Маскавічах было высока развіта ганчарнае рамяство. Існаванне ганчарнай майстэрні пацвярджаецца і знаходкамі вялікай колькасці донцаў гаршчкоў з аднолькавымі клеймамі. На гарадзішчы зафіксавана і шмат прывазных рэчаў. Аб удзеле ў далёкіх гандлёвых сувязях сведчаць знаходкі шкляных бранзалетаў, пацерак і пярсцёнкаў, шыферных праселкаў, сердалікавых пацерак, ракавін каўры, бурштыновых крыжыкаў і г. д. Шырокія гандлёвыя сувязі пацвярджаюцца знаходкамі гірак-разнаважак і вялікай жалезнай гірай. Паблізу ад Маскавіч праходзілі буйныя гандлёвыя водныя і сухапутныя шляхі. З Заходняй Дзвіны па прытоках і волаках можна было трапіць у Днепр і р. Вялікую. Паблізу ішоў сухапутны Аўгшэземскі гандлёвы шлях з Літвы ў Пскоў і Ноўгарад. Сухапутны шлях быў і ўздоўж Заходняй Дзвіны. Не выключана, што ў Маскавічах быў пункт для абмену прадуктаў мясцовага вырабу і промыслаў на прывазныя тавары. Возера Дзебра, на беразе якога размяшчалася маскавіцкае паселішча, уяўляла сабой зручную гавань, куды па рацэ Друйцы ў Заходнюю Дзвіну маглі заходзіць гандлёвыя судны. Магчымы і іншы шлях: па волаку з Заходняй Дзвіны, а потым праз азеры Снуды і Неспіш.

Неаднародным быў сацыяльны склад насельніцтва. Так, сярэбраныя ўпрыгожванні (падвескі, скроневыя кольцы з трыма пацеркамі, шасцівугольная ўстаўка ад пярсцёнка, шыферны крыжык у сярэбранай аправе), візантыйскія шкляныя бранзалеты, пазалочаныя гузікі і шэраг іншых рэчаў маглі належаць толькі людзям багатым і знатным. Развіты гандаль сведчыць аб наяўнасці ў Маскавічах гандляроў. Знаходкі трох крыжоўэнкалпіенаў, у тым ліку ўпрыгожанага пазалотай і выемчатай эмаллю, дазваляюць меркаваць аб пражыванні ў Маскавічах святчэннікаў.

На падставе знаходак зброі, рыштунку каня і конніка, абломкаў костак жывёл з выявамі на іх воінаў можна сцвярджаць аб наяўнасці ў Маскавічах ваеннага гарнізона. Вылучаюцца катэгорыі воінаў: цяжкаўзброеныя вершнікі, цяжкаўзброеныя пехацінцы і лёгкаўзброеныя пехацінцы. Першыя дзве катэгорыі з'яўляліся прафесійнымі воінамі, а трэцяя набіралася з насельніцтва акругі ў час ваеннай небяспекі.[8] Дружына ў сацыяльных адносінах таксама не была аднароднай. Так, жалезная булава лічылася зброяй радавых воінаў, а бронзавая булава, тым больш з упрыгожваннем, падкрэслівала знатнасць яе ўладальніка. Прывілеяванай зброяй лічыліся і мячы.

Паколькі Маскавіцкае паселішча выконвала ролю парубежнага пункту на мяжы з прыбалтыйскімі плямёнамі, то яго насельніцтва ўяўляла сабой этнічны кангламерат. Сярод знаходак значнае месца займаюць усходнеславянскія ўпрыгожванні (шырокарогія лунніцы, падвескі-конікі, манетападобныя падвескі, пласцінчатыя бранзалеты з геаметрычным арнаментам, скроневыя кольцы, шкляныя бранзалеты, пярсцёнкі і пацеркі). Ёсць падставы меркаваць аб пражыванні выхадцаў з вяціцкіх і наўгародскіх зямель. Аб першых сведчаць шыракалопасныя скроневыя кольцы, шыракасярэдзінныя рашотчатыя пярсцёнкі, плецены бранзалет са шклянымі ўстаўкамі на канцах, медная пацерка з напаянымі калечкамі, а аб другіх — полая білонавая падвеска-конік. Прысутнасць фіна-угорскага насельніцтва прасочваецца на знаходках у выглядзе вадаплаваючых птушак, фігурных ланцугатрымальнікаў, бранзалетаў і пярсцёнкаў, імітуючых косапляцёнку. Чарапахападобная фібула з ліліяпадобным арнаментам і адным завостраным канцом характэрна для ліваў. Да ўсходнепрыбалтыйскіх упрыгожванняў ці ўпрыгожванняў, выкананых па іх узорах, адносяцца звярынагаловыя бранзалеты, падкопападобныя фібулы, круглыя фібулы з выпукла-вогнутым сячэннем, шыйныя грыўны. Падковападобныя фібулы з патоўшчанымі канцамі і круглыя пласцінчатыя фібулы з выпукла-ўвагнутым сячэннем лічацца літоўскімі старажытнасцямі, падковападобныя са спіралепадобнымі канцамі — латгальскімі, а з сегментападобнымі канцамі — земгальскімі і г. д. Некалькі ўпрыгожванняў атаясамліваюцца са скандынаўскімі вырабамі. Гэта раўнаплечая фібула, падвеска-ланцугатрымальнік са спіралепадобнымі кругамі, падвеска ў выглядзе вадаплаваючай птушкі. Аб прысутнасці ў Маскавічах скандынаваў ці іх славянізаваных нашчадкаў сведчаць абломкі касцей жывёл з нанесенымі на іх рунічнымі надпісамі, знакамі і малюнкамі. Скандынаўскае пісьмо маглі прынесці воіны-наемнікі, купцы або скандынавы, якія ўдзельнічалі ў агрэсіі крыжакоў.

Усяго на костках налічваецца 265 знакаў. Асноўная большасць граф (41 з 46) супастаўляюцца са знакамі скандынаўскіх малодшарунічных алфавітаў сярэдневяковага рада. Большасць знакаў знаходзіць сувязь са скандынаўскай рунічнай пісьменнасцю XII—XIV стст., асабліва ў яе «бытавым варыянце». Спе-

Мал. 2. 1 — нож; 2, 3 — ключы; 4 — замок: 6, 7 — наканечнікі коп'яў; 5 — цуглі; 8 — стрэмя.

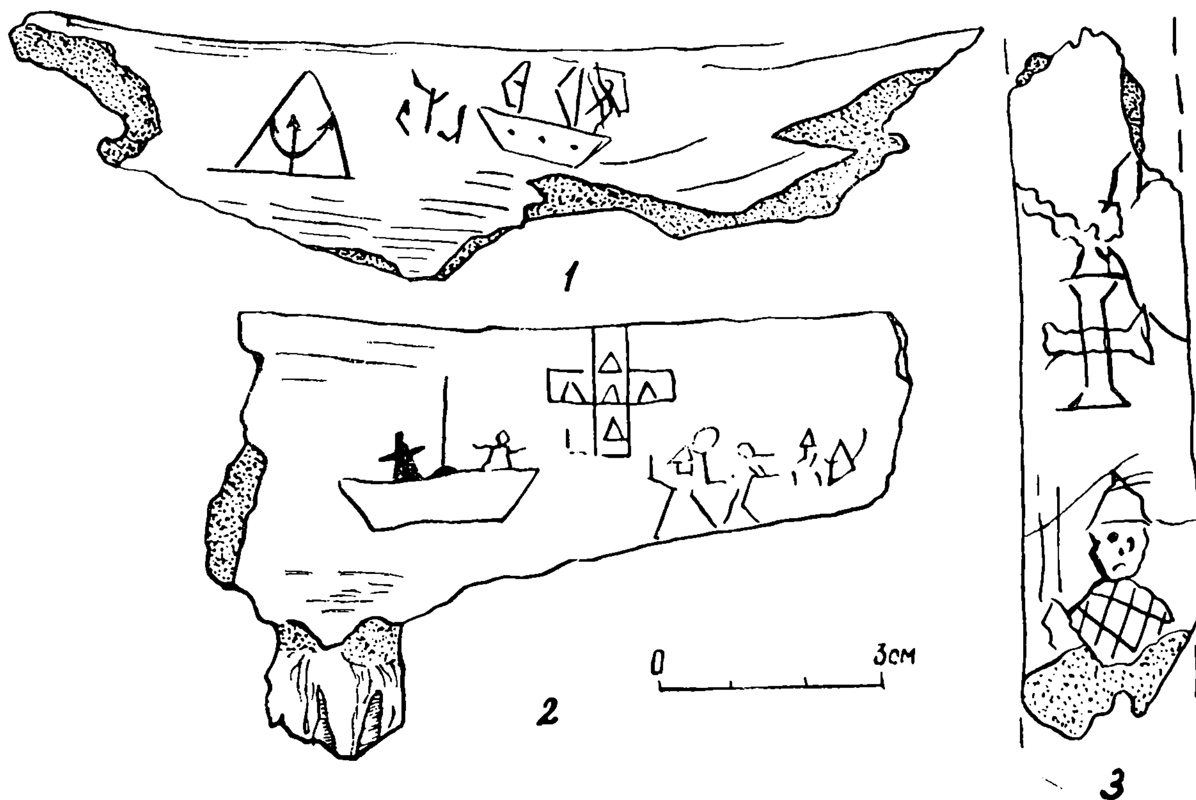
цыфіка пісьма на касцях з маскавіцкага гарадзішча, выкарыстанне рэдкіх атыповых форм рун, а таксама несуадноснасць у частаце ўжывання некаторых знакаў можа сведчыць аб тым, што тут мае месца дэградзіраванае пісьмо, навыкі якога былі часткова страчаны яго носьбітамі. У выніку гэтага графічныя формы падвергліся спрашчэнню і ўніфікацыі.[9]

Сярод малюнкаў вылучаецца 27 найбольш выразных. Усе яны выкананы контурнымі лініямі. Малюнкі можна падраздзяліць на тры групы: выразнае аблічча чалавека, абстрагіраваныя выявы людзей і кампазіцыйныя малюнкі. На адным з малюнкаў над галавой воіна паказаны крыж на ланцужку, які па форме падобны да знойдзеных на маскавіцкім гарадзішчы энкалпіенаў. Асабліва цікавыя кампазіцыйныя малюнкі. Напрыклад, на адным малюнку ў баявой позе паказаны воін у кальчузе і шлеме, з мячом у правай руцэ і міндалепадобным шчытом у левай. На заднім плане лодка і побач з ёй другі воін. На абломку другой косці злева намаляваны трохвугольнік са знакам трызубца, справа— парусная ладдзя з чалавекам на карме. На трэцяй косці паказаны два дружыннікі, якія б'юцца мячамі. Па тэхніцы выканання некаторыя малюнкі маюць падабенства з шырокавядомымі малюнкамі на бяросце з Ноўгарада, якія адносяцца да рубяжа XII—XIII стст. Маскавіцкія малюнкі з'яўляюцца, хутчэй за ўсё, фрагментарнымі адлюстраваннямі падзей, якія адбываліся на Браслаўшчыне ў XII—XIII стст. Акрамя знакаў і малюнкаў, на костках ёсць выявы рашотак. У найбольшай ступені гэтыя рашоткі нагадваюць дошкі для гульні ў шашкі або шахматы на Русі ці Таўлеі ў Скандынавіі, а магчыма, выкарыстоўваліся як часовае аднаразавае прыстасаванне, якое імітуе поле гульні.

Акрамя таго, знакі ёсць і на прасліцах. Частка гэтых знакаў адносіцца да кірылічнага алфавіта, частка — да рунічнага. Аналогіі некаторым знакам вядомы на рэчах з археалагічных раскопак у Ноўгарадзе. Магчыма, гэта тайнапіс, які пачаў распаўсюджвацца ў XII ст.

Па ўсіх прыкметах (плошча 1 га, адсутнасць вялікага пасада, наяўнасць умацавання і ваеннага гарнізона, значныя сляды гандлёвай дзейнасці, значная роля сельскай гаспадаркі і палявання, рамяство, падпарадкаванае мясцовым запатрабаванням, наяўнасць каштоўных рэчаў) Маскавічы можна аднесці да сядзібы-замка, цэнтра невялікай феадальнай вотчыны.

Маскавіцкае ўмацаванне перастала існаваць недзе ў канцы XIII — пачатку XIV стст. пасля яго спалення і разрабавання. Менавіта ў гэтыя часы ў Полацкую зямлю спачатку часта адбываліся паходы літоўцаў,[10], а затым пачалі ўрывацца крыжаносцы.[11]

Мал. 3. 1—3 — малюнкі на костках жывёл.

ЗАЎВАГІ.

[1] Калнынь В. Очерки истории государства и права Латвии в XI—XIX вв. Рига, 1980. С. 12—14.

[2] Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 81. М., 1960. С. 95—106.

[3] Ткачоў М. А. Некаторыя вынікі археалагічных раскопак у в. Дрысвяты Браслаўскага раёна // Браслаўскія чытанні. Браслаў, 1991. С. 69—70.

[4] Дучыц Л. У. Браслаўскае Паазер'е ў IX—XIV стст. Мн., 1991.

[5] Упершыню гарадзішча пад назвай Рацішскага ў літаратуры было ўпамянута захавальнікам Віленскага музея старажытнасцей Ф. В. Пакроўскім у «Археологической карте Ковенской губернии» у 1893 годзе. У 1955 г. помнік абследваўся Л. В. Аляксеевым, у 1972 — М. М. Чарняўскім. З 1976 г. археалагічныя раскопкі вядуцца Л. У. Дучыц.

[6] Охманьский Е. Иноземные поселения в Литве XIII—XIV вв. в свете этнонимических местных названий // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981. С. 112—131; Моргунов Ю. Ю. О формировании степной границы на Переяславском Посулье // Труды V Международной конференции археологов-славистов. Т. 2. Киев, 1988. С. 285—289.

[7] Павлищев Н. И. Исторический атлас. Варшава, 1845 (2-е выд. Вильно, 1873; Погодин М. Древняя русская история до монгольского ига (атлас исторический, географический и археологический). М., 1871.

[8] Ласкавы Г. В. Узбраенне воінаў XII—XIII стст. з феадальных замкаў паўночнага захаду Полацкай зямлі (па матэрыялах раскопак гарадзішчаў Прудníкі і Маскавічы) // Старонкі гісторыі Беларусі. Мн., 1992. С. 47—57.

[9] Дучиц Л. В., Мельникова Е. А. Надписи и знаки на костях с городища Масковичи (северо-западная Белоруссия) // Древнейшие государства на территории СССР (1980). М., 1981. С. 185—216.

[10] История Литовской ССР. Вильнюс, 1978. С. 22—41.

[11] Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига, 1879. С. 67; Ткаченко Н. Г., Масан А. Н. Папство как вдохновитель усиления и расширения агрессивной деятельности Тевтонского Ордена // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1984. № 6. С. 25—33.

Г. В. ЛАСКАВЫЙ

К истории оружия Белорусского Подвинья в VI-XIII вв.

Статья первая

Оружие всегда занимало значительное место в материальной культуре людей. Бесчисленные военные столкновения и набеги в первобытном обществе, завоевательные походы времен складывания государственных образований, перманентные феодальные войны, равно как и сама система жизнеобеспечения в древности, ставили оружие в один ряд с орудиями труда— основными показателямн развития производительных сил.

Исследования в области истории оружия необходимы при изучении общего уровня развития древних обществ. Полученные данные являются чрезвычайно ценным показателем состояния ремесленного производства. Являясь важным объектом купли-продажи, оружие позволяет судить и о международных контактах. И, наконец (хотя данный аспект должен бы был указываться среди первых), оружие, всегда бывшее одним из наиболее ярко выраженных интеррегиональных элементов материальной культуры, всегда несло более или менее ярко выраженные в различные периоды черты своего «национального» происхождения. Это обстоятельство, при привлечении данных по погребальной обрядности, где предметы вооружения играли в свое время весьма значительную роль, имеет важнейшее значение при разработке проблем этногенеза.

В особом качестве выступает рассматриваемый предмет, если речь идет о регнонах, являющихся составной частью ряда последовательно сменявших друг друга археологических культур, где последние приобретали характерную только для данных мест специфику. Таковым являлось Белорусское Подвинье— край с богатейшей военной историей[1], на протяжении всего I и в начале II тысячелетия нашей эры выделявшийся последовательно как область бытования локальных вариантов днепродвинской и банцеровской культур, а также как ареал обитания особой группы кривичей — полочан.

К сожалению, несмотря на весьма веские побудительные причины, трудов по проблемам истории оружия населения указанного региона катастрофически мало. Справедливости ради надо отметить, что ни одна из серьезных работ археологов и историков не обходится без рассмотрения предметов вооружения, сводящегося, впрочем, к качественной констатации находок и отчасти типологии и хронологии. Специальные же публикации по данному вопросу единичны, что создает благоприятную почву для появления псевдонаучных сочинений, наподобие полного нелепостей «опуса» В. Н. Попенко «Холодное оружие Востока и Запада» (М., 1992 г.), способных скорее ввести читателя в заблуждение, нежели сообщить ему что-либо ценное.

Предлагаемая работа призвана в какой-то мере заполнить существующий на сегодняшний день пробел в изучении названной выше темы, хотя бы в пределах того региона, где зародилось первое на территории Белоруссии государственное образование. Автор надеется, что данная статья послужит началом серии публикаций, которые в какой-то мере исправят то положение, которое сложилось в изучении истории оружия в белорусской исторической науке.

Оружие первой функциональной группы

Оружие, относящееся к названной группе, характеризуется наличием лезвия, предназначенного для поражения объекта посредством удара, направление которого лежит перпендикулярно лезвию.

Основные конструктивные особенности позволяют расчленить входящее в эту функциональную группу оружие на две подгруппы. К первой относятся образцы, рукояти которых являются непосредственным продолжением рабочей частн (как бы составляют с ней единое целое: монтируемые детали рукояти — предохранительные приспособления, обкладки, весовые компенсаторы принципиального значения в этом случае не имеют). Данный конструктивный признак присущ оружию с рабочей частью в виде полосы-клинка, и поэтому эта подгруппа может быть условно названа «клинковой»[2]. Вторая подгруппа характеризуется рабочей частью, монтирующейся на заранее приготовленную рукоять (древко), и по этому признаку относящееся к ней оружие может именоваться «составным», или «древковым».

§ 1. КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ

Впервые о находках клинкового оружия на территории Северной Белоруссии сообщил В. Ф. Покровский (67, с. 5, 10—11-17). К сожалению, приводимые им сведения носят фрагментарный характер, поскольку находки, происходившие из любительских и случайных раскопок, оказывались утраченными без должного описания. После длительного перерыва сообщения о находках клинкового оружия, деталей его рукоятий и ножен с территории Белорусского Подвинья (самих по себе чрезвычайно редких) вновь появились на страницах археологической литературы последних тридцати лет (64; 28, с. 82—83; 2, рис. 72:1.37; 20, с. 359; 93, рис. 33:17; 11, рис. 34:1,2; 17, рис. 22:1). К настоящему времени в изучаемом регионе известно свыше двух десятков находок, относящихся к оружию рассматриваемой подгруппы, включающей двулезвийные мечи, однолезвийные мечи-палаши и сабли (84, с. 147, 153).

Отдел I. Двулезвийные мечи и их ножны

Первое упоминание о мечах «Рогволодовых внуков»— полоцких князей, помещенное в Лаврентиевской летописи под 1128 г. (71, с. 301), конечно же, не может считаться начальной датой появления этого оружия на изучаемой территории.

Двулезвийные мечи типа позднеримской спаты, возникшей в результате эволюции латенских клинков к концу II — началу III вв. н. э. (99, р. 116, dr. 1—12,

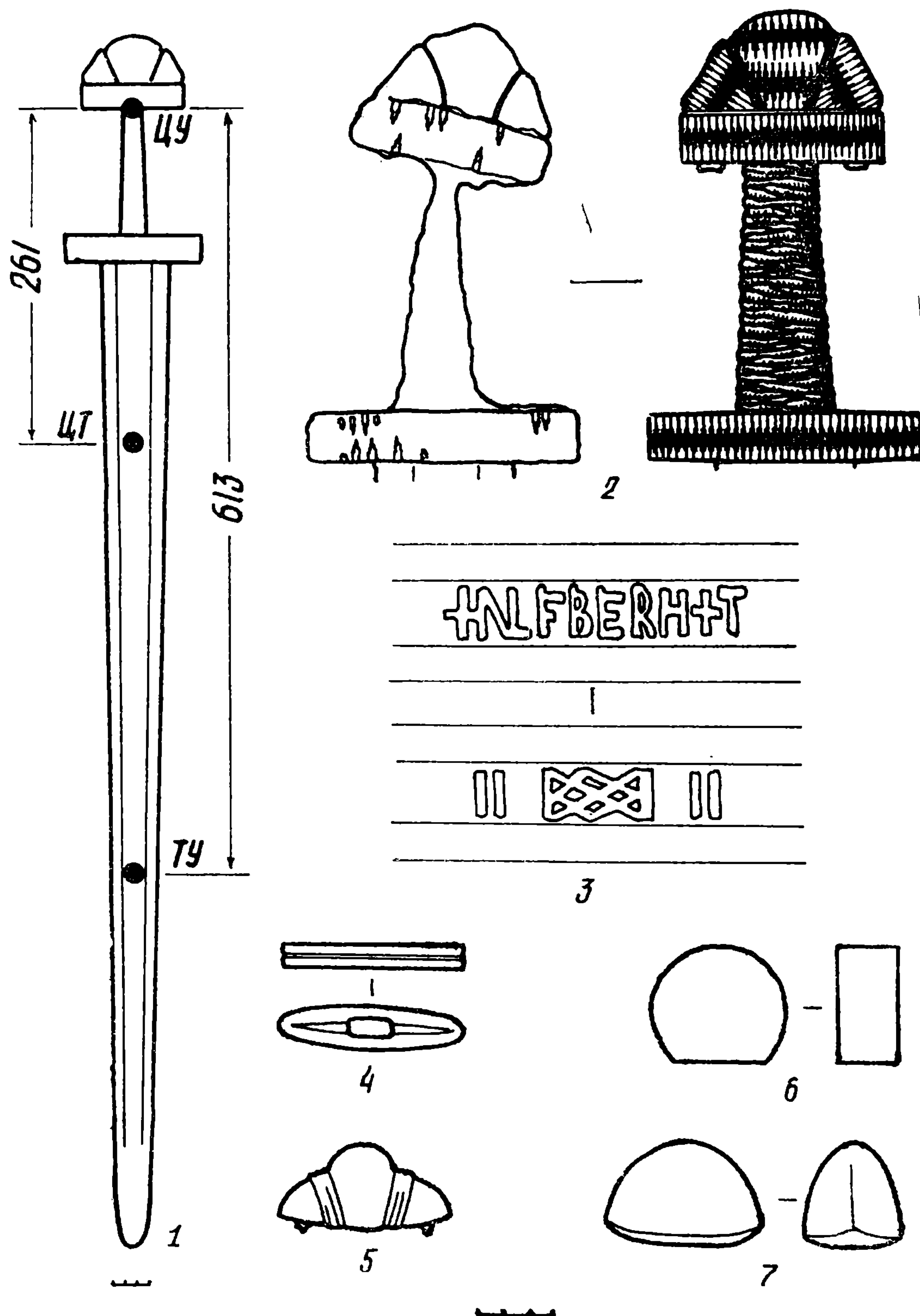

Рис. 1.

p. 260, 261, dr. 1—2) достаточно широко распространились в Европе после падения Римской империи (118, s. 11). Подобные мечи, правда в единичных экземплярах, в конце первой половины I тыс. н. э. появляющиеся на сопредельной исследуемому региону территории восточнобалтских племен (113, p. 23—25, 31; 115. Ipp. 138—142, att. 46:22), несомненно, импортного происхождения. Возможность проникновения такого оружия к населению Северной Белоруссии уже в этот период хотя и не исключена, но по сей день не находит археологического подтверждения. К тому же, с прекращением централизованного производства в результате гибели империи и отсутствии собственного, традиция употребления двулезвийных мечей не могла быть сколь либо длительной.

По сходным причинам нельзя связывать появление этого оружия в интересующем нас регионе с его славянской колонизацией. Следует отметить, что термин «меч» был заимствован славянами из готского языка, в котором слово «meki» служило для обозначения длинного двулезвийного клинка сарматского образца (106, s. 30), который в III—IV вв. мало чем отличался не только от позднеримской спаты (50, рис. 7:10—11; 99, p. 261, dr. 1—2; 74), но и от более поздних франкских и аламаннских мечей V—VII вв. (109, taf. 175:1—7; 27, с. 96), что, вероятно, способствовало определенной устойчивости термина у германских народов (89, с. 104). Приняв вывод Ф. П. Филина о проникновении термина «меч» в общеславянский язык в период его первой палатализации (89, с. 104), надо признать, что указанное заимствование могло произойти не ранее установления тесных гото-сарматских связей в начале III в. н. э. Несомненно, первоначально восприняли этот термин славяне, находившиеся в непосредственной близости от гото-сарматской среды. Между тем, вторая палатализация общеславянского языка, начавшаяся уже в III в. (89, с. 106), не затронула предков кривичей, что должно свидетельствовать об их обособленности по крайней мере в языковом отношении (79, с. 12) от остального славянского мира в период ее действия. В этой связи представляется невероятной возможность столь стремительного распространения готского термина на противоположный конец славянского мира. Более того, в современном литовском языке «kardas»—одно из слов, обозначающих меч, несомненно родственно славянскому «корд», пришедшему из индоиранских языков не позднее II—III вв. до н. э. (89, с. 142). Если в данном случае имело место заимствование указанного славянского термина, то оно могло произойти лишь до распространения названия готского происхождения у соседних славянских племен. Иначе трудно объяснить, почему оружие, первые экземпляры которого в V в. проникли к восточным балтам, вероятнее всего со стороны Повисленья—прародины кривичей (77, с. 55—59), не оставило следов слова «меч» в восточнобалтской лексике.[3] Но если у балтов клинковое оружие (изготовлявшееся, правда, в однолезвийном варианте, на месте) достаточно широко бытовало по крайней мере на территории Литвы и Латвии с VI в. (26, с. 99—104, 108), обеспечивая базу для сохранения соответствующих терминов, то у ближайших славянских соседей в послепшеворское время имело место явление скорее обратного характера.

Итак, вышесказанное позволяет утверждать, что и сам термин «меч» и соответствующее ему оружие пришли к подвинским кривичам из остального славянского мира достаточно поздно. Первое упоминание о мечах у восточных славян фигурирует в предании о «хазарской дани» (62, с. 16), где повествуется о событиях, происходивших, по мнению Д. А. Мачинского, в первой половине IX в., быть может, даже не позднее 825 г. (48, с. 48). Приняв такую датировку, следует признать, что в данном отрывке речь может идти скорее всего о двулезвийных мечах каролингского типа, широкое распространение которых началось со времени военной реформы первой половины VIII в. во франкском государстве (106, s. 30). Между тем, на наличие такого оружия у западных славян уже на рубеже VII—IX вв. указывает, по-видимому, Тионвилльский капитулярий Карла Великого 805 г., запрещавший вывоз на их территорию оружия и брони (54, с. 347, 348—349). Появление каролингских мечей в Восточной Европе в таком случае возможно связать с переселением туда одной из групп славян с берегов Эльбы, происходившим, как полагает Л. Н. Гумилев, в 800—809 гг. (9, с. 159). Не исключено проникновение этого вида оружия и в изучаемый регион, занимавший в этом смысле положение более предпочтительное нежели, например, Поднепровье: то есть, либо он мог находиться на пути переселенцев с Запада, либо последний проходил в непосредственной близости. Если же это так, то наличие каролингских мечей у населения Подвинья ко времени событий, описанных летописным преданием, достаточно вероятно. Исключительно выгодное географическое расположение региона не исключало также и участие его жителей в транзите или реэкспорте клинковой продукции из Рейнланда. Косвенно на такую возможность указывает сообщение арабского автора 40-х (или 80-х) гг. IX в. о русах-купцах, привозивших мечи к Черному морю из самых отдаленных концов «Славонии» (25, с. 25). Отсутствие в археологическом материале мечей данного периода может объясняться рядом причин — спецификой погребального обряда кривичей, особой ценностью такого оружия или обычаем наследовать его по мужской линии, отмеченным раннесредневековыми восточными источниками (59, с. 399, 400). Относительно последней причины следует упомянуть и вероятность замены у старых клинков рукоятей на более поздние типы (86, с. 75), что в перспективе исключает точную датировку самого клинка.

Самый ранний в изучаемом регионе экземпляр двулезвийного рубящего оружия был обнаружен во время строительных работ в г. Полоцке, по-видимому, на месте курганного некрополя древнего города (65). Сохранность находки вполне удовлетворительная: утрачен лишь фрагмент острия длиной не более 2 см и несколько деформирован черен рукояти. Вес меча в современном состоянии — 1260 г. Клинок каролингского типа при расчистке обнаружил клеймо западноевропейского происхождения «Ulfberht» на одном из долов, а орнамент «косая решетка» и «шпалы» — на другом (32, табл. 120:2). Длина клинка в настоящее время составляет 780 мм, ширина у перекрестья — 55 мм. Дол шириной 28 мм у рукояти заканчивается в 70 мм от места излома острия. Степень коррозированности металла столь незначительна, что вряд ли могла сколь либо серьезно изменить весовой баланс меча, что позволяет определить его основные боевые характеристики. Графический способ определения КПД клинкового рубящего оружия, предложенный А. И. Соловьевым (84, с. 149, 150, 153 рис. 1:4) в математическом выражении представляется следующей формулой: КПД=в/а, где «а» — расстояние от центра удара до точки удара, «в» — расстояние от центра удара до центра тяжести (рис. 1:1). Подставив необходимые цифры, получим значение КПД, равное 0,4257, что достаточно близко к максимальному для данного вида оружия показателю 0,45 (84, с. 150).

За исключением обкладки черена, выполненной из органического материала и поэтому не сохранившейся, все остальные элементы рукояти изготовлены из железа. Трехдольное, двухчастное навершье высотой 60 и шириной 80 мм, равно как и перекрестье высотой 19,5 и шириной 109,5 мм несут отдельные фрагменты декора в виде ступенчатых зубчиков белого металла и трехрядных ложных «жгутиков» того же материала, служащих разделителями долей навершья (рис. 1:2)[4]. Эти остатки определенно принадлежат декору, представлявшему комбинацию множества (до тысячи) полосочек различных цветных металлов, набитых на заранее подготовленную бороздчатую поверхность (28, с. 31—32). Данный орнамент, форма навершья и пе-

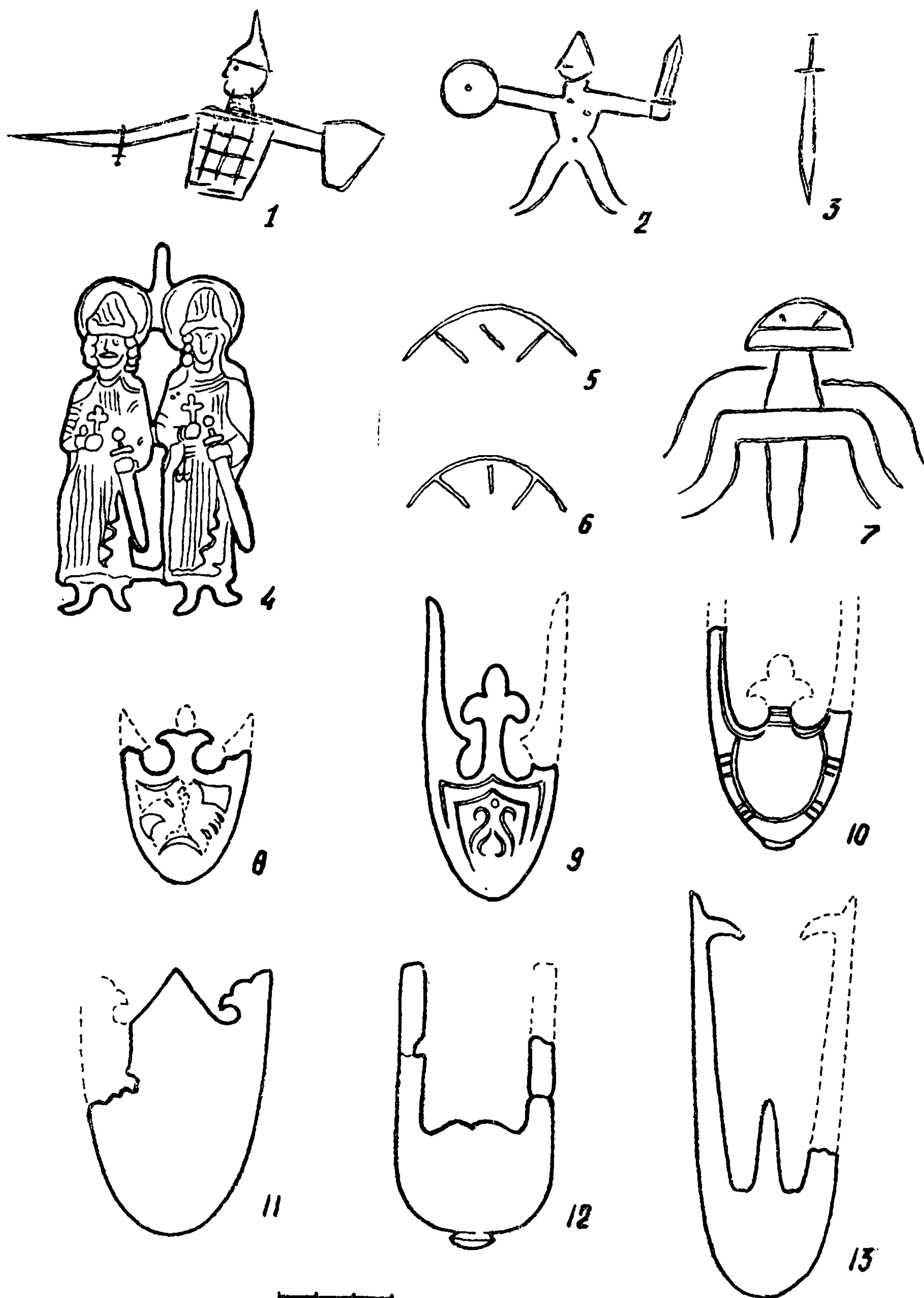

Рис. 2.

рекрестья позволяют отнести рукоять рассматриваемого меча к типу «V» (по типологии А. Н. Кирпичникова, адаптировавшего к материалу древнерусского периода схему Я. Петерсена), бытовавшему в X в., являвшемуся одним из наиболее распространенных на Руси (28, с. 31—32) и, вероятно, весьма популярному, судя по изображениям наверший рукоятей данного типа, известным по монетным граффити. Два из них обнаружены в изучаемом регионе на саманидских дирхемах из Козьянковского (рис. 2:6) середины X в. (14, с. 22, 137, 166) и Горовлянского (рис. 2:5) 1-й половины XI в. (14, с. 21, 52, 136, 165) кладов. Ширина дола полоцкого клинка позволяет отнести его ко времени до конца X в. (28, с. 52).

Деталью меча каролингского типа, возможно, является повторяющее форму перекрестья изделие из рога (рис. 1:4), обнаруженное на г-ще Прудники (Миорский р-н) при прорезке вала в той его части, которая была насыпана из культурного слоя и содержала материал как древнерусского периода, так и предшествующего времени (раскопки В. И. Шадыро), что исключает точную датировку предмета. Изделие представляет собой пластину сигарообразной формы толщиной 8 мм, длиной 71,5 мм и шириной 18 мм. По периметру проходит неглубокая бороздка. Судя по линзовидной выемке на одной из сторон пластины, клинок меча мог достигать у рукояти ширины 54 мм и толщины около 4,5 мм. Отверстие для черена имеет размеры 10x5 мм. Данное изделие могло быть деталью игрушки, однако его принадлежность к оружию также нельзя исключить. Каролингский меч с роговым навершьем и перекрестьем, с резным орнаментом, характерным для польского искусства конца X—XI вв., был найден у Черска-Польского неподалеку от Быдгоща (106, s. 36).

Следующие находки являются навершьями рукоятей мечей так называемого «романского» типа, распространившихся в Восточной Европе со второй половины XI в. (28, с. 49). Форма названных деталей позволяет выделить три их типа.

К первому относится верхняя часть двусоставного бронзового навершья (рис. 1:5), обнаруженного при раскопках детинца древнего Друцка (2, рис. 72:1). Деталь разделена на доли двумя трехрядными слабовыступающими валиками, причем средняя доля массивнее и несколько более рельефная, нежели боковые. Длина изделия около 70 мм, высота — порядка 35 мм. В нижней части сохранились остатки шпеньков, скреплявших верхнюю и нижнюю детали. Монтаж самого навершья производился путем расклепки окончания черена рукояти, на что указывает сквозное отверстие для него. Согласно типологической схеме А. Н. Кирпичникова, такие навершья следует отнести к типу II, бытовавшему во второй половине XI — первой половине XIII вв. и представляющему, по-видимому, специфическую восточноевропейскую форму, развившуюся из рукоятий типов S и А «местный» предшествующего времени (28, с. 53—54). Ближайшим аналогом друцкой находки является навершье рукояти меча XII—XIII вв. из Воздвиженского (28, с. 84—85, табл. XXV:1), а на территории Белоруссии железное с серебряной инкрустацией навершье (обе части) из слоя середины XII в. минского «Замчища», где было найдено также и перекрестье (21, с. 214, табл. VI:1—3).[5] Меч с аналогичным оформлением рукояти конца XII—начала XIII вв. был найден неподалеку от Гродно (37, с. 41, мал. 3:14). Друцкое навершье может датироваться этим же временем.

Следующий тип представлен железным, в форме асимметричной чечевицы, навершьем (рис. 1:7) с городища Масковичи (17, с. 41). Его длина составляет 63 мм, высота 42 мм, ширина 40 мм. Вес достигает 310 г. Отверстие для черена сквозное, у основания имеет размеры 20x10 мм. На спинке намечается грань. Подобная форма является, по-видимому, заимствованием из Центральной Европы — в Словакии и Польше она бытует уже в XI—XII вв. (107, abb. 10:1—4; 106, s. 62—63). На древнерусской территории такие навершья, отнесенные А. Н. Кирпичниковым к типу IV, редки и встречаются на рукоятях мечей второй половины XII — первой половины XIII вв. (28, с. 54). Стратиграфия находки с Масковичского городища (Браславский р-н), на котором жизнь продолжалась до рубежа XIII—XIV вв. (15, с. 42), позволяет, если пренебречь возможностью перекопа, расширить верхнюю границу этой датировки еще примерно на пятьдесят лет.

К третьему типу принадлежит плоское дисковидное навершье (рис. 1:6), также происходящее с городища Масковичи (17, с. 41). В нижней части боковая грань уплощена: в результате диск выглядит как бы лишенным небольшого сегмента. Длина навершья 52 мм, высота — 46 мм, толщина — 24 мм. Предмет несколько попорчен коррозией, и его вес в современном состоянии составляет 265 г. Отверстие для черена сквозное, у основания имеет размеры 20x10 мм. Относясь к типу VI по схеме А. Н. Кирпичникова, такие навершья представляют его вариант, встречающийся на Руси в XII в. (28, с. 55). В Центральной Европе они появляются столетием раньше и с незначительными изменениями продолжают бытовать по XIV в. включительно (106, s. 62—63, 67; 107, s. 182. abb. 15:4). Масковичское навершье обнаружено в слое с находками XII — середины XIII вв. (сведения Л. В. Дучиц) и, следовательно, может датироваться тем же временем.

Согласно наблюдениям А. Надольского, использовавшего для анализа польского материала типологическую схему Р. Е. Оуксшотта, чечевицеподобные навершья применялись на рукоятях мечей с клинками типа «X» до XII в. и типа «XI» в основном в XII в. (106, s. 62—63, Rys. 7, 8). Дисковидные плоские навершья изредка употреблялись на рукоятях польских мечей типа «X» до XII в. — но в основном на типе «XI» во второй половине XII в. 106. s. 62—63, Rys. 7, 8). Судя по значительному весу масковичских находок, они служили компенсаторами длинных, тяжелых клинков, соответствующих в древностях Польши типу «XI», появившемуся около 1050 г. и доминировавшему в 1100—1200 гг. (106, s. 63). То, что хронологические рамки бытования наших навершийй, как впрочем и их древнерусских аналогий, оказались смещенными в сторону «омоложения» относительно центральноевропейского материала, позволяет предположить такое же смещение в хронологии соответствующих им типов клинков. Отчасти это подтверждается и расширением верхней датировки каролингских мечей в Польше вплоть до XII в. (106, s. 35—36). Обоснованием такого предположения может служить также имеющийся изобразительный материал, хотя здесь следует сделать поправку на определенные иконографические каноны в одном случае и на схематизацию в другом. Так, мечи с дисковидными навершьями и клинками, напоминающими польские типа «X», изображены в руках Бориса и Глеба (рис. 2:4) на бронзовой иконке-подвеске из Копыси (20, с. 359, рис. Б) с классической домонгольской иконографией конца XII — первой половины XIII вв.[6] Похожим мечом вооружен и воин с рисунка на кости из городища Масковичи (40, мал. 4:Б), где встречающиеся параллельно с такими рисунками знаки рунического письма поствикингского периода (16, с. 213—216) позволяют датировать изображение (рис. 2:2) XII—XIII вв.

Другой рисунок из Масковичей (16, рис. 5:г) указывает на знакомство населения изучаемого региона с еще одним типом меча с клинком в виде сильно вытянутого треугольника (рис. 2:1). Подобная форма появляется на древнерусской территории во второй половине XIII в. (28, с. 56), что не противоречит датировке и масковичского материала.

Следует упомянуть о мечах, установить тип которых не представляется возможным. Один из них был случайно обнаружен в Иказни, однако, по упомянутой Ф. В. Покровским со слов местных жителей, особенности клинка — пилообразное с одной стороны лезвие

тип

I | II | III | IV

подтип

А | Б | В

вариант

0 | 1 | 10 | 2 | 3 | 4

0 | 1 | 10 | 2

IА-20 1 2

IВ-20 3

IБ-30 4

IБ-20 5 6 7

IБ-41 8

IIВ-41 14

IIIБ-20 16

IIIВ-20 17

IIIВ-21 18

IА-32 9

IБ-22 10

IБ-32 11

IIВ-22 12 13

IIIА-02 15

IIIА-22 19

IIIБ-12 20

IIIБ-22 21

IIIВ-02 22

IIIВ-22 23

Рис. 3.

(67, с. 5), он вряд ли может относиться к интересующему нас периоду. Еще одна находка происходит из раскопок курганов с трупоположениями у д. Замошье (Браславский р-н), производившихся, по сведениям населения, польскими археологами в 30-х годах (по данным Л. В. Дучиц).

Ближайшим установленным центром производства клинков была земля куршей (117, р. 30, 31, 32; 103, 1pp. 241—242). Находки на территории Украины мечей куршского, по мнению некоторых исследователей, происхождения (52, с. 50) предполагают участие населения Северной Белоруссии в их транзите или реэкспорте на юг, поскольку курши, названные среди данников Руси в начале XII в. (62, с. 13), непосредственные даннические отношения могли поддерживать лишь с Полоцкой землей. Последняя, используя такую ситуацию, могла в определенной мере удовлетворять свои потребности в этом оружии за счет его экспорта из западных земель Латвии и Литвы.

Вопрос о производстве мечей в Древней Руси, решенный после обнаружения клейма фощеватовской находки, остался открытым в части, касающейся центров производства, их количества и локализации по регионам. Между тем, местное производство предполагает наличие исходных материалов, определенный уровень развития металлургии, обеспечивающий получение необходимых сортов металла или же их налаженный импорт и, наконец, знакомство местных ремесленников с необходимыми технологическими приемами. Исследованиями М. Ф. Гурина установлено наличие для изучаемого региона указанных предпосылок (11, с. 16—17, 21—22, 24, 100, табл. 3, рис. 1).[7] Сравнение технологических схем клинков мечей (28, с. 45—46; 8, с. 252—255, рис. 2:1,2; 106, s. 45, Rys. 5) и кузнечной продукции рассматриваемого периода из белорусского Подвинья (11, с. 83—99, табл. 4) демонстрирует широкое использование местными ремесленниками приемов, необходимых как для изготовления клинков по сравнительно простой технологии — цельножелезных, с полной или частичной цементацией, сваркой железа и стали с последующей закалкой, так и выпуска изделий с узорчатой сваркой[8] и ювелирным убранством.

Результаты металлографического анализа наверший из Маскович (11, с. 76) и отмеченное выше «запаздывание» верхней датировки их бытования в регионе, ставящее под сомнение возможность импорта на этом этапе, может служить свидетельством местного производства не только этих деталей, но также и соответствующих клинков. Наличие кузниц на территории Верхнего замка Полоцка и друцкого детинца (94, с. 103; 3, с. 168) указывает на возможность существования такого производства для непосредственного обслуживания нужд постоянных воинских отрядов при крупных феодалах. Нельзя, впрочем, отрицать выпуска, хотя бы и незначительного, по заказу представителей других социальных слоев или же на продажу.

Необходимой принадлежностью меча были ножны. Поскольку мы не имеем в исследуемом регионе находок сохранившихся экземпляров, можно лишь предполагать, что их конструкция была схожа с описанной А. Надольским на примере ножен середины XI в. из Гданьска. Основа из двух дощечек оклеивалась полотном, затем обтягивалась вывернутым швом внутрь кожаным «чулком» и прошивалась в нижней части бронзовой проволокой или, реже, скреплялась специальным наконечником (106, s. 47). Из-за невозможности идентификации прошивок среди фрагментов других бронзовых изделий и заготовок сразу перейдем к анализу обнаруженных в регионе наконечников. Среди 6-и известных нам экземпляров можно выделить несколько типов.

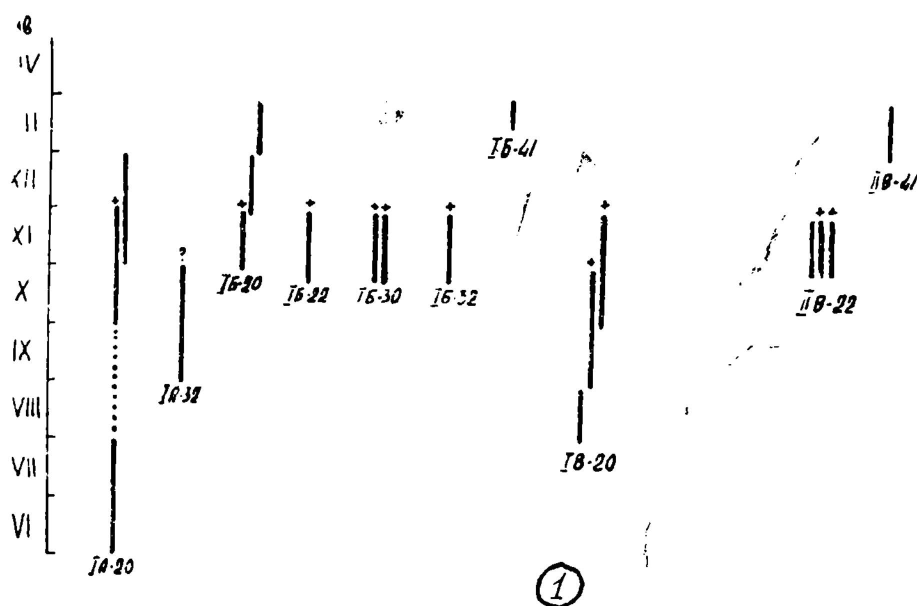
Сохранившиеся элементы декора на находке из Друцка (2, рис. 72:37) позволяют отнести ее к типу цельнолитых бронзовых наконечников с центральным выступом-трилистником, короткими боковыми штангами и орнаментом в виде птиц (рис. 2:8). Подобные вещи относятся к кругу прусских древностей XI в. (38, с. 31, рис. 16:13), и происхождение друцкой находки, таким образом, сомнений не вызывает.

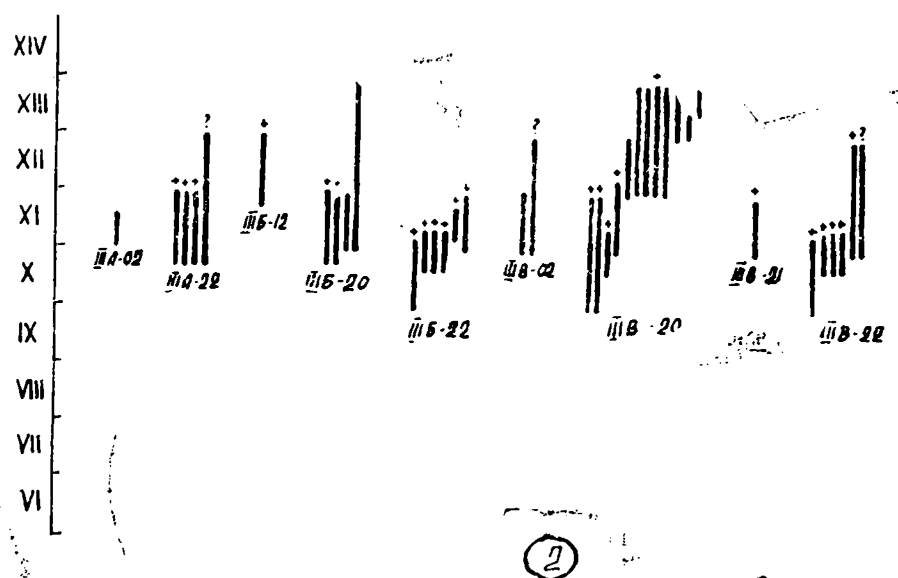
Следующий тип представлен бронзовым цельнолитым наконечником с гладкой поверхностью и короткими боковыми штангами (рис. 2:11) с лукомльского детинца (раскопки Г. В. Штыхова). Хотя в нем и заметно некоторое сходство с одним из билярских наконечников домонгольского времени (39, с. 174, табл. LVII:3), точной аналогии найти не удалось, что делает его датировку затруднительной. Внешние особенности позволяют предположить синтез черт, присущих типам IV (предыдущий наконечник) и V по классификации Г. Ф. Корзухиной (35, с. 66—67). В XI—XII вв. такие наконечники производились в землях пруссов и куршей (38, с. 31, рис. 16:6, 13; 117, р. 32—33, pav. VI:a), однако из-за разностильности находки из Лукомля возможность ее прибалтийского происхождения следует исключить, сохранив, по-видимому, лишь хронологию. Эклектичность стиля и отсутствие аналогий могут служить достаточно убедительным свидетельством в пользу местного производства данной вещи.

Третий тип составляют наконечники с центральными выступами-трилистниками. Различаются два подтипа: со стилизованным и растительным орнаментом (рис. 2:9) и с орнаментом в виде боковых насечек (рис. 2:10). Наконечник первого подтипа найден в слое 30-х годов XIII в. Верхнего замка Полоцка (93, с. 71, рис. 33:17). В XII в. вещи с подобным декором — достаточно частое явление среди древностей пруссов, более редкое — у других балтских племен (38, рис. 16:17, 18, 23, 24; 52, табл. VI:6; 101, pav. 296:5). Единичные находки за пределами указанных территорий свидетельствуют об их восточноприбалтийском происхождении (35, с. 68). Обнаружение полоцкого наконечника в слое более позднего времени, быть может, отражает ту же тенденцию в смещении хронологии бытования, что и у мечей. Второй подтип представлен наконечником с Масковичского городища (17, с. 41, 42, мал. 22:1). О месте его производства и времени бытования судить еще трудно, поскольку единственной аналогией является пока лишь наконечник XII—первой половины XIII вв. из Княжей Горы (28, рис. 3:2).

Желобчатые «U» — образные оковки ножен общеевропейского облика из Заполотья, где культурный слой содержал почти исключительно материал XII—XIIIвв. (раскопки С. В. Тарасова) составляют четвертый тип. Выделяются подтипы — с выступами на кромке выреза (рис. 2:13) и без них (рис. 2:12). Аналогии этим находкам известны соответственно в Изяславле и Мартинсала, на феодальной усадьбе Воищина и в Селпилсе (30, рис. 1; 78, с. 83, рис. 37:7; 103, tabl. 51:9, 79:8). Этот тип наконечников появляется на Руси, по-видимому, в середине XII в., и в последующие два столетия претерпевает некоторые конструктивные усложнения (30, с. 34), в связи с чем простой формы полоцкие оковки следует вероятнее всего датировать временем не позднее начала XIII в.

В заключение несколько слов о способах ношения ножен. А. Н. Кирпичников предполагал возможность существования для этой цели портупей у всадников и поясных перевязей у пехотинцев (28, с. 25). При реконструкции последней им была представлена весьма сложная конструкция (31, табл. VI:2), которая, как кажется, вряд ли могла иметь сколь либо широкое распространение. Следует отметить, что для реконструкции использовались ножны «меча Довмонта». Маловероятно, чтобы князь выступал на поле боя в пешем строю, и, возможно, такая перевязь имела не более чем церемониальное значение. Между тем, судя по расположению прорезей в обшивке из Гданьска (106, Rys. 6), еще в XI в. существовали портупеи и перевязи с «кельтским» типом навязки к ним ножен, известным еще в позднеримский период (99, p. 260, p. 261, dr. 19, 22, p. 313, dr, 18—19). Быть

IV
II
XII
XI
X
IX
VIII
VII
VI
IA-20
IA-32
IБ-20
IБ-22
IБ-30
IБ-32
IБ-41
IB-20
IIB-22
IIB-41
①

XIV
XIII
XII
XI
X
IX
VIII
VII
VI
IIIA-02
IIIA-22
IIIБ-12
IIIБ-20
IIIБ-22
IIIB-02
IIIB-20
IIIB-21
IIIB-22
②

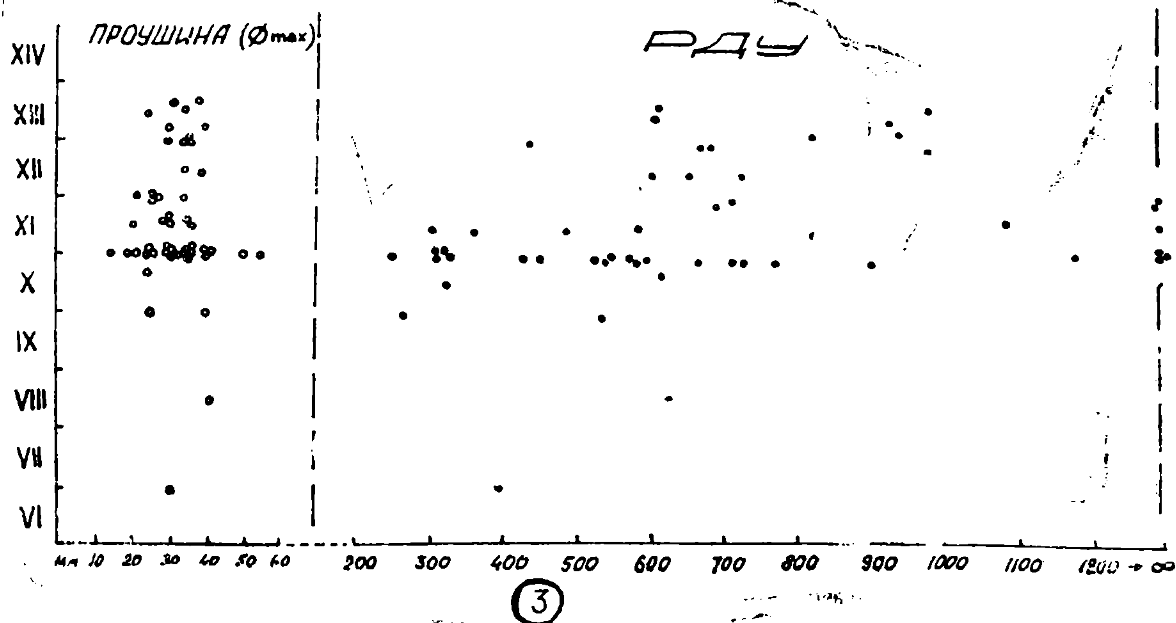

ПРОУШИНА (Ømax)
РДУ
XIV
XIII
XII
XI
X
IX
VIII
VII
VI
мм 10 20 30 40 50 60
200 300 400 500 600 700 800 900 1000 1100 1200 → ∞
③

Рис. 4.

может, именно такая перевязь в соседстве с поясом (рис. 2:7) изображена на византийской монете из Ериловского клада конца X в. (14, с. 55, рис. 15).[9] По-видимому, подобное крепление продолжало существовать и в последующие два столетия, с той лишь разницей, что подвешивание на сей раз осуществлялось с помощью ремешков-портупеек к поясу (106, s. 58).

Отдел. II. Однолезвийные мечи-палаши

Однолезвийное рубящее оружие было хорошо известно народам Европы уже во времена античности (106, p. 150, dr. 4; 50, с. 152). Как указывалось выше, в третьей четверти I тыс. н. э. однолезвийные клинки различных модификаций производились на территории Литвы и Латвии, однако область их распространения в основном совпадала с районами производства (26, с. 106, 117, карта XVI, рис. 44). В белорусском Подвинье мечи-палаши этого времени неизвестны.

Один из масковичских рисунков на кости (сведения Л. В. Дучиц) представляет довольно схематическое изображение расширяющегося к острию клинка, снабженного рукоятью с перекрестьем (рис. 2:3). Подобные мечи бытовали в X—XIII вв. у ливов, земгалов и латгалов (103, Ipp. 241, 366, tabI. 51:17, 55:26, 27; 105, tabI. L:5) и могли быть известны жителям западного и северо-западного пограничья Полоцкой земли.[10] Примечательно то, что некоторые из этих мечей имели трёхдольные навершья, аналогичные друцкому (103, tabI. 55:26), которое, быть может, увенчивало рукоять палаша одного из ливских воинов, ходивших к Друцку с Всеславом Васильковичем Полоцким в 1150 г. (72, стб. 620—621).

Отдел III. Сабли

С этим оружием жители изучаемого региона вряд ли могли познакомиться ранее похода Всеслава Брячиславича на Торков в 1060 г. (62, с. 109).

При раскопках детинца Копыси был обнаружен обломок перекрестья, которое, по мнению Э. М. Загорульского, принадлежало сабле (20, с. 359). Действительно, сохранившийся фрагмент обнаруживает сходство с перекрестием из Суздаля и одним из домонгольских перекрестий Биляра (13, с. 86, рис. 5:3, 39, с. 178, табл. LIX:5), однако, равным образом он мог принадлежать и перекрестью того типа, который, в частности, употреблялся на мечах в сочетании с дисковидными плоскими навершьями (57, с. III, рис. 5:1; 36, с. 268, рис. 1; 108, s. 259—260, abb. 1). Ф. П. Покровский сообщал о рукояти сабли, обнаруженной при раскопках курганов X—XII вв. у Черневич и о находках «сабель» в курганах с трупоположениями около д. Залески и на ближайших пастбищах (67, с. 10—11, 17).[11] Появление сабель этого времени в регионах, значительно удаленных от степи, — явление чрезвычайно редкое. Тем более маловероятно их нахождение в курганах сельского населения вдалеке от крупных городских центров. Не исключено, что Ф. П. Покровский, писавший на основании показаний местных жителей, мог слишком буквально восприиять их слова, и указанные им находки следует отнести к оружию первого или второго отдела.

Заканчивая обзор клинкового оружия, необходимо коснуться вопроса о степени его распространения у населения. На этот счет существуют резко полярные точки зрения: М. Х. Алешковского, сводившего оружие тех, кто не принадлежал к верхушке социума, к вилам и дреколью (4, с. 71), и И. Я. Фроянова, раздвигавшего сферу бытования клинкового оружия на все свободное население (90, с. 193—195).

Одним из важнейших факторов, определяющих распространение оружия, является его стоимость. Цена меча среднего качества в циркумбалтийском регионе и на Руси киевского периода составляла 100—150 г. серебра — сумму, превышавшую стоимость коровы и близкую к цене лошади (41, с. 144; 91, с. 81). Существовала, по-видимому, и тенденция к удешевлению, определявшаяся прогрессом металлургии и металлообработки. На рубеже XIV—XV вв. меч в Польше стоил 24—30 грошей (106, s. 71), что составляло уже около 38—48 г серебра. Таким образом, при соответствующей норме «разруба» возможность снабдить таким оружием одного «мобилизуемого» за счет нескольких оставшихся дома представляется достаточно реальной.

Не следует однако забывать, что владение клинковым оружием в отличие от того, которое допускало использование как в бою, так и в хозяйственной деятельности, требовало если не профессионализма, то хотя бы знания основ фехтовального искусства. Подобными навыками несомненно обладали дружинники и воины личных отрядов князей и феодалов, а среди ополченцев — лишь те, чье состояние позволяло их получить. Необходимо учитывать также и социальный аспект. Еще Ибн-Русте подчеркивал резкие различия между постоянно носящими меч, представителями дружинно-торговой среды — «русами» и «славянами» — остальной частью населения, такого оружия не имеющей (59, с. 388, 397—398). Тенденцию к превращению меча в атрибут сравнительно узкого и четко ограниченного раннефеодального слоя, в связи с обособлением военно-дружинной организации и концентрацией ее социальных функций, отражает эволюция группы типов, к которой относится рукоять полоцкого меча (41, с. 125, 127, рис. 35). Таким образом, теоретическая возможность наличия такого оружия у любого пользующегося личной свободой члена общества вряд ли осуществлялась практически, тем более, что в восточнославянских древностях не известно ничего подобного мечам скандинавского ледунга (41, с. 127, рис. 35).

На этом основании попытаемся установить количество мечей в северобелорусском регионе на период X—XIII вв. Термины «мечник», «меченоша», характеризующие воинов как с точки зрения военной специализации, так и указывающие на место их носителей в социально-политической иерархии (45, с. 112—113), служит указанием также и на то, что мечей могла не иметь и какая-то часть профессионалов, каковой пробел восполнялся вероятнее всего за счет состоятельных ополченцев. Исходя из стабильных норм «феодальной экспроприации», численность княжеских дружин и личных воинских отрядов феодалов по демографическим расчетам автора составит 1600—1800 чел. Если к этой цифре добавить еще какое-то количество клинков 500—600 скандинавских наемников во времена Брячислава (95, с. 135, 145), то число мечей в изучаемом регионе составит в среднем 2200 единиц. Отсюда следует, что при обычной норме «разруба» 0,25 один из четырех-пяти воинов был вооружен мечом. Что касается палашей и сабель, то в общем количестве клинков они могли составить лишь ничтожную долю.

§ 2. «ДРЕВКОВОЕ» ОРУЖИЕ

Эту подгруппу представляет лишь один отдел — топоры, начало употребления которых в качестве оружия совпало, по-видимому, со временем их изобретения на заре человеческой истории. У населения Белоруссии и сопредельных территорий это явление отмечается по меньшей мере уже к началу интересующего нас периода (63, с. 51—52; 26, с. 75—76; 115, Ipp 45, 244). Секира, известная как оружие славян, начиная с VIII в. (54, с. 374), имела важное значение и в арсенале полоцких воинов — согласно «Слову о полку Игореве» именно их топоры[12] явились решающим фактором при взятии Всеславом Полоцким Новгорода (83, с. 51).

Несмотря на то, что топоры считались традиционным оружием пехотинца, особенно в Северной Европе, где они иной раз признавались равноценной заменой мечу (29, с. 45; 86, с. 73; 41, с. 125, табл. 2), вопрос

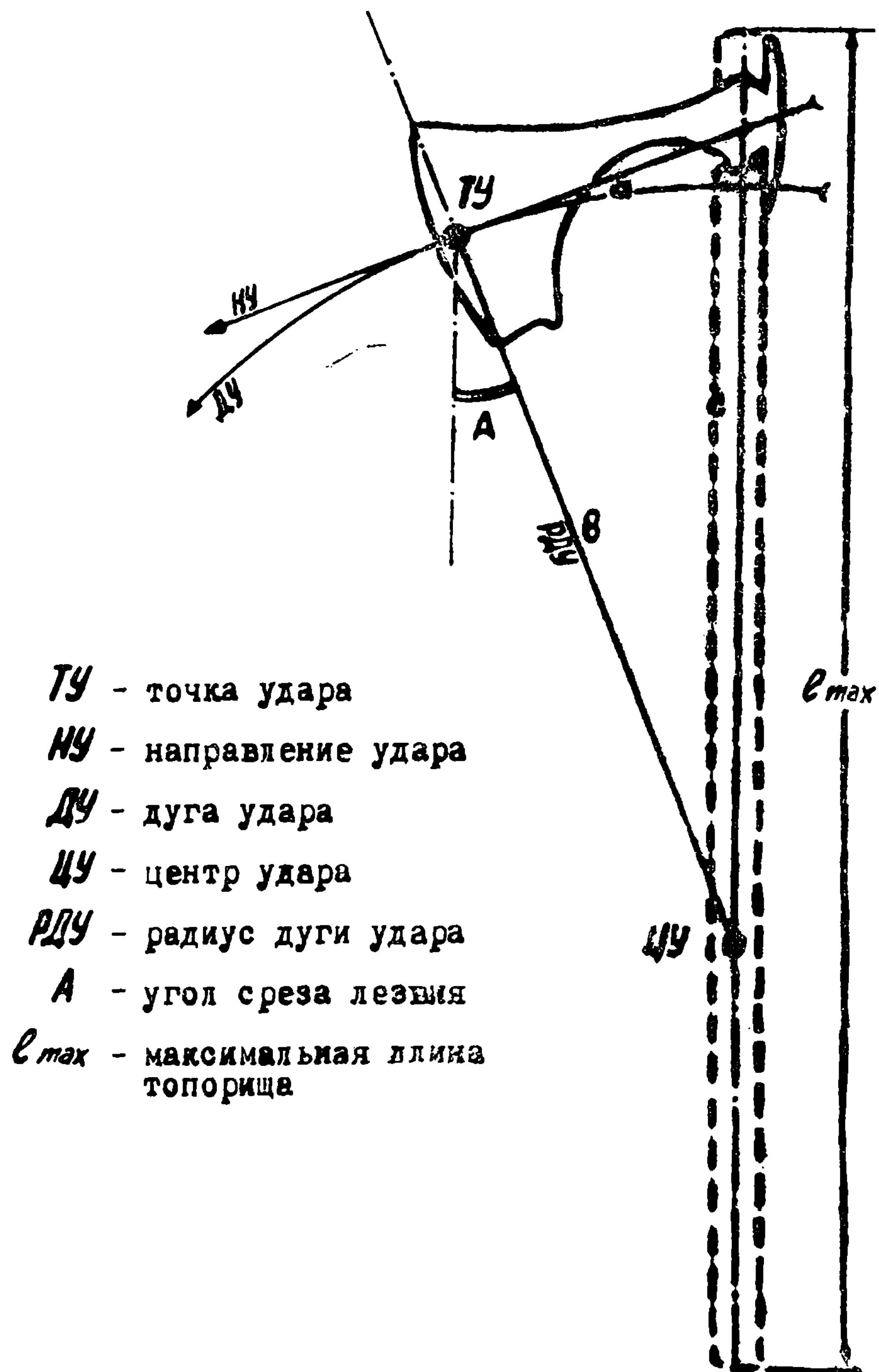

Рис. 5. Исходные величины для расчётов длины топорища.

о том, какие из них следует относить к боевым, по-прежнему остается открытым. Так, в конце XIX в. бытовало мнение, что любой топор, помещенный в погребение, служил либо оружием, либо знаком воинской доблести, в связи с чем и именовался на страницах литературы «бердышем» (80, с. 22—24). В свое время весьма основательно данная проблема рассматривалась М. Х. Алешковским, делившим материал на «боевые» и «рабочие» формы и пытавшимся даже на их основе выделить один из критериев определения дружинных погребений среди курганов сельского населения (4, с. 78—80, 84).[13]

Разработанная им типология подвергалась впоследствии аргументированной критике со стороны А. Н. Кирпичникова, предложившего, в свою очередь, считать в качестве показателей боевых образцов размеры и вес (29, с. 27, 28). При всем том, признавалась и в настоящее время продолжает признаваться возможность использования в качестве оружия также и топоров хозяйственного назначения (4, с. 80; 29, с. 29; 56, с. 38, 40; 39, с. 180; 26, с. 78, 133).

Относительно попыток выделения боевых образцов по весу и размерам рукояти необходимо заметить, что боевое использование топора ставило выбор его массы и длины топорища в зависимость от физических данных секироносцев и способа ведения ими боя (26, с. 81), в то время как хозяйственное применение определяло эти показатели характером выполняемых работ (42, с. 42). Несомненное исполнение большинством ополченцев обязанностей «саперов» предполагало наличие у них и соответствующих топоров (4, с. 79—80; 29, с. 28), что указывает на тесную связь такого «оружия» с хозяйственной деятельностью населения. Подобные же образцы имела на вооружении и какая-то часть воинов-профессионалов, что позволяло при необходимости вести военные действия, не прибегая к «разрубу». Классическим примером такого явления могут служить находки из Латвии, где различие «рабочих» и «боевых» топоров заключалось лишь в бронзовой обмотке топорищ последних (96, Ipp. 118, att. 5). Поскольку дружинная символика, наиболее полно представленная монетными граффити, не включает изображений топоров (14, с. 51), следует признать, что даже так называемые «боевые» секиры не были оружием воинов, входящих в состав дружины. Это косвенно подтверждается и скандинавскими источниками (41, табл. 2). Секироносцами в таком случае могли быть только набираемые по «разрубу» смерды и горожане, а также «гвардейцы» личных отрядов феодалов. Малопригодные для «саперных» задач образцы, равно как и орнаментированные секиры, можно отнести к оружию, являвшемуся отличительным признаком для ополченцев — представителей местной администрации в военное время, командовавших отдельными отрядами, и воинов личной «гвардии» феодалов — телохранителей и др. Возможно именно поэтому наиболее характерные топоры данной группы — чеканы приобрели значение символа, подчеркивавшего особое положение их обладателей (12, с. 578).

Переходя к рассмотрению имеющегося археологического материала, следует коснуться проблем, связанных с его классификацией. Более четверти века наиболее употребительной являлась типологическая схема, разработанная А. Н. Кирпичниковым. Признавая ее несомненные достоинства, следует отметить определенную непоследовательность при определении автором типообразующих признаков. В одних случаях — это форма рабочей части, в других — обуха, но те же признаки, в свою очередь, используются и при выделении подтипов (29, с. 26—40, рис. 6). Не слишком оправданной представляется также жесткая фиксация этих признаков в раз и навсегда определенных комбинациях, что по сути дела исключает возможность существования иных вариантов, придавая схеме черты «замкнутости». Такое положение зачастую вынуждало исследователей, располагающих материалом, не в полной мере вписывающимся в ее рамки, создавать различные модификации и дополнения (22, с. 184—187), придававшие указанной схеме излишнюю громоздкость из-за непомерного в таких случаях увеличения количества типов и вариантов.

В связи с этим наиболее рациональным представляется использование типологии А. А. Спицына — В. П. Левашевой (42, с. 40—42, рис. 9, 10, 11) с дополнением ее элементами схем А. И. Мелюковой, А. Рутткаи и авторов монографии «Культура Биляра» (49, с. 66—67; 108, s. 308—311, abb. 42; 39, с. 36—50, табл. X). Полученная в результате система основывается на принципе свободного варьирования форм конструктивных элементов топора: рабочей части — форма лезвия (тип) и положение относительно рукояти (подтип);[14] обуха — форма тыльной части и особенности оформления проушины (вариант). Такая схема обладает способностью реагировать на возможные изменения в составе материала без нарушения своей структуры.

Вследствие гипотетичности ряда возможных комбинаций форм указанных конструктивных элементов, наша типология для изучаемого региона приобретает следующий вид (рис. 3).

Тип 1 — узколезвийные топоры. Экземпляры, не имеющие «бородки» с соотношением общей длины (для чеканов — без учета молоткообразного выступа) и ширины лезвия не более чем 2:1. Определены 6 экз., происходящих с поселений, 8 — из погребальных памятников и один предположительно могущий быть отнесенный к последним. Поскольку выделяемые подтипы отражают не столько типологические различия, сколько технические особенности применения топоров, целесообразно вести рассмотрение имеющихся находок по форме их обуха. Данная последовательность будет сохраняться и далее.

«Вариант «20» — образцы с удлиненным обухом и опущенной (подтип А, №№ 1—3. Здесь и далее указаны номера по каталогу), подгоризонтальной (подтип Б, №№ 5—12), или приподнятой (подтип В, №№ 13—15) спинкой рабочей части.

В подтипе «А» различаются две разновидности: с вогнутой и почти прямой спинкой. Топор первой разновидности (рис. 3:1) вошел в литературу с датировкой IX—X вв. (11, с. 136, рис. 21:1). Между тем, его характерные особенности — форма спинки и желобчатый нижний выступ обуха встречаются параллельно лишь в V—VII вв. на топорах Литвы и Латвии (26, с. 103, рис. 41:2; 101, р. 287, pav. 193, 209:9; 114, att. 46:27, 30), и поэтому датировать нашу находку более поздним временем вряд ли правомерно. Топоров второй разновидности обнаружено два экземпляра (рис. 3:2). Подобные вещи имели самое широкое распространение у балтов Восточной Латвии (104, Ipp. 234, tabl. 68:15; 112, tabl. VIII:2; 111, tabl. VIII:4; 114, tabl. VIII:5—7). Один из таких топоров происходит из разрушенного погребения грунтового могильника Козловцы X—XI вв. (17, с. 107). Другой был обнаружен на городище Прудники. Исходя из состава керамического материала слоя (раскопки В. И. Шадыро) и верхней границы бытования узколезвийных топоров в соседних Латвии и Литве (115, Ipp. 46; 117, р. 37) находка может быть датирована XI—XII вв.

К первой разновидности подтипа «Б» относится топор с эллипсовидными, заостренными обушными выступами (рис. 3:6). Своими очертаниями он сближается с топорами латгалов последней четверти I — начала II тыс. н. э. (103, Ipp. 152—153, att. 81:2, tabl. 36:10; 111, tabl. VIII: 10—12; 114, tabl. VIII:1-4, 8—10; 115, att. 85:3), будучи в то же время примерно на два с половиной столетия моложе. Впрочем, А. Н. Кирпичников допускал возможность бытования узколезвийных образцов и до XIII в., подчеркивая однако их исключительную редкость для этого периода (29, с. 40, табл. XV:9; XVI:12). Вторая разновидность представлена топором с желобчатым обухом и шпорцей на нижней грани рабочей части (рис. 3:7). По-видимому, в данном случае имеет место синтез черт типов IБ и IIIБ. Аналогов этому изделию подобрать

не удалось, в связи с чем весьма вероятно его местное производство. К последней разновидности следует отнести топор с обухом переходной к варианту «22» формы (рис. 3:5). Точной его аналогией является секира из курганного могильника XI—XIII вв. у д. Микуличи в нижнем течении Припяти (47, с. 163, рис. 27:28).

В подтипе «В» хронологически наиболее ранним может считаться топор из Кострицы, найденный в среднем слое городища. Овальная проушина и заостренные обушные выступы, характерные для балтских топоров с VIII в. (115, Ipp. 244; 102, p. 53—54), позволяют датировать находку концом третьей четверти I тыс. н. э. В качестве ближайших аналогий можно указать латгальские топоры из могильника Кивты и городища Кепте (111, tabl. VIII:14; 112, Ipp, 82, tabl VIII:1). Два других топора, происходящие из курганов восточнолитовского типа у д. Лынтупы, относятся к позднему варианту литовских топоров, распространившемуся в последней четверти I тыс. н. э. (102, p. 54). Один из них (рис. 3:3) найден в кургане, который по аналогии с раскопанными Ф. В. Покровским может датироваться концом первого тысячелетия (69, с. 141—148; 87, с. 150). Другой вероятнее всего относится к X—XI вв. (66, с. 180). Подобные вещи вообще наиболее характерны для восточнолитовских памятников VIII—XII вв. (24, рис. 4:2:7, 10, 12, 18; 102, pav. 1:3—6; 117, p. 37), хотя близкие по форме топоры встречаются иногда и у латышских племен (103, tabl. 36:9; 115, att. 85:4).

Вариант «22»—образцы с удлиненным обухом и двумя парами щекавиц. Представлен единственным экземпляром со спинкой подтипа «Б» (№ 8). По аргументированному мнению А. Н. Кирпичникова, узколезвийные топоры с такой формой обуха имеют древнерусское происхождение (29, с. 36). Действительно, ближайшей аналогией нашей находки (рис. 3:10) можно считать, например, топорики X — начала XI вв. из Кветунского могильника на Брянщине и Сарского г-ща (61, с. 203, рис. 3:3; 43, р. 2:24). Узколезвийные образцы с таким обухом известны и в Литве, однако они сохраняют там присущие местным топорам удлиненные пропорции, отличающие их от древнерусских секир (116, pav. 7:4).

Вариант «30» — топоры с молоткообразным обухом (№№ 9—10). Отсутствие щекавиц указывает на принадлежность тех топоров к достаточно широко распространенной в VIII—XII вв. на северо-востоке Европы вплоть до Зауралья модификации традиционного чекана (6, рис. на с. 50; 19, рис. 8:1, 13:3; 29, табл. XI: 6, XII:9; 39, табл. XI:3). Обе наши находки относятся к подтипу «Б». Ближайшие аналоги одной из них, отличающейся несколько сплюснутым с боков выступом-молоточком, происходят из погребений конца X и X—XI вв. Псковского и Тимеревского могильников, а на территории Белоруссии — из кургана X в. у д. Ясенец в Западном Полесье (33, с. 241—244, рис. 3:2; 53, с. 170, рис. 3:1; 44, с. 55, рис. 16). Второй топорик выделяется ромбической в плане формой невыделенным молоточком и рабочей частью, отдаленно напоминающей топоры «скифского типа» (рис. 3:4). Примитивность формы и отделки, а также отсутствие сколь либо близких аналогий несомненно свидетельствует о его изготовлении местным мастером.

Вариант «32» — образцы с молоткообразным обухом, двумя парами щекавиц и опущеной (подтип А, № 4) или подгоризонтальной (подтип Б, № 11) спинкой рабочей части. Находка подтипа «А» (рис. 3:9) происходит, по-видимому, из разрушенного курганного погребения в городской черте современного Полоцка или его ближайших окрестностях. Точных аналогий найти не удалось. Впрочем, обушная часть топорика обнаруживает необычайное сходство с некоторыми секирами «блучинского типа» (119, s. 74, abb. 8:3, 4; 106, abb. 20:13, 1), проникавшими в Восточную Европу из Моравии и Польши в IX—X вв. (73, с. 112, 113). Различие в форме рабочей части возможно объясняется обточкой после обломки лезвия при вторичном использовании топора.

Единственный экземпляр подтипа «Б» (рис. 3:11), найденный в одном из курганов близ Лукомля, представляет собой типичный пример чекана, заимствованного восточными славянами от кочевников Юго-Востока (29, с. 33). При сопоставлении описания копий с одним из которых топор находился в погребении (75, с. 147; 76, с. 93), находку, как кажется, следует отнести к «нижнему» — старшему трупоположению и датировать концом X — началом XI вв. Такая датировка подтверждается формой щекавиц, соединяющей черты, присущие как для X, так и для XI—XII вв. (29, с. 33).

Вариант «41» — секира с трубчатым обухом (№ 12). Подобные формы известны на востоке Европы уже в IX—X вв. (19, с. 178, рис. 14:4). Наша находка, относящаяся к подтипу «Б» (рис. 3:8), как хронологически, так и по особенностям формы — легкая профилировка верхней грани и немного срезанная спереди нижняя кромка обуха, занимает промежуточное положение между упомянутыми топорами конца I тыс. н. э. и новгородскими образцами XV—XVI вв. (34, с. 26, рис. 9:11, 12). Местное происхождение топора кажется наиболее вероятным.

Помимо рассмотренных выше, в изучаемом регионе известны еще десять находок, для которых точная идентификация подтипов и вариантов оказалась невозможной из-за сильной степени повреждения. Хронологически все они вписываются в период VI— конца XIII вв. (6 — с поселений, 4 — из погребений).

Широколезвийные топоры — тип II. По мнению В. П. Левашевой, их появление связано с развитием форм предыдущего типа (42, с. 41). Соотношение общей длины (для чеканов — без учета молоткообразного выступа) и ширины лезвия не менее чем 2:1. Среди определенных нами находок две происходят с поселений и две из курганных погребений.

Вариант «22» — топоры с удлиненным обухом двумя парами щекавиц и приподнятой спинкой (подтип «В», №№ 16—18) рабочей части. Секира из курганного могильника Глубочица — Боровно (рис. 3:13) представляет довольно часто встречающуюся переходную форму от типа IВ (42, с. 41, рис. 10:7). Два других (рис. 3:12) имеют характерные признаки топоров, бытовавших в конце X—XI вв. в Западной Литве — тонкую, легкую рабочую часть с узкой, хорошо выделенной шейкой (101, pav. 300:2; 116, p. 105—107, pav. 2; 117, p. 35—36), хотя и несколько отличаются от них пропорциями. Последнее обстоятельство указывает на то, что данные топоры производились местными мастерами, хотя форма несомненно была заимствована извне.

Вариант «41» — топор с трубчатым обухом и приподнятой (подтип В, № 19) спинкой рабочей части. Ближайшие аналогии нашей находке обнаруживаются среди топоров XII—XIII вв. из Северной Германии (110, s. 300, abb. 179:a-c). Встречаются они также и в Восточной Прибалтике (103, Ipp 301, tabl. 79:40, 42), куда несомненно попадали с немецкими колонистами. Вероятнее всего с территории Ливонии поступил и рассматриваемый нами экземпляр. (рис. 3:14). Точная идентификация еще трех, сильно разрушенных секир, оказалась невозможной (2 — с поселений, 1 — из погребения).

Тип III — широколезвийно-лопастные топоры. Их характерной чертой является наличие лопасти-«бородки», образованной выемкой у основания нижней грани рабочей части. Соотношение длины последней и ширины лезвия в данном случае значения не имеет, хотя, как правило, составляет не менее чем 2:1. Этот наиболее многочисленный тип представлен одиннадцатью определяемыми находками с поселений, двадцать три происходят из погребальных памятников. Место находки еще трех точно указать невозможно. Форма обуха позволяет распределить их по следующим вариантам.

Вариант «02» — топоры с опущеной (подтип А, № 20) или приподнятой (подтип В, №№ 36—37) спинкой и простым обухом с двумя парами щекавиц. Топор первого подтипа (рис. 3:15) отличается глубокой выемкой на нижней грани рабочей части, что, равно как и положение спинки, является, по мнению А. Н. Кирпичникова, отличительным признаком секир X в. (29, с. 38). Однако в новгородском материале окончательное исчезновение указанных черт следует, как кажется, отнести ко времени не ранее конца XII в. (34, с. 25, рис. 10:2, 3). Учитывая нижнюю датировку Заполотского посада, где был обнаружен наш топор (93, с. 31), последний должен быть отнесен к началу первой половины XI в. Ближайший аналог заполотской находки можно найти среди секир X в. из курганного могильника Заславля (22, с. 187, рис. 2:8). Другой подтип представлен двумя разновидностями. К первой относится секира с характерными для поздних экземпляров этой группы признаками — приподнятой спинкой и небольшой выемкой нижней грани рабочей части (рис. 3:22), позволяющими датировать вещь XI—XII вв. Обращает на себя внимание форма обуха, переходная к варианту «20», что может свидетельствовать о ее местном изготовлении. Топор следующей разновидности имеет особенности, присущие как ранним (глубокая нижняя выемка), так и поздним (приподнятая спинка) образцам, представляя как бы промежуточную ступень в развитии таких секир. Наиболее вероятная датировка находки — вторая половина XI в.

Нельзя исключить возможности появления некоторых экземпляров рассматриваемого варианта в результате утраты обушных выступов секирами с «вырезным» обухом при их вторичном использовании. Возможно поэтому среди таких топоров оказалась в своде А. Н. Кирпичникова последняя из упомянутых нами находок (29, с. 116—117).

Вариант «12» — топор с удлиненным книзу обухом, двумя парами щекавиц и подгоризонтальной спинкой рабочей части (подтип Б, № 25). Известен лишь один экземпляр (рис. 3:20), происходящий из курганного погребения с гробом и инвентарем, позволяющим датировать находку XI—XII вв. Топоры с близким по форме обухом были найдены в курганах X — начала XI вв. близ Заславля (22, с. 185—186, рис. 2:1; 47, рис. 21:29). Вполне вероятно, что образование данного варианта связано с причинами, упомянутыми при рассмотрении предыдущего.

Вариант «20» — топоры с удлиненным обухом, подгоризонтальной (подтип Б, №№ 26—29) или приподнятой (подтип В, №№ 38—49) спинкой рабочей части. Подобная форма проникает в Восточную Прибалтику уже в IX—X вв. (101, p. 401; 116, p. 108). К концу X—XI вв. относятся древнейшие из наших находок, что согласуется с мнением В. П. Левашевой о западном происхождении секир с такой конструкцией обуха (42, с. 48). На территории Белоруссии данный вариант топоров (рис. 3:16, 17) нередко встречается среди инвентаря погребений, но особенно часто на городских поселениях (10, с. 113, 124, рис. 98:16, 101:5, 110:4; 21, с. 210, 216—217, рис. 137, табл. II:1—4; 24, с. 104, 144, рис. 59:27, 74:1; 46, с. 205—206, рис. 147:1, 8; 45, рис. 54:12, 58:10). Достаточно многочисленны они и на соседних балтских землях (103, att. 122, 123:20, 129, tabl. 54:11, 64:11; 101, pav. 281:4, 10, 12; 115, Ipp 206, 208—209, att 111:4, 116; 117, p. 36, pav. 16). Производство таких секир в изучаемом регионе существовало по крайней мере со второй половины XI в., что особенно хорошо заметно на примере рассмотрения следующего варианта.

Вариант «21» — топор с приподнятой спинкой (подтип В), удлиненным обухом и нижней парой щекавиц (№ 50). Подобная конструкция обуха, по-видимому, представляет переходную форму между вариантами «20» и «22». Наша находка (рис. 3:18) и синхронные им секиры с такой обушной частью из курганов Заславля, Новогрудка, городища Екимауцы и Киева (22, с. 186. рис. 2:2, 3; 60, рис. 37:2; 88, рис. 45:2; 58, с. 65, рис. 24) указывают на то, что процесс освоения западных образцов с удлиненным обухом начался в Восточной Европе намного раньше, чем полагал А. Н. Кирпичников (29, с. 37). Топоры рассматриваемого варианта вероятнее всего изготавливались, на месте.

Вариант «22» — топоры с удлиненным обухом, двумя парами щекавиц, опущенной (подтип А, №№ 21—24), подгоризонтальной (подтип Б, №№ 30—35) или приподнятой (подтип В, №№ 51—56) спинкой рабочей части (рис. 3:19, 21, 23). Являясь наиболее характерной древнерусской формой X—XII вв., эти секиры имели самое широкое распространение на соответствующей территории (29, с. 36—37). Нередки они и на территории Белоруссии (21, рис. 25; 24, рис. 74:1; 10, с. 61—62, рис. 53:7; 47, рис. 21:27, 26:42, 27:26, 29:39, 40), в Восточной Прибалтике, где появляются с XI в. (87, рис. 7:3; 103, Ipp. 234—235, att. 148, 195, tabl. 47:22, 51:15, 54:10, 60:30, 64:12; 101, pav. 281:11; 116, p. 109—110, pav. 5) и даже в Средней Европе (107, abb. 27:8).

Три экземпляра рассматриваемого типа топоров не идентифицированы (2 — с поселений и 1 — из погребения).

Еще несколько находок вообще оказались за пределами нашего обзора по недостаточности сведений о них или сильной поврежденности, не позволяющей установить тип (3 — с поселения, 6 — из погребений).

Систематизированный хронологически материал дал следующую картину развития каждого из типов (рис. 4:1, 2).

Для типа I вплоть по XIII в. наиболее характерен удлиненный обух (вариант 20). В период с конца IX по XI в. встречается и молоткообразный, как в сопровождении щекавиц, так и без них (варианты 30 и 32). «Вырезной» обух (вариант 22) для изучаемого региона — явление исключительной редкости. С XIII в. появляется первые экземпляры с трубчатым обухом (вариант 41). Опущенная спинка (подтип А) бытует по XII в., а приподнятая (подтип В) — в VIII—XI вв. С конца X в. появляется подгоризонтальная спинка (подтип Б), к XIII в. вытесняющая все остальные модификации.

Для типа II удлиненный обух с двумя парами щекавиц (вариант 22) — единственная форма для XI в. В XIII в. появляются образцы с трубчатым обухом (вариант 41). Приподнятая спинка (подтип В) рабочей части встречается как в XI, так и в XIII вв. Следует отметить отсутствие топоров данного типа в XII в.

Для типа III удлиненный обух с двумя парами щекавиц (вариант 22) бытует на образцах с опущенной и приподнятой спинкой (подтип А, В) с конца X по XII в., а параллельно с подгоризонтальной (подтип Б) — не позднее XI в. Одновременно бытует и удлиненный обух без щекавиц (вариант 20), не встречающийся однако с первым из указанных выше подтипов и вытеснивший в XIII в. все остальные варианты. На топорах с опущенной спинкой в XI в. и с приподнятой спинкой в XI—XII вв. встречается простой обух с двумя парами щекавиц (вариант 02). Переходные формы обуха (варианты 21 и 12) находятся на топорах X—XII вв. с приподнятой и подгоризонтальной спинкой (подтипы В и Б). Все подтипы рабочей части появляются с X в., однако, если верхняя дата секир с опущенной спинкой (подтип А) — XII в., то остальные подтипы продолжают существовать и в следующем столетии.

Географическое распределение на достаточно компактной территории не позволяет увязать бытование большинства названных типов и вариантов, за исключением узколезвийных топоров из восточнославянских курганов на Поставщине, с какими-либо конкретными областями внутри региона. Более высокая плотность находок в его западной части, причем исключительно за счет топоров из погребений[15], указывает лишь на существование определенных традиций в пог-

ребальном обряде, что объясняется либо близостью иноплеменной среды, либо наличием смешанного населения. В этой связи обращает внимание то, что именно в западной части региона сосредоточено большинства находок топоров (например, типа IA-20, IIВ-22, IIIБ и В-20), форма которых была заимствована у западных соседей.

Закончив на этом рассмотрение вопросов, связанных с типологией, перейдем к некоторым техническим аспектам. Выше уже высказывались соображения относительно выбора длины рукояти при боевом применении топора. Наша задача состоит в том, чтобы выяснить, какому из способов ведения боя в большей степени соответствуют находки из изучаемого региона.

Принятое рядом исследователей мнение о различной длине рукоятей «рабочих» и «боевых» секир (4, с. 77; 21, с. 216—217) правомерно лишь в том случае, если речь идет о топорищах рабочего и боевого образцов. Последние определенно должны были придавать топорам свойства, необходимые для исполнения как хозяйственной, так и боевой работы, поскольку переиасадка топора в условиях военных действий исключалась. Выбор бойцом рукояти в первую очередь определялся тактическими задачами — поражение противника на максимально возможном расстоянии, затем способом ведения боя — одной или двумя руками, и в последнюю очередь — физическими данными секироносца и характером хозяйственных работ, исполняемых в походах. В этой связи следует заметить, что методика определения длины топорища, исходя из весового баланса оружия (42, с. 44—46, рис. 12), не кажется безупречной, поскольку последний корректируется размерами (и, соответственно, весом) рукояти, а не наоборот.[16] На наш же взгляд, длина топорища для каждого топора определяется прежде всего углом его насадки, образованным осью проушины и направлением удара, которое в свою очередь обуславливается углом среза лезвия (рис. 5). На значимость угла насадки впервые обратил внимание Ф. В. Покровский, полагавший однако, что топоры с малым углом насадки использовались рослыми воинами для удара сверху вниз (69, с. 167, 172, 175, 178). Ошибку иного рода допустил А. Н. Кирпичников, принявший угол среза лезвия за показатель, определяющий режущие (?) свойства топора (29, с. 36).

В действительности роль этих факторов заключается совсем в ином. При совершении работы точка орудия, которой наносится удар, описывает в пространстве кривую дугу удара. Поскольку обычным приемом работы топором является нанесение удара перпендикулярно лезвию (84, с. 151), названная точка будет лежать на пересечении кромки последнего с прямой, проходящей через середину и перпендикулярной линии его среза. Эта прямая есть направление удара топора. Продлив линию среза лезвия до пересечения с продолжением оси проушины, мы получим прямоугольный треугольник, в котором малый катет образован линией направления удара, а гипотенуза — продольной осью топорища. Поскольку дуга удара может рассматриваться как часть некоторой окружности, по отношению которой направление удара выступает в виде касательной, больший катет представляется радиусом данной окружности — или радиусом дуги удара. Вершина, образованная в данном треугольнике большим катетом и гипотенузой, является центром окружности (рис. 5).

Поскольку длина малого катета (а) практически равна длине топора, а противоположный ему угол (А) — углу среза лезвия, образованному линией среза и перпендикуляром, опущенным из точки нанесения удара, мы можем определить радиус дуги удара (в) и гипотенузу (с) соответственно по формулам: $в = a\,ctg\,A$ и $c = \frac{a}{\sin A}$. Длина радиуса дуги удара есть величина постоянная для конкретного топора. Размеры же топорища могут варьироваться в зависимости от назначения топора, то есть характером наносимых ударов. Чем короче дуга удара, тем короче может быть рукоять.[17] Максимально возможная ее длина для конкретного топора определяется положением исходной точки радиуса дуги удара (центром окружности), практически совпадающей в таком случае с центром удара. Так как последний находится на расстоянии ⅔ длины рукояти от рабочего ее конца (42, с. 44, рис. 12), применима формула $L_{max} = 3c/2$, где L_{max} — максимальная длина топорища, с — длина гипотенузы. Именно такие параметры рукояти имеет топор середины XII в. из Минска и куршская секира XI—XII вв. (21, рис. 137; 104. att. 31:2).

В описанной жесткой системе произвольное изменение длины радиуса дуги удара автоматически приводило и к изменению его направления. В результате оно могло пройти через незащищенную обухом часть рукояти, угрожая ее изломом (42, с. 46). Кроме того, удар, приходившийся в таком случае на край лезвия, привел бы к его увязанию в поражаемом объекте. Однако реальная длина рукояти определялась в значительной мере факторами субъективного порядка и к тому же лимитировалась в некоторых случаях массой топора и размерами проушины. Поскольку нас в большей степени должна интересовать именно тенденция к использованию топора в качестве массового оружия, представляется рациональным ограничиться рассмотрением только значений радиуса дуги удара (РДУ).

Анализ материала указывает, что нельзя признать приоритет ни одного из показателей — длины топора или среза его лезвия, в формировании величины РДУ, ни в общей массе секир, ни внутри типов, ни по временным отрезкам. Обзор динамики развития указанной величины по типам дает следующую картину (рис. 4:3).[18]

Нетрудно заметить, что наиболее широкий диапазон значения РДУ приходится на конец X—XI в. На этот же период падает бытование наибольшего количества различных подтипов и вариантов топоров (рис. 4:1,2). Разумеется, это явление отчасти объясняется тем, что датируется более 2/3 использованного для вычислений материала, но с другой стороны, оно отражает также и интенсивные поиски как наиболее рациональной конструкции топора, так и оптимальной длины топорища. Этот процесс завершился определенной унификацией: величина РДУ на завершающем этапе допускала использование топорищ на узколезвийных топорах — 145—150 см, на широколезвийных — около 90 см, на широколезвийно-лопастных — 90—150 см. На начало развития каждого из типов этот показатель выглядел соответственно: 60—95, 45—120 и 40—250 см. В том случае, если РДУ слишком велик или стремится к бесконечности, мы имеем дело либо с несовершенным по своей конструкции экземпляром, либо с топором, предназначенным исключительно для очень коротких, прямых ударов типа потёса. Исключением могут быть лишь узколезвийные образцы, у которых за счет массы обуха центр тяжести мог быть сдвинут практически на продольную ось рукояти. В результате действие такого топора было сходно с действием клинкового оружия не только по кинематике, но и по характеру наносимых им повреждений (70, с. 159).

Перед нами таким образом — эволюция топора, приведшая к созданию образцов, способных выполнять и удары с большой длиной дуги (большим замахом) — при боевом применении или рубке леса, и более короткие — при плотницких или столярных работах. Что касается оптимальной как для всех названных задач, так и для обоих способов ведения боя рукояти (в VI—VIII вв. существовали секиры, предназначенные только для боя одной рукой, в IX — первой половине XII в. появляются образцы, рассчитанные исключительно на двуручное топорище), то, учитывая несколько меньшую строгость широколезвийных топоров к выбору направления удара, наиболее приемлемой кажется длина около 1 метра или чуть более.[19]

Заканчивая рассмотрение материала, необходимо остановиться на вопросах крепления топора на рукояти и способах ношения этого оружия в походе.

Относительно первого надо заметить, что крепление в принципе не отличалось от современного. Отмечена лишь единственная особенность: в ряде случаев топорище в месте насадки могло обматываться в один слой кожей, обеспечивающей большую плотность насадки (34, с. 27), либо металлической обоймой, служившей также дополнительным предохранителем топорища от излома (97, tabl. LXXVIII:3).

Что касается второго вопроса, то сведения о способе ношения топора исключительно скудны. Несомненно, значительная часть воинов использовала один из простейших вариантов, затыкая топор за пояс. Разновидностью этого варианта могла быть висевшая на поясе петля, в которую продевалась рукоять секиры. Очевидно, некоторые способы были связаны с употреблением чехла, остатками которого, возможно, являются отпечатки кожи, встречающиеся на некоторых топорах.[20] К какой части «амуниции» воина и каким образом прикреплялся чехол, неизвестно. В одном случае на остатках ткани, покрывавших топор из кургана у д. Шо (№ 53), был обнаружен фрагмент кожаного ремешка шириной около 2 см. Однако была ли это пошитая лямка для ремня, обрывок перевязи, либо портупеи или же язычок клапана чехла — установить невозможно. Еще один способ мог быть связан с наличием на рабочей части дырочек, сквозь которые мог продеваться шнурок, конец которого петлей накидывался на нижнюю часть топора. Топор в таком случае носился за спиной. И наконец, секира могла носиться просто в положении «на плечо». Своеобразный способ ношения демонстрирует широколезвийная секира XI в. (№ 17). Железный клин, забитый в верхний торец топорища, заканчивался полутораоборотной незамкнутой петлей, которая на манер «карабина» позволяла подвешивать топор на поясное кольцо. И в заключение о количестве топоров у северобелорусских воинов. Исходя из высказанных соображений относительно распространенности этого оружия, их число, при норме «разруба» 0,25, должно было составлять около 7 тысяч единиц. Утрата к XII в. боевой спецификации топора (31, с. 22), прослеживающаяся на нашем материале, в сочетании с увеличением количества находок с поселений несомненно указывает на значимость этого оружия в «арсенале» ополчения, а также и на роль последнего в структуре вооруженных сил региона.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Среди 265 военных событий «общерусской» истории 1060—1237 г.г. (28, с. 7) на долю указанного региона приходится по подсчетам автора более 25%.

[2] Режущий эффект, возникающий при извлечении клинка из пораженного объекта или присущий оружию, производящему обе фазы (поражения и извлечения) в один прием, следует признать вторичным, т. к. удар им по сути дела остается в основе рубящим (84, с. 152).

[3] Она включает также термины явно местного происхождения: «kalavijas» — у литовцев и «zobens» — у латышей, служащие для обозначения рубящего клинкового оружия.

[4] Все обмеры и наблюдения производились в Полоцком краеведческом музее, где меч находится в экспозиции (ПИКЗ КП6 — 2959).

[5] Возможно, минские находки были деталями рукояти одного меча. Если это так, то и рукоять с друцким навершьем могла иметь такой же облик.

[6] Ближайшей по стилю аналогией следует признать изображение святых князей на шиферной иконе из рязанского Солотчинского монастыря (55, с. 451-458, рис. 1).

[7] Северные легенды о Виланде, Сигмунде и Сигурде отмечают также повторные использования металла разрушенных клинков для производства новых (5; с. 225-226; 27, с. 99).

[8] Использовалась при нанесении клейм. Существует мнение, что владевшие такой техникой кузнецы, воспринимая западноевропейские надписи как своеобразный знак качества или изображение магического характера, могли подражать им на клинках собственного производства (106, s. 32; 86, с. 76).

[9] Трактовка граффити, как синтеза изображений ворона (или сокола) и меча, исходящая из предпосылки знакомства исполнителя со скандинавской мифологией (14, с. 56, 57, 155), кажется малосостоятельной из-за невозможности в таком случае смешения атрибутов Одина и Сигурда.

[10] Подобный меч (судя по навершью — конца XII в.) найден в курганном погребении у д. Высокое (Ошмянский р-н), однако сильные повреждения клинка не позволяют отнести его к «палашам» с полной определенностью (10, с. 109, 184, рис. 99).

[11] Последние клинки, возможно, являются следами битвы 1162 г., когда полочане настигли Володаря Глебовича, отходившего с литовцами от Городца (72, стб. 519), который, по мнению некоторых исследователей, мог находиться на р. Мнюте, в 30 км к северо-востоку (23, с. 361).

[12] Таким образом толковал первоначально термин «стрикусы» Д. С. Лихачев (83, Примечания, с. 269-270), отказавшийся, впрочем, впоследствии от такой его интерпретации.

[13] Поскольку место проживания воинов-профессионалов определялось возможностью немедленного сбора, их погребения вдалеке от городских центров или усадеб феодалов должны быть исключительно редки. Ряд фактов вообще позволяет считать топоры из могильников не столько оружием или орудием труда, сколько необходимым элементом погребальной обрядности, как это имело место, например, в женских погребениях у латгалов (103, lpp. 195, att. 118; 111, lpp. 26, 39, tabl. VIII : 10).

[14] Речь идет о спинке рабочей части, положение которой ограничивает предел роста угла среза лезвия, что влияет на характеристики, касающиеся возможности боевого применения топора.

[15] Соотношение их количества и находок с поселений выглядит следующим образом для конца IX-X вв.—соответственно 2 и 1; для рубежа X-XI вв. — 33 и 1; в XI в. — 8 и 6; для рубежа XI-XII вв. — 1 и 6; для XII-XIII вв. — 1 и 19; в VI-VIII вв. находок в погребениях не отмечено.

[16] Речь может идти лишь об изменении значения КПД, падение которого при увеличении длины топорища компенсируется возрастающей силой удара.

[17] Типичным примером может служить топор конца XIII в. из Полоцка (93, с. 58, рис. 29:1), судя по весу относящийся к лесорубным, но насаженный на короткую рукоять, предназначенную для коротких, почти прямых ударов.

[18] Точные размеры РДУ указаны в каталоге. Здесь приведены лишь общие рамки с допуском не более половины ширины захвата ладони.

[19] Такая рукоять, примерно равная по длине клинкам, позволяла противостоять меченосцам и «доставать» в пешем строю всадника.

[20] Впрочем, существует мнение, что эти остатки — следы одежды и савана, в которой погребенный заворачивался вместе с топором (7, с. 129).

Топоры. Сводный каталог находок

№	Место находки		Тип	Рисунок	Датировка (вв.)	Параметры				Источник
	Памятник	Комплекс				Длина (мм)	Ширина лезвия (мм)	Угол среза (гр.) / РДУ (мм)	Проушины (мм)	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Задевское (Поставский р-н)	селище	IA-20	3:1	VI—VII	169	42	23/398	∅ 30	11, с. 55, 136 р. 21:1
2	Козловцы (Миорский р-н)	погребение	—»—	3:2	X—XI	149	49	19/432	39x33	17, с. 107
3.	Прудники (Миорский р-н)	городище	—»—		XI—XII	109	34	18/335	23x18	40, с. 49-50 р. 2:20
4	Полоцк	?	IA-32	3:9	IX—X	146	48	26/266	25	ПИКЗ КВФ-2-631
5	Багриново (Толочинский р-н)	к. 3 погр. 2	IБ-20	3:5	XI	135	60	24/303	—	81, с. 111 р. 47:1
6	Масковичи (Браславский р-н)	городище	—»—	3:7	XII	170	62	13/736	40x38	17, с. 37-38 р. 20:10
7	Полоцк	В. Замок	—»—	3:6	30—40 г. XIII	250	60	15/933	30	93, р. 9:1
8	Черневичи (Глубокский р-н)	гр. III к. 3	IБ-22	3:10	к. X—XI	96	42	17/314	22	ВИЭМ, AR 290:124
9	—»—	гр. V к. 5	IБ-30		—»—	112	30	7/773	26x21	97, s. 427, tabl. LXXVIII:3
10	Слободка (Чашникский р-н)	гр. II к. I	—»—	3:4	—»—	115	25	≈0/≈∞	15	94, с. 131
11	Проклятое Поле (Чашницкий р-н)	к. 23 погр. I	IБ-32	3:11	—»—	120	30	20/247	20	76, с. 93
12	Полоцк	В. Замок	IБ-41	3:8	60-е г. XIII	190	90	11/977	38	93 р. 29:1
13	Кострица (Лепельский р-н)	городище	IВ-20		VIII	178	73	16/620	41x30	51, с. 110
14	Лыитупы (Поставский р-н)	к. 4	—»—	3:3	IX—X	165	70	17/539	40x30	24, р. 10:8
15	—»—	к. 6	—»—		X—XI	165	60	8/1173	50x35	24, р. 10:19
16	Масковичи (Браславский р-н)	городище	IIВ-22	3:12	XI	145	93	10/822	30	11 с. 133 р. 22:12
17	Проклятое Поле (Чашникский р-н)	к. 2	—»—		—»—	127	110	19/368	21	92, с. 323 р. 24:1
18	Глубочица-Боровно (Лепельский р-н)	из кургана		3:13	—»—	—	—	11/—	—	80, с. 23, р. 6
19	Витебск	Н. Замок	IIВ-41	3:14	XIII	140	108	13/606	36x20	11 с. 10, р. 21:3
20	Полоцк	Заполотье	IIIA-02	3:15	н. XI	147	80	15/548	32	93, с. 31, р. 9:3
21	Загорье-Укля (Браславский р-н)	к. 4	IIIA-22	3:19	к. X—XI	165	84	16/575	34	раскопки Л. В. Дучиц 1987 г.
22	Черневичи (Глубокский р-н)	гр. II к. 35 погр. А	—»—		—»—	155	88	19/450	36	ВИЭМ, AR 290:101
23	Заборные Гумна (г. Браслав)	из кургана	—»—		—»—	157	90	27/308	39	ВИЭМ, AR 294:9
24	Браслав	?	—»—		к. X—XII	186	95	20/510	40	БКМ, КП—426
25	Закурье (Чашникский р-н)	к. 2	IIIБ-12	3:20	к. XI—XIII	125	95	10/708	25	расокпки Г. В. Штыхова 1971 г.
26	Черневичи (Глубокский р-н)	из кургана	IIIБ-20		к. X—XI	—	—	20/—	—	7, р. 59:4
27	Черневичи (Глубокский р-н)	гр. IV к. 5	—»—		—»—	160	73	15/597	40	17, р. 6:6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
28	Масковичи (Браславский р-н)	городище	—»—	3:16	XI	140	75	6/1331	35	11, с. 129 р. 22:10
29	Друцк (Толочинский р-н)	детинец	—»—		XI—XIII	150	100	14/601	—	2, р. 21:7
30	Загорье-Укля (Браславский р-н)	к. 8	IIIБ-22		X—н. XI	140	100	23/329	26	68, с. 169 р. 52
31	Шо (Глубокский р-н)	к. II	—»—		к. X—н. XI	190	107	15/709	34	ВИЭМ, AR 279:30
32	Заборные Гумна (г. Браслав)	к. 5	—»—		—»—	129	77	23/303	24	68, с. 178-179
33	Залески (Глубокский р-н)	к. 2 погр. 2	—»—	3:21	—»—	163	78	17/533	36	100, s. 5
34	Багриново (Толочинский р-н)	к. 5 погр. 2	—»—		с. XI	147	104	16/512	—	82, с. 62-63, р. 19:8
35	Поречье-Бирули (Докшицкий р-н)	к. А	—»—		XI	180	113	17/588	—	98, s. 179, 180, tabl. 11:6,7
36	Браслав	детинец	IIIВ-02		—»—	153	90	8/1088	30	1, р. 46:25
37	Полоцк	?	—»—	3:22	XI—XII	160	105	13/692	35x30	93, р. 9:4
38	Прудники (Миорский р-н)	городище	IIIВ-20		X—XI	176	101	6/1674	31	40, с. 49-50 р. 2:19
39	Черневичи (Глубокский р-н)	гр. VI н. 4	—»—		—»—	168	100	13/727	31	ВИЭМ AR 290:260
40	Устье (Браславский р-н)	к. 61	—»—		к. X—н. XI	175	110	11/900	55x40	18, с. 78 р. 3:7
41	Путилковичи (Ушачский р-н)	к. 1	—»—		XI—н. XII	133	95	2/≈∞	27	65, с. 117, 122 р. 78:18
42	Масковичи (Браславский р-н)	городище	—»—		XII	150	112	13/649	36x32	17, с. 37-38 р. 20:8
43	—»—	—»—	—»—	3:17	XII—XIII	185	115	15/690	37	раскопки Л. В. Дучиц 1988 г.
44	—»—	—»—	—»—		—»—	172	107	10/975	36x26	17, с. 37-38 р. 20:9
45	Войшкуны (Поставский р-н)	к. 2	—»—		—»—	160	110	20/439	35	24, р. 8:1
46	Лукомль (Чашникский р-н)	детинец	—»—		—»—	145	115	12/682	30	92, р. 19
47	Витебск	Н. Замок	—»—		XIII	130	80	8/924	25	11, с. 115 р. 21:5
48	Полоцк	В. Замок	—»—		30-е гг. XIII	190	115	13/822	40	93, р. 9:2
49	—»—	—»—	—»—		70-е гг. XIII	151	110	14/605	32	93, р. 29:2
50	Шо (Глубокский р-н)	к. 32	IIIВ-21	3:18	XI	142	110	16/495	28	7, с. 134-135
51	Залески (Глубокский р-н)	к. 1	IIIВ-22		X—н. XI	155	93	15/578	31	ВИЭМ, AR 283:1
52	Шо (Глубокский р-н)	к. 12	—»—		к. X—н. XI	167	101	7/1360	36	ВИЭМ, AR 279:37
53	—»—	к. 22	—»—		—»—	157	102	16/547	28	ВИЭМ, AR 279:43
54	—»—	к. 8	—»—		—»—	140	91	12/658	25	ВИЭМ, AR 279:6
55	Путилковичи (Ушачский р-н)	к. 11	—»—		XI—XII	—	—	12/—	—	65, с. 117, 123, р. 60:4
56	Полоцк	?	—»—	3:23	—»—	185	100	6/1284	27	случайная находка

Литература

1. Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава // КСИА, в. 81. М., 1960.
2. Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966.
3. Алексеев Л. В. Раскопки в Друцке // АО 1965 года. М., 1966.
4. Алешковский М. Х. Курганы русских дружинников XI—XII вв. // СА, № 1, 1960.
5. Беккерт М. Железо. Факты и легенды. М., 1988.
6. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И. Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989.
7. Голубович Е., Голубович В. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР // КСИИМК, в. XI, М.-Л., 1945.
8. Гопак В. Д., Дьяченко А. Г. Техника изготовления клинков древнерусских мечей бассейна Северского Донца // СА, № 4, 1984.
9. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.
10. Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М.-Л., 1962.
11. Гурин М. Ф. Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX—XIII вв. Мн., 1987.
12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1991.
13. Данилов В. В. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991.
14. Добровольский И. Г., Дубав И. В., Кузьменка Ю. К. Граффити на восточных монетах (Древняя Русь и сопредельные страны). Л., 1991.
15. Дучиц Л. В. Северо-западное порубежье Полоцкого княжества // Древнерусское государство и славяне. Мн., 1983.
16. Дучиц Л. В., Мельникова Е. А. Надписи и знаки на костях с городища Масковичи (Северо-Западная Белоруссия) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980 год. М., 1981.
17. Дучыц Л. У. Браслаўскае Паазер'е ў IX—XIV стст. Гісторыка-археалагічны нарыс. Мн., 1991.
18. Дучыц Л. У., Шадыра В. І. Аб славянскім рассяленні на паўночным захадзе Беларусі (Па матэрыялах курганнага магільніка каля в. Вусце Браслаўскага раёна) // Весці АН БССР. Грам. нав. № 3—4, 1992.
19. Жиганов М. Ф. К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н. э. (могильник у пос. Заря) // СА, № 4, 1961.
20. Загорульский Э. М. Раскопки в Копыси // АО 1972 года. М., 1973.
21. Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Мн., 1982.
22. Заяц Ю. А. Зброя блізкага бою, рыштунак конніка і верхавога каня з раскопак Заслаўя // Помнікі культуры. Новыя адкрыцці. Мн., 1985.
23. Зверуго Я. Г. Работы Верхненеманского отряда // АО 1972 года. М., 1973.
24. Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX—XIII вв. Мн., 1989.
25. Ибн-Хордадбех. Книга путей и государств (фрагмент) // Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936.
26. Казакявичюс В. Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Литвы. Вильнюс. 1988.
27. Кардини Ф. Истоки среневекового рыцарства. М., 1987.
28. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. I. Мечи и сабли IX—XIII вв. // САИ, в. Е1-36. М.-Л., 1966.
29. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв. // САИ, в. Е1-36, М-Л., 1966.
30. Кирпичников А. Н. Мечи из раскопок древнего Изяславля // КСИА в. 144, 1975.
31. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.
32. Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985.
33. Колосова И. О., Харлашов Б. Н. Дружинное погребение псковского могильника // СА, № 2, 1983.
34. Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА, № 65, М., 1959.
35. Корзухина Г. Ф. Из истории древнерусского оружия XI века // СА, т. XIII, 1950.
36. Корчинский О. М. Меч из летописного Унеча // СА, № 1, 1985.
37. Краўцэвіч А. Комплекс зброі і рыштунку XIII ст. з-пад Гродна // З глыбі вякоў. Наш край: Гісторыка-культуралагічны зборнік. Мн., 1992.
38. Кулаков В. И. Древности пруссов VI—XIII вв. // САИ, выпуск Г1-9, М., 1990.
39. Культура Биляра (Булгарские орудия труда и оружия X—XIII вв.). М., 1985.
40. Ласкавы Г. В. Узбраенне воінаў XII—XIII стст. з феадальных сядзіб-«замкаў» паўночнага захаду Полацкай зямлі (па матэрыялах раскопак гарадзішчаў Пруднікі і Маскавічы) // Старонкі гісторыі Беларусі. Мн., 1992.
41. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.
42. Левашева В. О. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ, в. 32. М., 1956.
43. Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной меры (постановка вопроса) // СА, № 2, 1980.
44. Лысенко П. Ф. Ясенецкий курганный могильник // Вопросы истории (Тезисы XII конференции молодых ученых Белорусской ССР. Ноябрь 1969 г.). Мн., 1969.
45. Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Мн., 1974.
46. Лысенко П. Ф. Берестье. Мн., 1985.
47. Лысенко П. Ф. Дреговичи. Мн., 1991.
48. Мачинский Д. А. Миграция славян в I тысячелетии н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
49. Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ, в. Д1-4. М., 1964.
50. Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА, т. XXIII. М., 1955.
51. Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э. — VIII в. н. э.). Мн., 1978.
52. Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.
53. Недошивина Н. Г. Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимеревского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991.
54. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
55. Николаева В. Т. Рязанская икона с изображением Бориса и Глеба // Славяне и Русь. М., 1968.

56. Никольская Т. Н. Военное дело в городах земли вятичей (По материалам древнерусского Серенска) // КСИА, в. 139, М., 1974.
57. Никольская Т. Н. К пятисотлетию «стояния на Угре» // СА. № 4, 1980.
58. Новое в археологии Киева. Киев, 1981.
59. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
60. Павлова К. В. Раскопки могильника близ Новогрудка // КСИА, в. 104. М., 1964.
61. Падин В. А. Кветунский древнерусский могильник // СА, № 1. М., 1976.
62. Повесть временных лет. Текст и перевод Ч. I. М.-Л., 1950.
63. Перхавко В. Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА, № 4, 1979.
64. Поболь Л. Д. Древнерусский меч из Полоцка // Весцi АН БССР, № 1, 1960.
65. Поболь Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши. Мн., 1979.
66. Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Мн., 1983.
67. Покровский Ф. П. Археологическая карта Виленской губернии // Труды Виленскаго отделения Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Отдел II. Вильна, 1893.
68. Покровский Ф. П. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии // Труды девятаго Археологическаго съезда в Вильне 1893 г. Т. I, М., 1895.
69. Покровский Ф. П. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы // Труды девятаго Археологическаго съезда в Вильне 1893 г. т. II, М., 1897.
70. Попов Н. В. Судебная медицина. М., 1950.
71. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1962.
72. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.
73. Пушкина Т. А. Топорик-чекан из Гнёздова // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.
74. Радзиевская В. Е., Гопак В. Д. Меч римского типа из поселка Коломак в Харьковской области // СА, № 3, 1984.
75. Романов Е. Р. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 году // Древности. Труды Императорскаго Археологическаго общества. Т. XIII. М., 1889.
76. Романов Е. Р. Старина доисторическая Северо-Западного края // Виленский календарь на 1908 год. Вильна, 1908.
77. Седов В. В. Кривичи // СА, № 1, 1960.
78. Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.) // МИА, № 92. 1960.
79. Седов В. В. Формирование восточнославянской народности // КСИА, в. 198. 1989.
80. Сементовский А. М. Белорусския древности. В. 1. СПб., 1890.
81. Сергеева З. М. Курганы у дер. Багриново вблизи древнерусского Друцка // КСИА, в. 120. 1960.
82. Сергеева З. М. Раскопки курганов в Толочинском районе (БССР) // КСИА, в. 129. 1972.
83. Слово о полку Игореве. Примечания Д. С. Лихачева. Л., 1953.
84. Соловьев. О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск, 1985.
85. Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке XI—XVIII вв. Л., 1970.
86. Стальсберг А. О производстве мечей эпохи викингов // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. № 2. 1991.
87. Таутавичюс А. З. Восточнолитовские курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. I. М., 1959.
88. Федоров Г. Б. Городище Екимауцы // КСИИМК, в. L. 1953.
89. Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962.
90. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
91. Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986.
92. Штыхов Г. В. Раскопки в Лукомле в 1966—1968 годах // Древности Белоруссии. Доклады и конференции по археологии Белоруссии (Март 1969). Мн., 1969.
93. Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. Мн., 1975.
94. Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Мн., 1978.
95. Эймундова сага // Филист Г. М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Мн., 1990.
96. Atgazis M. Latgalu 9.-12. gs. cirvji // AE, т.VI, 1964.
97. Cehak-Holubowiczowa H. Slowianskie groby kurhanowe kolo Czerniewicz w pow. Dzisnienskim // WA, t.XVI, 1939.
98. Cehak-Holubowiczowa H. Slowiansko-wareskie cmentarzysko kurhanowe kolo Porzecza w powiecie dzisniens kim // PA t.VI, 1939, zecz. 2:3.
99. Connolly P. Greece and Rome at war London, 1981.
100. Holubowiczowe H. i V. Wykopaliska na Wilenszczyznie w latah 1938 i 1939. Wilno, 1940.
101. Kulikauskas P., Kulikauskiene R., Tautavičius A. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961.
102. Kunciene O. Grigiškų (Neravų, Trakų raj) pilikapino radiniai (1. Darbo įrankiai ir ginklai) // MADA t.3 (80), 1982.
103. Latvijas PSR arheologija, Rīga, 1974.
104. Latvijas senatne VIII g. tukst pr m.ē.-XII gs. Celvedis pa Latvijas PSR Vēstures muzeja ekspoziciju. Rīga, 1959.
105. Latviešu kultura senatnē, Rīga, 1937.
106. Nadolski A. Polska broń. Broń biala. Wroclaw, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Lódź, 1984.

107. Ruttkay A. Waffen und Reiterausrüstung des 9. bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei. I // SA, 1975, Roč. XXIII, č.1.

108. Ruttkay A. Waffen und Reiterausrüstung des 9. bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei. II // SA, 1976, Roč. XXIV, č.2.

109. Sage W. Das Reihengräberfeld von Aitenerding in Oberbayern (I) Tafeln // Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Serie A, band XIV. Berlin, 1984.

110. Schoknecht U. Ein Fund mittelalterlicher waffen von Levetzow, Kreis Wismar // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg Jb. 1967, Rostok, 1968

111. Šnore E. Kivtu kapulauks. Rīga, 1987

112. Stubavs A. Kente pilskalns un apmetne. Rīga, 1976.

113. Tautavičius A. Taurapilio «kunigaikščio» kapas Lietuvos archeologia. т 2. Vilnius, 1981

114. Urtans V. Kalniešu otrais kapulauks // Latvijas PSR vēstures muzeja raksti. Arheologija. Rīga, 1962.

115. Urtans V. Senākie depoziti Latvija. Rīga, 1977

116. Volkaite-Kulikauskiene R. Kovos kirviai lietuvoje ankstyvojo feodalizmo laikotarpiu // MADA, t.1 (16), 1964.

117. Volkaite-Kulikauskiene R. Ginklai // Lietuvių materialine kultūra IX-XIII amživje. т.2. Vilnius, 1981

118. Wagner E. Heib-und Stichwaffen. Praha, 1969.

119. Zak J. Kulturelemente aus dem Mitteldonaugebiet in der materiellen Kultur der Oder-und Weichselslawen in der Zeit vom VI. Jh. bis zum Jahrhundertwende X/XI // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев 18-25 сент. 1985г. т.4 Киев, 1988.

Сокращения

АО — Археологические открытия,
БКМ — Браславский Краеведческий музей,
ВИЭМ — Вильнюсский Историко-этнографический музей,
ГИМ — Государственный Исторический музей,
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР М.,
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.—Л.,
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.,
ПВЛ — Повесть временных лет. М.—Л.,
ПИКЗ — Полоцкий историко-культурный заповедник,
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М.,
СА — Советская археология. М.,
САИ — Свод археологических источников. М.,
AE-Arheologija un etnografija. Rīga,
MADA-Lietuvos TSR Mokslu akademijos darbai A serija. Vilnius,
PA-Przegąd Archeologiczne. Poznań,
SA-Slovenska Archeologia. Bratislava,
WA-Wiadomości Archeologiczne. Warszawa,

С. В. ТАРАСАЎ
У. М. МІЛЮЦІН

ПОМНІК ДРОБНАЙ ПЛАСТЫКІ З ПОЛАЦКА

Новыя археалагічныя даследаванні ў Полацку далі надзвычай цікавыя знаходкі, якія істотна дапаўняюць нашыя ранейшыя ўяўленні не толькі аб матэрыяльнай, але і мастацкай культуры старадаўніх беларускіх гарадоў.

Да другой паловы 80-х гг. у Полацку археолагі вывучалі ў асноўным выключна помнікі IX—XIII стст.: першапачатковае гарадзішча, старажытнае паселішча, Верхні замак, пасад у Запалоцці. У 1987—1988 гг. упершыню даследаваліся культурныя напластаванні гандлёва-рамеснага Вялікага пасаду, дзе захаваліся рэшткі матэрыяльнай культуры горада XIV—XVII стст. У самым цэнтры пасада (сучасная пл. Леніна) у сувязі з мяркуемым будаўніцтвам жылых дамоў быў закладзены раскоп агульнай плошчаю болей за 1100 кв. м. Раскопкі дазволілі прасачыць храналогію і тапаграфію гэтага раёна Полацка ад канца X ст. да сённяшніх дзён.

Надзвычай цікавым было тое, што фактычна ўпершыню ў горадзе падрабязна даследаваны напластаванні XIV—XVII стст. Па сваёй сумарнай магутнасці яны адпавядаюць культурным пластам т. зв. раннефеадальнага перыяду. На вялікі жаль, на даследаванай плошчы Вялікага пасаду практычна адсутнічала грамадзянская забудова XIV—XVII стст. Разам з тым у раскоп трапіла некалькі вуліц, на насцілах якіх і ў непасрэднай блізкасці ад якіх былі знойдзены мастацкія вырабы, што з'яўляюцца аб'ектам дадзенага артыкула.

Так, праз сярэдзіну ўсёй паўднёвай часткі раскопу праходзіла вуліца шырынёй да 5 м. Яна была арыентавана ў накірунку поўдзень-поўнач да перпендыкулярнай ёй вуліцы. Апошняя знаходзілася ў паўночнай частцы раскопу. Насціл першай з прыгаданых вуліц складаўся з бярвенняў-плах дыяметрам 0,1—0,15 м, якія клаліся на 3—4 м прадольныя лагі. Тыя ў сваю чаргу мацаваліся да зямлі з дапамогай убітых па абодва бакі невялікіх вертыкальных драўляных калкоў. Тыя ж часткі папярэчных лаг, якія звонку выступалі за межы прадольных, падпіраліся знізу драўлянымі слупкамі дыяметрам 0,2—0,3 м. Вуліца мела ўсяго адзін насціл, што сведчыць аб непрацяглым яе існаванні. У некалькіх месцах яна была пашкоджана сучаснай лініяй вадаправоду.

Непасрэдна побач з насцілам гэтай вуліцы была знойдзена каменная плітка з надзвычай высокамастацкай выяваю «Пагоні» і «Аленя». Але перш, чым мы пяройдзем да разгляду гэтага артэфакта, неабходна вылучыць дадзеныя, якія маглі б нам больш дакладна вызначыць храналогію гэтага помніка. Драўляны вулічны насціл, а адпаведна і ўсё тое, што было знойдзена на ім ці побач, размяшчаліся на мяжы двух добра вылучаных стратыграфічных пластоў. Верхні — чорна-шэрага колеру з крапінамі гліны на паверхні. Ён быў пашкоджаны рознымі перакопамі, як сучаснымі, так і старадаўнімі. У ім было знойдзена шмат рэчаў, характэрных для канца XVI — пачатку XVII стст. Сярод іх кафля, трохшыпныя абутковыя падкоўкі (пераважна высокія), вырабы са скуры. Ніжэй знаходзіўся слой інтэнсіўнага чорнага колеру, насычаны спёкшыміся шлакамі. Ён нёс на сабе адбіткі моцнага пажару.

Даследаваная вуліца знаходзілася на мяжы двух стратыграфічных гарызонтаў. Менавіта па яе насцілу, побач з пракладзеным у нашыя часы вадаправодам, была знойдзена каменная плітка. У адным слаі з ёй таксама апынуўся металічны музычны інструмент — варган, некалькі конскіх падкоў, тытунёвая люлька. Практычна на адным узроўні з вуліцаю даследаваны рэшткі гаспадарчай пабудовы, што стаяла побач. Яна захавалася на 4 вянцы. Каля паўночна-заходняга кута пабудовы пад час раскопак выяўлены невялічкія распісаныя кубачкі, кафля з раслінным арнаментам.

У плане датыроўкі самога вулічнага насцілу цікава такая акалічнасць. Непасрэдна пад драўлянымі плахамі ў адным з квадратаў знойдзены ключ цыліндрычнага замка, блізкі па форме да ноўгарадскага тыпу «Е». Падобныя ключы бытавалі з другой паловы

XIV ст. але найбольш характэрны для XV ст.[1] Побач з насцілам, на адным з ім узроўні, трапілася ў рукі археолагаў фігурка шахматнага ферзя. Вышыня фігуркі 7,2 см. Вытачаная на такарным станку, яна мае складаную форму, аздоблена цыркульным арнаментам і інкрустацыяй з металу жоўтага колеру. Ферзь падобны на полацкую фігурку, вядомы па раскопках у Пскове, дзе датуецца XVI—XVII стст.[2]

Але, безумоўна, адной з самых цікавых і загадкавых знаходак з'яўляецца каменная плітка з геральдычнымі выявамі. Плітка мае няправільную форму чатырохкутніка (памеры 49,5x48,5x43x51 мм) і зроблена з каменя-пескавіка таўшчынёю 20 мм. На плоскіх паверхнях тварнага і адваротнага бакоў маюцца выявы ўзброенага вершніка з занесеным мячом («Пагоня») і бягучага аленя.

Адразу звяртаюць на сябе ўвагу дзве акалічнасці: па-першае, тое, што выявы размешчаны на супроцьлеглых баках каменя; па-другое, што на камені выразаны негатыўныя адлюстраванні. Апошняе можа тлумачыцца толькі тым, што дадзеная плітка — штамп, або матрыца для вырабу пазітыўных выяў. Пры пільным разглядзе не цяжка заўважыць, што разметка колаў рабілася пры дапамозе цыркуля, ад якога ў цэнтры кожнай выявы засталіся кропкі. Таксама трэба адзначыць, што работу (разьбу) выконваў вопытны майстра з выдатным мастацкім густам. Яму дзіўным чынам удалося спалучыць выявы з размечаным полем. Мастак-рамеснік валодаў у значнай ступені пачуццём меры: пры разьбе выявы аленя ён удала запаўняе віньеткаю ўзнікшую ўнізе пустату. Але найбольш удала ён перадаў аб'ём фігур. Зробленыя намі пробныя адбіткі на воску паказалі, што ўсе дэталі выяў глядзяцца рэльефна, выразна, не зліваюцца і не перакрываюцца адна адной. За кошт удалага спалучэння глыбіні разьбы майстру ўдалося стварыць матрыцу, якая пры адбітку давала выразны рэльеф. Безумоўна, што гэтая каменная плітка і выявы на ёй з'яўляюцца выдатнейшым помнікам старадаўняй беларускай мастацкай дробнай пластыкі.

Але разам з тым узнікаюць некаторыя пытанні, на якія, па магчымасці, трэба адказаць. Адно з іх — як вызначаецца прыналежнасць дадзеных выяў, другое — якая функцыянальная прыналежнасць самой пліткі?

Выява ўзброенага вершніка выразана на адным з бакоў каменя ў кропкавым абадку дыяметрам 37,7 мм. Гэтая эмблема была шырока вядома ў сярэднявечнай Еўропе. У Вялікім Княстве то быў дзяржаўны герб, які меў назву «Пагоня». Летапісныя крыніцы дазваляюць высветліць не толькі час яе ўзнікнення, але сэнсавую нагрузку, якую гэтая выява несла. У 1278 г. «Внтень нача княжити над Литвою измысли себе герб и всему князеству Литовскому печать: рыцерь збройный на коне з мечем, еже наричут погоня».[3] У Хронiцы Быхаўца гэтак сама адзначаецца, што «Нарымонт, колі сел на Великом князьстве Литовском, герб свой Китаврос заставил братии своеи, а собе уделал герб — человека на кони з мечом, а то знаменуючи через тот герб пана дорослого, хто бы мог боронити мечом отчины своее».[4] Да гэтага трэба дадаць, што адной з падстаў, па якой Віцень мог абраць сабе гэты герб, было тое, што вершнік з вогненным мечам на кані — паганскі бог Ярыла — быў паўсюдна вядомы ў славянскім свеце. У далейшым ён трансфармаваўся ў беларускую «Пагоню» і расейскага Георгія Пераможца.

Але так ці іначай, па прыведзеных вышэй дакументальных звестках прасочваецца змяненне функцый гэтай эмблемы (герба) як асабістай — родавай — зямельнай — дзяржаўнай.

Па дадзеных К. Нясецкага і У. Каяловіча «Пагоняю» карысталіся нашчадкі вялікага князя Гедыміна (1316—1341) — князі Чартарыйскія, Капыльскія, Карэцкія, Карыятовічы, Кашырскія, Ковельскія, Сангушкі, Слуцкія.[5] Па звестках Б. Папроцкага і А. Гваньіні выява «рыцара збройнага на кані» была на харугвах гарадоў: Менска, Наваградка, Мсціслава, Віцьбеска, Смаленска, Вільна, Трок, Драгічына; Берасцейскага, Мсціслаўскага, Менскага, Віленскага і Наваградскага ваяводстваў; Полацкага і Рэчыцкага паветаў. У Кіеўскім ваяводстве акрамя пячаткі з «Пагоняй» карысталіся пячаткамі з выявамі мядзведзя і Архангела Міхаіла, а на Падляшшы — разам з «Пагоняй» — арлом.[6]

Выкарыстанне «Пагоні» у якасці дзяржаўнага герба на пячатках рэгламентавалася Статутамі Вялікага Княства 1529, 1566, 1588 гг.

Сярод шматлікіх адбіткаў «Пагоні» і яе выяў выява «Пагоні» на каменнай плітцы з Полацка блізкая той, якую апісвае Старапольская Энцыклапедыя З. Глогера: «Пагоня — герб Вялікага княства Літоўскага, якая адлюстроўвае ў чырвоным полі пад княжацкай шапкаю альбо мітраю ўзброенага вершніка ў шаломе. У правай руцэ ў яго меч, якім ён замахваецца; а ў левай — шчыт, з выяўленым на ім залатым падвойным крыжом. Пад вершнікам белы конь, які скача, пакрыты чырвоным, амаль да самых капытоў чапраком з трохчаснай залатой махрою».[7]

Найбольш распаўсюджана выява «Пагоні» у межах Вялікага Княства была на пячатках і манетах. Яны дазваляюць прасачыць розныя змяненні ў выяве гэтага герба, што ў сапастаўленні дае магчымасць вызначыць дату вырабу полацкай знаходкі.

Найбольш блізкія па стылю выявы «Пагоні» знаходзяцца на манетах і пячатках XVI—XVII стст.[8] Падобная хада каня ўжо ёсць на манетах Зыгмунта I Старога (1506—1544). На некаторых з іх сустракаецца кручкападобны, выгнуты долу хвост. Меч, як на полацкай плітцы, пачынае займаць такое ж самае палажэнне на манетах канца XV — першай паловы XVI стст. На некаторых манетах другой чвэрці XVI ст. —ужо сустракаецца такі самы шчыт. Апошні ў гэтакім выглядзе прасочваецца ажно да манет Яна Казіміра (1649—1668) уключна. Пры Зыгмундзе Аўгусце (1545—1572) на пячатках з'яўляецца трохчасная махра чапрака. Але ж на манетах яна бачна і пры Зыгмундзе III (1587—1632) у межах 1611—1614 гг. Пры ім жа на літоўскіх грошах 1614—1627 гг. з'уляецца шышкападобны шалом, які ў такім выглядзе на пячатках быў вядомы і раней. Разам з тым, самая блізкая аналогія выяве «Пагоні» з Полацка ёсць на літоўскім грошы 1611 г.

Такім чынам, аналіз выявы «Пагоні» дазваляе датаваць выраб каменнай пліткі з геральдычнымі выявамі часамі праўлення Зыгмунта III (1587—1632), магчыма, першымі дзесяцігоддзямі XVII ст. Апошняе не пярэчыць археалагічнай стратыграфіі знаходкі.

На адваротным баку каменнай пліткі ў лінейным абадку (дыяметр 39 мм) выразана таксама негатыўная выява «Аленя», пад якім змешчана дэкаратыўная віньетка. Частка выявы і віньеткі адбіта яшчэ ў старадаўнія часы. У выданнях па геральдыцы гербы з «Аленем» называюцца «Брохвіч» і «Апсле». «Брохвіч» — у белым полі чырвоны алень, звернуты ў левы бок. У аленя залатая карона на шыі, нашаломнік з паўлінавага пер'я. Вытокі герба ў Германіі. Вядомыя варыянты, калі алень бывае звернуты ў правы бок і без кароны на шыі. Бывае адлюстраванне толькі паловы аленя, якая выходзіць у залатым полі з паўмесяца, звернутая рогамі да ніжняга левага кута. Месяц залаты, пад ім залатая зорка. На паўлінавым нашаломніку бачны залаты месяц рогамі ўніз, над ім такая ж самая зорка. Такі герб — алень з каронаю на шыі — меў род Собскі, а без кароны: Вікторы, Ваякоўскія, Концкія, Паломскія, Грабаны, Шалеўскія, Дабрачэцкія, Брушкоўскія, Палецкія[9]. Герб «Апоце»— у чырвоным полі чорны алень са срэбранай повяззю. Над шаломам у шляхецкай кароне, залатыя рогі. Паходзіць з Сілезіі. Аб гэтым сведчаць сілезскія пячаткі: 1282 г. Міхала з Сосіцы, каштэляна Вроцлаўскага і 1321 г. Стэфана з Пархава — землеўладальніка кня-

монтович был поставлен в Полоцк наместником «за большие заслуги в Хойницкой битве»; в 1542 г. в числе людей, «хорошо послуживших Речи Посполитой», получил в качестве награды полоцкое воеводство Станислав Довойна.[6] Полоцкие наместники играли не последнюю роль в решении крупных внутриполитических проблем Великого княжества, в частности, полоцкий воевода Станислов Глебович в конфликте знаменитого кн. М. Глинского и Ю. Илинича из-за лидского воеводства выступал на стороне последнего.[7] Неоднократно полоцким наместникам и воеводам приходилось отправлять функции официальных представителей Великого княжества Литовского в переговорах с Московским государством, или же просто послов в Москве. В середине 1490-х годов полоцкий наместник Ян Юрьевич Заберезынский вначале вел через воеводу новгородского Якова Захарьича переговоры о перемирии между Литвой и Москвой, а затем и о сватовстве великого князя Александра к дочери Ивана III Елене. В 1495 г. он был в числе «старших» в сопровождении Елены Ивановны из Москвы в Литву. Он же в 1501 г. пытался договориться о перемирии в очередной войне, но безуспешно.[8] Осенью 1508 г. посольство Великого княжества в Москву возглавил полоцкий наместник Станислав Глебович. 8 октября им был заключен «вечный мир».[9] Мир продлился четыре года, и еще десять лет шла война. Новое перемирие в 1522 г. в Москву поехали заключать опять-таки полоцкий воевода Петр Станиславович Кишка и Богуш Боговитинович. Тот же П.-С. Кишка возглавил литовское посольство в Москве в 1526 г., когда заключенное перемирие было продлено.[10] Полоцкий воевода Станислав Довойна «поехав в посольстве от короля в Москву, взял перемирие...» в 1553 г.[11] Таким образом, исполнение полоцкими наместниками и воеводами одного из ответственнейших государственных поручений было, скорее, правилом, нежели исключением.

Немалым авторитетом обладала и Полоцкая епископия (позднее архиепископия). От 1488-89 гг. сохранилась челобитная от русских князей Великого княжества Литовского к Цареградскому патриарху о благословении на Киевскую митрополию избранного ими Полоцкого архиепископа Иону. В 1500 г. Полоцкий архиепископ Лука участвовал в соборе, поставившем митрополитом Киевским Иосифа. Именно из Полоцка ставились православные священники в Ригу, в церковь св. Николая.[12]

Наконец, Полоцк получил Магдебургское право в 1498 г., раньше большинства белорусских городов. Получение Полоцком магдебургии в историографии оценивается по-разному, но в основном положительно. З. Ю. Копысский считает, что замена традиционных форм права на магдебургию произошла в связи с достижением более высокого уровня развития городской жизни. Помимо этого, Магдебургское право должно было защитить торгово-ремесленные слои населения от всевластия городской верхушки, феодального патрициата, ничем не ограниченного при господстве права вечевого.[13] Но существует и другое мнение: А. Л. Хорошкевич утверждает, что полоцкая магдебургия была «магдебургией приграничного района» и способствовала укреплению великокняжеской власти, а не упрочению положения мещан.[14]

Магдебургское право хорошо или дурно не само по себе, а лишь в сравнении. Так вот, в сравнении с городами Московского государства, у которых «не сложилось ни специфическое «городское» право, ни собственные городские вольности»,[15] а там, где они все же имелись (Новгород, Псков), в течение XVI в. пришли в ничтожество, — магдебургия была на порядок более благоприятным правовым режимом. В сравнении с белорусскими городами Великого княжества Литовского, как уже говорилось, полоцкая магдебургия была ранней, одной из первых. В сравнении же со всей Европой Магдебурское право было неким средним вариантом. Оно имело чрезвычайное распространение в Германии и Польше (в т. ч. его варианты — Хелмское и Шродское право), и с этой точки зрения присвоение его было актом унификации белорусских и польских городов. Но существовали также версии городского права, исключавшие какое бы то ни было вмешательство внешней власти в городскую жизнь, например, право, по которому жили города Ганзы, или полная независимость и самостоятельность итальянских городов-государств. Подобный правовой статус развился из образцов, встречающих аналогии и в древней полоцкой истории: полученное в XI в. от кн. Бориса вечевое право уже в XII в. развилось в Полоцке в сложную систему общественно-политических институтов, включавших принцип выборности князя.[16] Вечевое право Полоцка именовалось в летописях «полоцкая Венеция, або свободность».[17] Со времени включения города в состав Литовско-Русского государства его самостоятельность понемногу сокращалась, в особенности с внешнеполитической точки зрения. Во времена наместников в середине XV в. «к суду наместников перешла часть компетенций веча...»[18] И магдебургия была способом точного разграничения полномочий наместника, т. е. представителя великокняжеской власти, и институтов городского самоуправления, оставшихся от времен господства вечевого права; это был некий правовой компромисс между крупнейшим белорусским городом и великим князем Литовским. Получение Магдебургского права Могилевом в 1561 г. дает некую аналогию для освещения обстановки во времена, предшествовавшие принятию магдебургии. В период между 1526 и 1561 гг. «Внутреннее управление и распоряжения Могилева зависели от повеления старост и их наместников, от которых могилевские жители искали правосудия в могилевском замке; впоследствии же времени, могилевские жители, утесняемы будучи старостами, жаловались польским королям и мало по малу наживали себе привилегии королевские на вольность и независимость от замковой юриздики, то есть судопроизводства.» — пока не получили Магдебургское право.[19] Но если для Могилева магдебургия была только приобретением, то для Полоцка — остановкой в процессе потери былых привилегий. Изначально полоцкая магдебургия все же не была «магдебургией приграничного района» — отнюдь! Надо было обладать каким-то невероятным пророческим даром, чтобы предугадать потерю Великим княжеством в течение нескольких лет Брянска, Торопца и северской земли, что, собственно, и превратило Полоцк в порубежный город. Но поскольку Полоцк им стал, военно-административная власть в лице наместников и воевод в условиях частых войн столь возросла, что стали возможными регулярные нарушения магдебургии, предопределившие в итоге ее несколько ущербный характер (нарушения начались уже с 1502 г.)[20]. Магдебургия, таким образом, в определенном смысле утвердила власть великого князя над Полотчиной, поскольку, приняв ее из рук сюзерена, полочане с этого момента могли ожидать изменений, уточнений, подтверждений, приказов о неукоснительном соблюдении, или же, напротив, отмены оной — только от сюзерена же.

К концу XV в. Великое княжество Литовское уже не располагало военно-политическим потенциалом, необходимым для удержания всей своей громадной государственной территории. М. Тишкович (Михаил Литвин) следующим образом охарактеризовал литовское рыцарство конца XV — начала XVI вв.: «силы московитян и татар значительно меньше литовских, но они превосходят литовцев деятельностью, умеренностью, воздержанием, храбростью и другими добродетелями, составляющими основу государственной силы».[21] По мнению польских историков, походы Витовта последних лет его правления составили апогей успехов Литвы в подчинении русских земель, а при Казимире Ягеллончике происходит вынужденный от-

каз от дальнейшей экспансии на Руси, и основною внешнеполитической целью становится удержание уже подвластных территорий; договор 1449 г. с Василием II оказался переломным моментом между эпохой литовского доминирования и эпохой быстро растущей московской мощи. Литовское рыцарство от долгого пребывания в мире обленилось и утратило воинственность, шляхтетское войско Великого княжества мало соответствовало требованиям современного военного искусства, казна никогда не бывала полной.[22] С геополитической точки зрения, военно-политическая инициатива во второй половине XV в. в этом регионе перешла от Литвы к Московскому государству и татарским ханствам — осколкам Золотой Орды. В Полоцке, между тем, внешнее давление почувствовали в последнюю очередь: город был «прикрыт» с юга от набегов южнорусскими и белорусскими землями, а от походов московских армий с востока и северо-востока Витебском, Смоленском, Дорогобужем, Торопцом, входившими тогда в состав Великого княжества Литовского. Более того, до 1480-х гг. дополнительным «щитом» были не покоренные еще Москвою Тверь и Новгород, а до 1510 г. — отчасти Псков. Полоцк в последней четверти XV в. оставался «глубинным» городом Великого княжества, и первые столкновения Московского государства и Литвы еще не задели Полотчину.

Видя ослабление Великого княжества, Иван III, присоединив Тверь и Новгород, принял в 1485 г. во внешних сношениях титул «государь всея Руси» (т. е. и «Руси литовской») и позднее, в 1499 или 1500 г. потребовал «возвращения» своей «вотчины» — всех русских земель до Березины,[23] в том числе Киева, Полоцка и Смоленска. Это требование настойчиво повторялось во всех московско-польско-литовских переговорах XVI в., вплоть до поражения Ивана IV в Ливонской войне. В то же время усиливается натиск татар, от которого страдали прежде всего Подолия, Волынь, Киевская земля, реже — белорусские земли. Но в начале XVI в. набеги крымцев в ряде случаев достигали и белорусских городов. В частности, в 1506 г. царевич Махмет-Гирей с Бати-Гиреем и Бурносом (Бурнашем?) «спалил» минский посад и отправил «загоны» по всей Северной Белоруссии. Осаждены были Новогрудок, Слуцк; полоцкая, витебская и друцкая земли преданы были огню и мечу. Разорив громадную территорию, Махмет-Гирей безнаказанно вернулся восвояси.[24] За один только поход в мае 1506 г. перекопские татары, согласно Хронике Кромера, увели 100 тыс. пленников. В 1509 г. огромное войско вновь вторглось в глубь территории Великого княжества, и отдельные отряды доходили даже до Вильно.

По замечанию А. А. Зимина, «в декабре 1489 г. начался массовый переход Верховских князей на русскую сторону», — неспособность Великого княжества противостоять набегам крымцев и опасность потерять свои владения в разгорающемся конфликте с Москвой заставили многочисленных полунезависимых владык мелких княжеств смоленской, верховской и северской земель по одному переходить на сторону более сильного государя — великого князя Московского.[25] Поход московских войск на Любутск в августе 1492 г. открыл период непрекращающихся войн между Московским государством и Великим княжеством Литовским. В первой московско-литовской войне 1492-94 гг. Литва потерпела поражение, но Полоцк ни в малой степени не был задет в ходе развернувшихся боевых действий — его «прикрытие» еще не было сорвано.

Великий князь Литовский Александр, зная о непрочности своих позиций в порубежных с Московским государством землях, тем не менее самоуверенно предпринял действия, приведшие в итоге к самым плачевным последствиям. До конца XV в. нерушимость православия на русских землях Великого княжества Литовского была чем-то само собой разумеющимся и М. Меховский в своем трактате «О двух Сарматиях» писал, что «...в Полоцке, Смоленске и затем к югу за Киев все... держатся греческого обряда и подчиняются патриарху Константинопольскому»[26]. Великий князь Александр сделал попытку принудительного введения унии среди своего православного населения, а также оказал давление на свою жену Елену Ивановну, дабы она оставила православие.[27] В частности, в Полоцке между 1497 и 1500 гг. был основан бернардинский костел, и ему передана была земля, которой до этого владела православная церковь св. Петра.[28] По причине «нужи о греческом законе» в 1500 г. на сторону Ивана III перешло сразу несколько сильнейших князей, ранее служивших Александру, и среди них кн. С. И. Бельский, С. И. Можайский и И. В. Шемячич. В 1499 г. на сейме была подтверждена Городельская уния с католической Польшей, но об этом даже опасались распространяться, не желая вызвать лавину княжеских переходов.[29] Религиозно-политический конфликт был серьезнейшей причиной очередной московско-литовской войны, поскольку православие являлось мощным козырем великих князей Московских в борьбе за влияние на территории «литовской Руси» и авторитет московского государя был бы подорван, не techno прими он энергичных мер к защите интересов православия в подобной ситуации. Вместе с тем, неудачные действия Александра подарили Ивану III отличный повод для пересмотра территориальных вопросов на основе реального соотношения военно-политических сил двух государств, а переход северских князей добавил к тому же удачный момент для нанесения удара. Последовавшая война 1500-1503 гг. была, по сути дела, растянувшейся на несколько лет военной катастрофой Великого княжества Литовского.

Со времен этой войны начинается период непосредственного вовлечения Полотчины в орбиту нескончаемых московско-литовских столкновений. Летом 1500 г. войска Великого княжества Литовского потерпели ряд поражений, армия гетмана К. Острожского в июле была разгромлена на Ведроше. В августе московские воеводы А. Ф. Челяднин, наместник новгородский, и кн. А. В. Ростовский, наместник псковский с Волоцкими князьями Федором Борисовичем и Иваном Борисовичем овладели Торопцом и, двигаясь дальше, «многие волости и села около Полоцка и Витебска поплениша и огнем пожгоша...»[30] Для организации обороны в сентябре 1500 г. великий князь Александр прибыл в Полоцк, укрепил город, а также управлял оттуда укреплением Смоленска, Витебска и Орши. Не имея достаточно собственных сил, он набрал наемное конное и пешее войско из поляков, силезцев, чехов и моравов во главе с Яном Черным, чехом или поляком. Но в 1501 г. Александру вновь не удалось помешать наступлению армий Ивана III. 4 ноября под стенами Мстиславля кн. А. В. Ростовский нанес литовским войскам страшное поражение. Корпус Яна Черного был переброшен на защиту Полоцка. Но московские воеводы не предпринимали попыток овладеть городом, и поэтому, очевидно, литовское командование сочло возможным превратить Полоцк в операционную базу для нанесения контрудара. Осенью 1501 г. Ян Черный ходил на помощь ливонскому магистру Плеттенбергу к Острову, но дойдя до Опочки, он узнал, что тот уже взял Остров и сжег его. Попытка Яна Черного взять Опочку не увенчалась успехом, и он отошел назад. В апреле 1502 г. королевский дворянин и боярин полоцкий Петряш Епихамович «приходил... с желныри ис Полотцка на Пуповичи (волость Великих Лук.— Д. В.) ...и дети боярские от князя великого многих жолнырь избиша, а иных поимаша»[31]. Контрудара, таким образом, не получилось.

В августе-октябре 1502 г. кн. Дмитрий Иванович Жилка ходил с ратью под Смоленск, но не смог его взять. Из-под Смоленска он посылал отряды «за Мстиславль по Березыню, и по Видбеск, по Полтеск

и по Двину». Дело ограничилось взятием Орши, разорением волостей и сожжением посада у Витебска.[32]

Перемирие, заключенное в августе 1503 г., по мнению К. Базилевича и польского историка Я. Натансона-Лески, определив новую границу, дало Московскому государству «благоприятные условия... для наступления на Смоленск, Витебск и Полоцк».[33] Во всяком случае, после 1503 г. Полоцк действительно становится пограничьем. И в еще большей степени он примет роль порубежного пункта после взятия в 1514 г. Смоленска армией Василия III.

Кратковременная война 1507-1508 гг., связанная с вооруженным выступлением кн. М. Глинского, которое в исторической литературе оценивается то как мятеж авантюриста, то как «восстание народных масс»[34], причинила Полотчине куда меньше хлопот, Л. Колянковский писал, что в 1507 г., весной, Москва начала боевые действия посылкой армий на Полоцк, Смоленск и в направлении Минска. Это не совсем верно: в то время московские войска еще только концентрировались у границ, готовясь к началу большой войны. Весной 1507 г. была произведена лишь «разведка боем». Осенью же 1507 г. из Великих Лук «в литовскую землю», вероятно, на полоцкие места, ходила рать Г Федоровича и М. А. Колычева. В 1508 г. московские войска оперировали в районе Друцк-Орша-Дубровна, т. е. южнее Полоцка. Ни о каких серьезных боях под Полоцком источники не сообщают, но к Орше от Великих Лук шли новгородские войска кн. Д. Щени — как раз через полоцкие земли, вероятно, по обычаю разоряя волости.[35]

В ходе войны 1512-1522 гг. Полоцк лишился последнего своего «щита» — Смоленска. Первые годы войны ознаменованы были упорным стремлением великого князя Московского Василия III овладеть этим городом. В период борьбы за Смоленск 1512—1514 гг. Полоцк становится отдельным, самостоятельным направлением походов московских войск. К декабрю 1512 г. — марту 1513 г. относится первый неудачный поход Василия III под Смоленск, — и одновременно от Великих Лук на Полоцк двинулась большая армия во главе с кн. М. В. Горбатым-Кислым. М. В. Горбатый вёл «новгородскую силу» и «псковских детей боярских». Но Полоцка ему взять не удалось, и войска повернули к Смоленску, на соединение с Василием III.[36] Летом 1513 г. великий князь вновь пошел на Смоленск, затем остановился в Боровске, а с полками отправились кн. Репня-Оболенский и А. Сабуров. В сентябре к Смоленску двинулся и сам Василий III. 11 августа из Великих Лук вышли к Полоцку войска под командой кн. В. В. Шуйского. В его распоряжении вновь имелось 5 полков, воеводой большого полка назначен был кн. М. В. Горбатый. Общее командование московскими армиями в районе Полоцка и Витебска осуществлял М. Глинский, располагавший по преувеличенным, по мнению А. А. Зимина, данным 32 тыс. чел., в том числе 24 тыс. чел. — под Полоцком. На сей раз Полоцк упорно штурмовали, но город был деблокирован извне действиями многочисленной литовской армии. Под стенами города полки В. В. Шуйского понесли тяжелые потери и были отозваны «из литовския земли и из-под Полотцка... по своим домом...» Полк же М. В. Горбатого отошел к Смоленску. Впрочем, под Смоленском московских воевод опять ожидала неудача.[37]

Летом 1514 г. Василий III в третий раз приступил к Смоленску и взял его 30 июля. Но в сентябре под Оршей была разбита большая армия воеводы А. Челяднина, что привело к потере ряда городов: Дубровны, Мстиславля, Кричева, — сдавшихся польскому королю Сигизмунду. В отместку весной 1515 г. в восточно и северобелорусские земли отправлены были две рати: одна из них пошла под Мстиславль (с «загонами» на Оршу и Кричев), вторая же, возглавленная кн. А. Дм. Ростовским и Г Ф. Ивановым, традиционно ударила от Великих Лук на Полоцк. Но результаты этого похода были невелики: «полону имали безчисленно, а городу не взяли ни одново».[38]

В 1517 г. король Сигизмунд, стремясь перехватить инициативу, предпринял вторую в истории московско-литовских войн первой половины XVI в. попытку сделать из Полоцка базу для контрнаступления: набрал мощную наемную армию из немцев, венгров, чехов и пр. и пришел с нею в Полоцк. Оттуда он отправил войска К. Острожского, усиленные корпусом наемников, на «псковский пригород» Опочку. Сам Сигизмунд оставался «с малыми людьми» еще некоторое время в Полоцке, а затем отбыл в Вильно. К. Острожский и посланные ему на помощь отряды потерпели в октябре под Опочкой серьезное поражение.[39] Вновь, как и в 1502 г, попытка контрнаступления из Полоцка не увенчалась успехом.

Летом следующего года Московское государство нанесло ответный удар, равно мощный и равно неудачный. Поход 1518 г. в миниатюре напоминает будущий поход 1563 г., с иным, правда, результатом. Рать, состоявшую из пяти полков, посохи и наряда (псковских и новгородских пушек), и насчитывавшую, по сведениям Хроники Бельских, 7 тыс. чел., вел новгородский наместник кн. В. В. Шуйский, к которому впоследствии прислан был на подмогу кн. М. В. Горбатый-Кислый с московскими полками. Другой отряд был разбит по дороге к Полоцку Ежи Радзивиллом. И все же, под стенами города собрались значительные силы, располагавшие мощной артиллерией: наряд вначале переправляли на судах по р. Великой, а потом везли на телегах и лошадях. Под Полоцком поставлены были туры, и осажденные несли большой урон от артиллерийского обстрела. Но гарнизон, возглавленный видным литовским магнатом А. Гаштольдом, оказывал упорное сопротивление. Московские войска голодали под Полоцком: дорог был фураж, а «колпак сухарей» стоил алтын и более. В одну из ночей Гаштольд сделал вылазку в Задвинье и перебил там фуражиров, отправившихся на «добыток». Затем к городу подошел «воевода Волынец» — очевидно, Ян Боратынский. Он переправился вброд через Двину, в то время как Гаштольд ударил в тыл московским войскам. Полки Шуйского не выдержали и отступили. 11 сентября московские воеводы пришли к Вязьме, едва ли сохранив бывший с ними под Полоцком наряд.[40]

Война уже, по сути дела, догорала, оба противника были измотаны до крайности. «На излете» военных действий в полоцкие места пришла еще одна легкая московская рать: этот поход А. Сапунов относит к 1519 г., а А. А. Зимин — к началу 1520 г. Воеводы В. Д. Годунов, кн. П. И. Елецкий и кн. И. М. Засекин с отрядом татар «ходили... к Витебску и Полотцку, да пришед, у Витебска посад пожгли и острог взяли и людей многих побили, а иных поимали,..»[41]

В 1522 г. было заключено долгожданное перемирие. Впрочем, мир на московско-литовском рубеже не был настоящим, его постоянно нарушали мелкие стычки, набеги, локальные приграничные усобицы. К полоцкой истории это имеет прямое отношение, поскольку полоцко-витебское порубежье было одним из самых «горячих районов». В 1522—1532 гг. литовские послы неоднократно жаловались Василию III на то, что некие его «казаки... воюют городы королевы...» — в том числе и Полоцк. На что они неизменно получали от имени великого князя ответ: мы указали «не вступаться», «мы... велели управу учинити».[42] На протяжении первой трети XVI в. весь северобелорусский регион был лишен какой бы то ни было политической стабильности и жил на положении военного времени. В ожидании очередной войны по приказу московского командования составлен был чертеж «Лукам Великим и псковским пригородком с литовским городом Полотцком».[43]

Но отнюдь не всегда инициатором нового конфлик-

та выступало Московское государство. После смерти в 1533 г. Василия III, король Сигизмунд, не без основания рассчитывая на замешательство в московских верхах, на борьбу за власть при малолетнем наследнике Иване Васильевиче, будущем грозном царе Иване IV, решил силою «вернуть потерянное». Война 1534-1537 гг. в польской исторической литературе оценивается как акция, результаты которой оказались ничтожны, несоразмерно огромным приложенным усилиям. Московское государство понесло незначительный территориальный урон, но приобрело на литовской границе мощный форпост — Себеж.[44] А за последнюю попытку Ягеллонов восстановить положение времен Казимира IV расплатились прежде всего белорусские земли. В 1534-1535 гг. московские воеводы несколько раз проходили их во всех направлениях, фактически безнаказанно. В ноябре 1534 г. начался первый поход: из Можайска с полками пошли кн. М. В. Горбатый-Кислый и кн. Ив. Ф. Овчина, а из Новгорода выступил кн. Б. Ив. Горбатый. Однако осенью 1534 г. литовский рубеж переступили лишь небольшие силы наместников Пскова и Великих Лук Дм. Воронцова и Ив. Палецкого. Они воевали под Полоцком и Витебском, «...плениша землю литовскую на 300 верст, приидоша вси Богом сохранены». Основные армии вышли из Опочки и Смоленска в начале февраля 1535 г. и двинулись друг к другу навстречу. Армия М. В. Горбатого шла по маршруту Дубровна-Орша-Бобыничи-Боровичи, т. е. в том числе и по южным волостям Полотчины. В Мстиславле московским воеводам удалось взять «острог». Рать Б. Ив. Горбатого, вероятно, разделившись, воевала на огромной территории от Браслава до Витебска и от Полоцка до Сенно. Оба войска соединились либо в Молодечно, либо где-то под Молодечно, в «королевском селе Голубичах». Московские отряды грозили Вильно с расстояния всего в 15 верст, король же Сигизмунд «бе тогда в Вильне и не успе ничтоже». На обратном пути воеводы шли через Браслав и Друю, в общем направлении на Себеж и Опочку, т. е. задевая северные волости Полотчины. Отряд Ивана Шуйского напал на Витебск, отделившись от основных сил. Все московские рати беспрепятственно вышли в пределы Московского государства в конце февраля — начале марта 1535 г. Причем разорение, которое творили воеводы, было выборочным, «политичным»: «многих поимали в плен, а иных многих по своей вере православной милость показали и отпущали; а церкви Божия велели честно держати всему своему воинству, а не вредити ничем, не вынести чего из церкви». В начале 1535 г. на линии Витебск—Полоцк поставлен был небольшой корпус для наблюдения за московскими войсками и защиты этого рубежа. В него вошли силы полоцкого и витебского воеводств, кн. Ю. С. Слуцкого и жемойтские хоругви. Корпус возглавил кн. Ю. С. Слуцкий, при нем же были воеводы Полоцка и Витебска Ян Глебович и Матвей Янович. Но в июне 1535 г. В. В. Шуйский ударил из Можайска на Могилев и произвел большие разорения. В феврале 1536 г. киевский воевода А. Немирович и полоцкий воевода Ян Глебович ходили под Себеж, однако оборонявший крепость Иван Засекин сумел отбиться.[45] Не требуется богатого воображения, чтобы представить себе, в каком состоянии находились к концу войны северо-белорусские земли, особенно если учесть наличие в московских войсках приданных отрядов служилых татар и наряда. Территории Московского государства в районах боевых действий подверглись не меньшим разорениям.

1537 год на четверть века закрыл эпоху непрестанных войн Москвы и Литвы. За три с половиной десятилетия с начала века Полоцк превратился из мирного города-торговца в опорный пункт номер один северо-восточных рубежей Великого княжества Литовского и одну из главных мишеней походов московских войск. Полотчине был нанесен страшный ущерб. И передышка, которая выпала на долю этой многострадальной земли в конце 1530-х — начале 1560-х годов, дала возможность восстановить силы перед новыми, еще более жестокими потрясениями Ливонской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. АХ, чч. 1—2, № 105, 107, 114, 128, 129, 131, 132, 139, 140, 151, 153, 166, 170 за 1459—1478 гг.

2. Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego dziela wszystkie. — Krakow, 1870, т. IV, с. 115.

3. Dlugosz J. указ. соч., т. V, с. 75.

4. Dlugosz J. , указ. соч., т. V, с. 505; Kronika Marcina Bielskiego. — Warszawa, 1764.// ZDP, т. I, с. 403; Kronika Marcina Kromera. — Warszawa, 1767.// ZDP, т. III, с. 698; ПЛ, вып. 2, с. 169 — Причем псковская летопись сообщает, что до этого Казимир не показывался в Полоцке 21 год, а Длугош, и вслед за ним Кромер и Бельский указывают на срок в 16 лет. Т.е. вполне вероятно, что король побывал в Полоцке также в 1449 г. и 1454 г.

5. Stryjkowski M. Kronika polska, litewska, zmodzka... — Warszawa, 1846, т. II, с. 298; РИО, т. 35, с. 184; ПСРЛ, т. 17, Хроника Быховца, стлб. 554; о пребывании Александра в Полоцке через несколько лет после того, как он «кня[же]нь[е] сел» сообщает также одна из русскоязычных граффити полоцкого Спасского собора Спасо Ефросиньева монастыря.

6. Stryjkowski M., указ. соч., т. II, с. 250, 399.

7. Stryjkowski M., указ. соч. т. II, с. 321; ПСРЛ, т. 17. Хроника Быховца, стлб. 567.

8. ПСРЛ, т. 35, Краткая Волынская летопись, с. 123; Карпов Г. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским (1462—1508) // ЧОИДР, 1856, кн. IV, с. 11—12, 25, 76—77; РИО, т. 35, с. 68.

9. Государственный архив России XVI столетия (подг. изд. А. А. Зимина). — М., 1978 (далее — Государственный архив), ч. I, ящик 3, комм.: с. 106; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — СПБ., т. II, № 43; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. — М.: Мысль, 1972, с. 93.

10. Государственный архив.., ч. I, ящики 4—5, комм.: с. 109—110; РИО, т. 35, с. 636—642, 710—731; Хорошкевич А. Л. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // Герберштейн С. Записки о Московии. — М.: МГУ, 1988, с. 24.

11. Государственный архив..., ч. I, ящик 168, комм.: ч. 2, с. 377-378; Опись архива Посольского приказа 1626 года. — М., 1977, ч. I, ЛЛ. 100-100 об.; Stryjkowski M., указ. соч., т. II, с. 407.

12. АХ, № 162, 181, 292, 303, 311 (1476—1510 гг.); ВС, т. V, № 24, 27 (1521, 1523 гг.); ПСРЛ, т. 35, Краткая Волынская летопись, с. 125; АСД, т. I, № 2.

13. Копысский З. Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII вв. — Мн.: Наука и техника, 1975, с. 80—82.

14. АХ, ч. 4, с. 138—140.

15. Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР, 1991, № 4, с 60.

16. Штыхов Г. В. Общие и отличительные черты политического строя древнего Новгорода и Полоцка // Становление раннефеодальных славянских государств. — Киев, 1972; с. 197.

17. Копысский З. Ю., указ. соч., с. 74.

18. Копысский З. Ю., указ. соч., с. 77.

19. АСД, т. II, 1867. Записки игумена Ореста, с. 111.

20. АХ, ч. 3, № 255.

21. Михаил Литвин // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Киев, вып. 2, 1890, с. 23—26.

22. Marceli Kosman. Historia Bialorusi. — Wroclaw и др. (Ossolineum), 1979, с. 100; Natanson-Leski J. Rozwoi

terytorialny Polski. — Warszawa, 1964, c. 102, 115-117.
23. Kromer M., указ. соч., c. 768; Bielski M., указ. соч., c. 439; Stryjkowski M., указ. соч., т.II, c. 309; Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. — М., 1982, c. 64; Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI вв. — М., 1980, c. 85.
24. Stryjkowski M., указ. соч., т.II, c. 327; ПСРЛ, т. 17, Хроника Быховца, стлб. 567 и прим.; т. 32, Хроника литовская и жемойтская, c. 101.
25. Зимин А. А. Россия на рубеже..., c. 96; Пашуто В. Т. Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. — М.: Наука, 1982, c. 142; Любавский М. К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. — М., 1915, c. 203.
26. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. — М.-Л., 1936, c. 109.
27. ПСРЛ, т. 8, Воскресенская летопись, c. 238; Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства в т. п. XV века. — М.: МГУ, 1952, c. 433—442.
28. АХ, ч. 3, № 248—249, ч. 4, c. 36, 163—165.
29. Wasilewski L. Litwa i Bialorus. Przeszlosc— terazniejszosc — tendensje razwojowe. — Krakow, 1913, c. 36.
30. ПСРЛ, т. 32, Ермолинская летопись, прил. 2, c. 196—197; РК 1475—1605 гг. — М., 1977, т. I, ч. I, c. 57—60.
31. ПСРЛ, т. 17, Хроника Быховца, стлб. 561; т. 28, Свод 1518 г., c. 335-336; т. 20, ч. I, Львовская летопись, c. 373; т. 8, Воскресенская летопись, c. 241; Иоасафовская летопись. — М.: АН СССР, 1957, c. 144 (далее: Иос.); АХ, ч. 3, № 193, 268, ч. 4, c. 7, 182; Зимин А.А. Россия на рубеже..., c. 188; Kromer M., указ. соч., c. 568; Stryjkowski M., указ. соч., т. II, c. 310; Papee F. Aleksander Jagiellonczyk. — Krakow, 1949, c. 41.
32. РИО, т. 41, c. 439, 461, 491—492, 532; Зимин А. А. Россия на рубеже.., c. 192; Базилевич К. В., указ. соч., 495; Карпов Г., указ. соч., c. 98 — ошибочно сказано, что под Смоленск и Витебск ходил сам Дм. Жилка.
33. Natanson-Leski J., указ. соч., c. 122; Базилевич К.В., указ. соч., c. 521.
34. Кром М. М. Православные князья в Великом княжестве Литовском в начале XVI века. (К вопросу о социальной базе восстания Глинских) // Отечественная история, 1992, № 4, c. 145—146, 152.
35. РК 1475-1598 гг. — М.: АН СССР, 1966, c. 39-40; Зимин А.А. Россия на пороге..., c. 84-88; Карпов Г., указ. соч., c. 129-139; Kolankowski L. Polska Jagiellonow. Dzieje polityczne. — Lwow, 1936, c. 187.
36. РК 1475—1598 гг. — М.: Ан СССР, 1966, c. 52; ПЛ, вып. I, c. 97; вып. 2, c. 259.
37. РК 1475—1598 гг. — М.: АН СССР, 1966, c. 52; Иос., c. 194; ПЛ, вып. 2, c. 259; Рябинин И. С. Новое известие о Литве и московитах. — М., 1906, c. 8—9; Зимин А. А. Россия на пороге..., c. 155, 156.
38. РК 1475—1598 гг. — М.: АН СССР, 1966, c. 55; ПСРЛ, т. 37, Устюжс. летоп., c. 52.
39. ПСРЛ, т. 34, Постниковский летописец, c. 12; т. 28, Свод 1518 г., c. 353; т. 26, Вологодс.-Пермс. летоп., c. 306; т. 20, ч. I, Львовс., c. 392; т. 8, Воскресенская летоп., c. 263; ПЛ, вып. I, c. 99; РИО, т. 53, c. 64; Зимин А.А. Россия на пороге..., c. 183-184; Bielski M., указ. соч., c. 485; Stryjkowski M., указ. соч., т. II, c. 391.
40. ПСРЛ, т. 30, Владимирская летопись, c. 143; Герберштейн С., указ. соч., c. 72; РК 1475 — 1598 гг. — М., АН СССР, 1966, c. 64; ПЛ, вып. I, c. 100; вып. 2, c. 226; РИО, т. 95, c. 535; Зимин А.А. Россия на пороге..., c. 189; указ. соч., c. 487; Kolankowski L., указ. соч., c. 213.
41. РИО, т. 53, c. 195-197, 203, 212; ВС, т. IV, c. 24; Зимин А.А. Россия на пороге..., c. 201-207; Kolankowski L., указ. соч., c. 214.
42. РИО, т. 35, c. 622, 676, 679, 867, 868.
43. Государственный архив... ч. I, ящик 57, ч. 2, c. 224.
44. Kolankowski L. Zygmunt August. — Lwow, 1913, c. 147; Wasilewski L., указ. соч., c. 38; Natanson – Leski J., указ. соч., c. 130.
45. ПСРЛ, т. 29, Летописец начала царства, c. 15; Алекс.-Невс. летоп., c. 129; т. 6. II-я Софийская летопись, c. 293; т. 34, Постниковский летописец, c. 168; т. 8, Воскресенская летопись, c. 287-288; т. 35, Евреиновская летопись, c. 236-237; т. 26, Вологодск.-Пермс. летоп., c. 316; т. 20, ч. 2, Львовс. летоп., c. 426-427; РК 1475-1598 гг. — М.: АН СССР, 1966, c. 85-87; ПЛ, вып. I, c. 106; Тихомиров М.Н. Малоизвестные памятники XVI в. // Исторические записки АН СССР, 10, 1941, c. 90 (Костровский летописец); Kolankowski L. Zygmunt..., c. 139, 147-148.

Взятие Полоцка войсками Ивана IV в 1563 г.

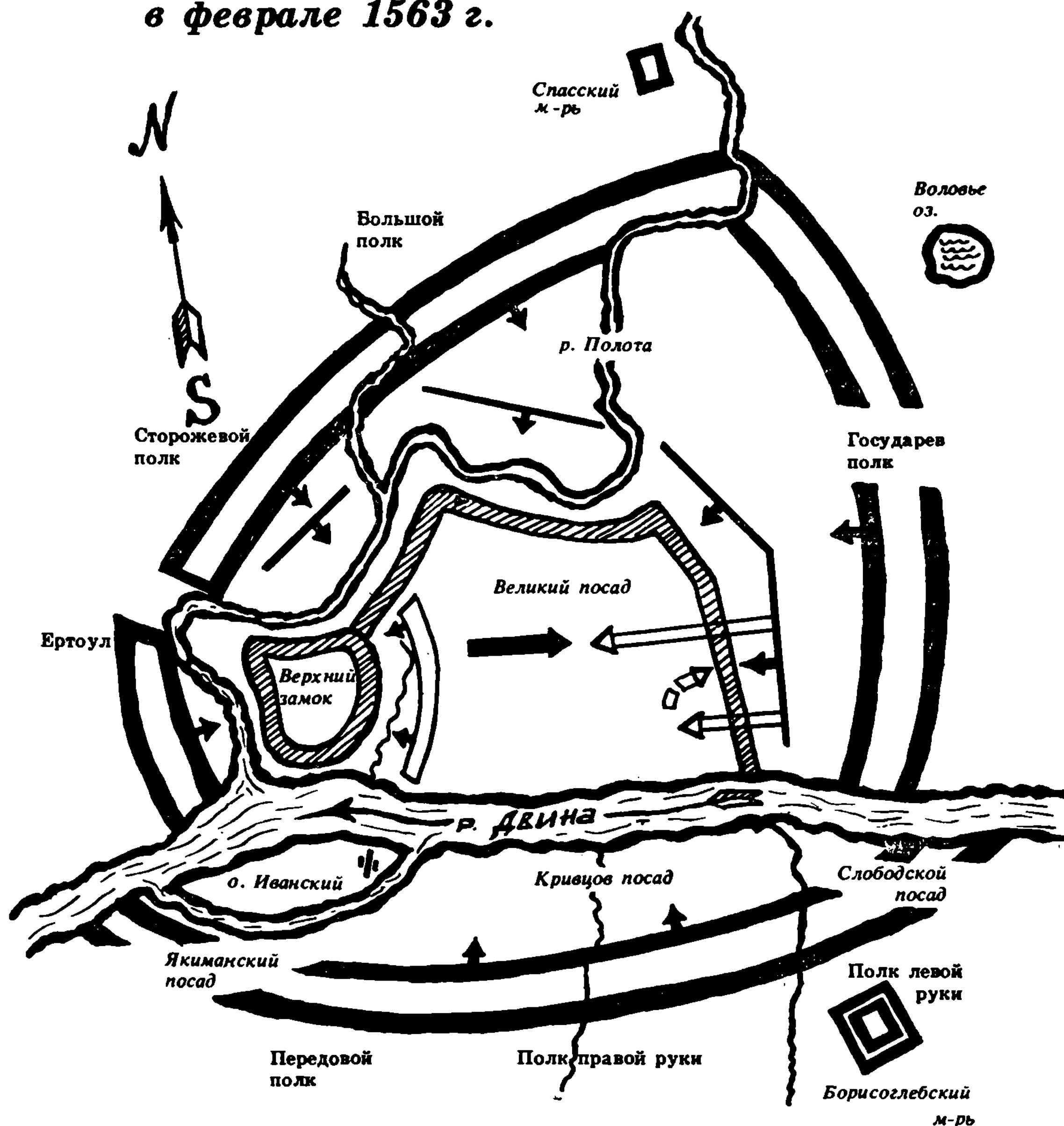
С середины 1530-х годов более четверти века мир царил на полоцкой земле. Московское государство и Великое княжество Литовское, в достаточной мере испытав силы друг друга в предшествующие пятьдесят лет, долгое время избегали серьезных конфликтов. Внешнеполитические приоритеты Москвы переместились на восток: основные силы брошены были на борьбу с Казанью, Астраханью и Крымом. С 1558 г. московский государь был занят войной в Ливонии. Но именно столкновение интересов Московского и Польско-Литовского государств на ливонском театре военных действий подготовило почву для новой кровопролитной войны между ними. В результате Северная Белоруссия в 1560-х гг. становится районом интенсивного ведения боевых действий, жестоких битв с участием армий, насчитывавших десятки и сотни тысяч человек.

1560-м годом завершился первый период Ливонской войны, период блистательных успехов московских войск. С этого времени начала осложняться международная обстановка на Балтике. Острова в Рижском заливе были куплены у епископа Эзельского датчанами. В 1561 г. Ревель присягнул на верность шведскому королю Эрику XIV. В том же году ливонские земли, еще не занятые войсками Ивана IV, окончательно отошли в пользу Польско-Литовского государства. Таким образом, Ливония была буквально разорвана четырьмя враждующими державами.

Военные кампании 1561 и 1562 гг. не принесли решающего успеха ни Польше, ни Московскому государству. Победы русских войск под Перновом и Тарвастом сменились поражением у Невеля.

Попытка сватовства Ивана IV к Екатерине Ягеллонке, сестре польского короля Сигизмунда Августа, окончилась неудачей, и это лишь подлило масла в огонь войны. Польский историк К. Пиварский справедливо отмечал, что переговоры о браке русского царя и Екатерины Ягеллонки «углубили взаимные противоречия».[1] Известный историк-писатель К. Ва-

Схема осады Полоцка в феврале 1563 г.

Расположение московских войск 3—5 февраля.

Расположение московских войск 5—9 февраля.

Попытка частного штурма 5 февраля.

Бой за Великий посад 9 февраля.

Расположение московских войск 10—15 февраля.

лишевский называл Екатерину «новой Еленой, из-за которой собирались воевать народы».[2] В 1562 г. она вышла замуж за Иоанна, герцога Финляндского, брата Эрика XIV и будущего короля Швеции. Эта неудача должна была быть вдвойне досадной для Ивана IV, поскольку «невесту» перехватил отпрыск «мужичьего», по его мнению, рода шведских королей.

С военной и дипломатической точки зрения претензии Московского государства на Ливонию были поставлены под сомнение. И разрубить узел противоречий можно было только решающим военным успехом. Русско-польские переговоры в начале 1562 г. к заключению перемирия не привели. Более того, Сигизмунд Август искал союзника в Крымском хане Девлет-Гирее, ожидая, что осенью-зимой 1562 г. тот либо сам вторгнется в московские земли, либо отправит «царевича с войском» и тем самым оттянет русские силы на себя[3] (чего не произошло).

Остаться один на один с Москвой Польско-Литовское государство еще не было готово. Король Сигизмунд Август ввязался в рискованную войну, имея достаточно внутренних проблем.

Пожалуй, серьезнейшую из них составляли конфессиональные распри. Н. Малиновский следующим образом охарактеризовал религиозную атмосферу тех лет в Польско-Литовском государстве: «Никогда ни до того, ни после того не было столь сильной розни по вопросам веры в Польше, чем в правление короля Августа...»[4] В то время в Короне соседствовало множество вероисповедаиий: римско-католическое, православное, протестантское, григорианское, нудаизм, ислам и даже язычество — причем каждое из них разделялось на несколько течений, ересей, сект. На краткий период времени духовенству удалось выпросить у короля привилей, разрешавший казнить еретиков смертью. На сеймах шла жестокая распря о предметах церковной юрисдикции. Шляхта не желала говорить ни о каком отпоре неприятелю, прежде чем у духовенства не будет отобрано право суда над нею по делам об odszezepieństw'e (раскол веры). Папы Пий IV и Григорий XIII активно вмешивались в польский религиозно-политический конфликт, отправив к королевскому двору опытнейшего дипломата Коммендони. Тем не менее, в середине XVI в. реформационные движения получили в Польше широкое распространение[5] и оттуда стремительно шагнули на литовские и белорусские земли. Протестантизм разного толка имел тогда в Великом княжестве Литовском сильного покровителя в особе королевича Сигизмунда Августа,[6] ставшего впоследствии королем. В самом Полоцке в конце 1550-х — начале 1560-х гг. возник кальвинистский сбор, разогнанный после прихода московских войск.[7]

Дополнительные сложности представляло дело окончательного объединения Польши и Литвы, уния на новых условиях. Белорусско-литовская шляхта рассчитывала при помощи унии сравняться с польской. Напротив, магнаты Литвы сопротивлялись унии, не желая терять своего доминирующего положения в стране. Польская шляхта стремилась приобрести новые поместья в литовско-белорусских землях и получить прочный буфер для отражения московской опасности. Еще более усложнялся вопрос об объединении узаконенным неравноправием православной и католической шляхты. Напротив, дополнительным стимулом вступить в унию с Польшей была военная опасность со стороны Московского государства и татар. Польские историки стоят на такой точке зрения, что в середние XVI столетия Литве грозила катастрофа, и «...спасти ее могла только быстрая помощь Польши».[8] М. К. Любавский убедительно доказал, что именно Ливонская война повлияла на настроение умов в Великом княжестве Литовском в пользу унии.[9] В 1562 г. литовско-белорусская шляхта организовала конфедерацию, добивавшуюся унии с Польшей.

В такой ситуации Великое княжество Литовское было совершенно не в состоянии подготовиться к серьезным боевым действиям. «Никто не поспешил» на сбор войск у гетмана Николая Радзивилла «ко дню св. Николая» в 1562 г.[10] Сами польские историки признают тот факт, что приготовления к обороне шли в Литве очень медленно, и поход Ивана IV зимой 1562—63 гг. был, как ни странно, нежданным.[11]

Таким образом, время для полоцкого похода было избрано весьма удачно. В XV—XVII вв. московско-литовский рубеж находился в состоянии непрекращающейся полувойны, и удивительным было, скорее, не начало настоящей войны, а затянувшееся мирное время. Два чрезвычайно мощных государства в бесконечном территориальном споре руководствовались не столько абстрактными интересами, сколько конкретными возможностями нанесения эффективного удара по противнику. Вопросы религии, национальности, исторической справедливости — потом. Прежде всего, с той стороны была многочисленная, небогатая и потому алчная шляхта, а с той — такой же небогатый и алчный, и менее воинственный «средний служилый класс», по терминологии Хелли.[12] Поэтому в начале всех начал: удачно напасть, разорить, обогатиться, по возможности закрепить за собой занятую территорию. С этой точки зрения понятен выбор Полоцка в качестве объекта для нанесения удара: Полоцк был богат, многолюден, имел большой торгово-ремесленный посад.[13] В XVI в. это был крупнейший город на территории современной Белоруссии[14], т. е. Иван IV и его армия могли рассчитывать на огромную добычу, как, в сущности, и произошло. Помимо этого, взятие Полоцка давало целый ряд дополнительных выгод, прекрасно охарактеризованных Одерборном: «[Иван] Васильевич в высшей степени жаждал захватить этот город по причине важного его положения, славы и величия, богатств, возможности безо всяких затрат содержать в нём войско, и, наконец, благоприятного случая совершать нападения глубже в литовские земли и осуществлять из Полоцка управление на большой территории...»[15] Действительно, как заметила А. Л. Хорошкевич, вся Ливонская война велась «под лозунгом овладения наследием, якобы оставленным Августом-кесарем своему далекому потомку Рюриковичу».[16] Иван IV считал Ливонию и, тем более, западнорусские земли своим владением по праву. И слава Полоцка, центра древнего княжения, как нельзя более привлекала царя. С другой стороны, Полоцк нависал над южным флангом русской группировки в Ливонии, и впоследствии Стефан Баторий в первом своем походе против Московского государства опять-таки направил усилия на отвоевание Полоцка с целью создать угрозу отсечения Ливонии от внутренних районов России.[17] Потеря же Полоцка Великим княжеством Литовским создавала непосредственную опасность для Вильно: в руках Ивана IV оказывался ключ от литовской столицы.

Кроме всего прочего, царь и митрополит не без основания тревожились за судьбу православия в западнорусских землях и были недовольны приближением протестантского влияния к самым границам страны. В середине XVI в. на территории Великого княжества Литовского распространяются, среди прочих, и радикальные версии протестантизма: кальвинистская и антитринитарная. В 1560-х гг. на восточнославянских землях реформационное движение достигает значительного размаха, причем одно из ведущих мест в нем заняли антифеодальные идеи. Очевидную связь между еретическими движениями в Московском государстве и реформационными течениями в Великом княжестве Литовском можно усматривать в феодосианстве.[18] По мнению Г. Я. Голенченко, феодосианство сыграло немаловажную роль в развитии реформационных идей в Литве.[19] И как раз в Полоцке подвизался один из главнейших феодосиан, покинувших московские пределы, монах Фома. Он женился на еврейке и стал проповедником кальвинистского сбора.[20] Полоцкий поход был официально мотивирован желанием Ивана IV наказать Сигизмунда Августа «за его многие неправды и неисправления», но «наипаче же горя сердцем о свя-

тых иконах и о святых храмех священых, иже безбожная Литва поклонение святых икон отвергше, святые иконы пощепали и многая ругания святым иконам учинили, и церкви разорили и пожгли, и крестьянскую веру и закон оставльше и поправше, и Люторство восприашя».[21]

Г. Федотов замечательно точно подметил: «Царь любит облекать свои политические акты — например, взятие Полоцка, — в форму священной войны против врагов веры и церкви, во имя торжества православия».[22] Действительно, в преддверии похода народу и армии было объявлено о чудесном видении брату царя. кн. Юрию Васильевичу и митрополиту Макарию о неизбежном падении Полоцка.[23] О некоторых других идеологических акциях сообщает Лебедевская летопись: 30 ноября, в день выхода войск из Москвы, Иван IV совершил торжественный молебен; по его просьбе митрополит Макарий и архиепископ Ростовский Никандр повели крестовый ход с чудотворной иконой Донской Богородицы, в котором приняли участие сам царь, его брат кн. Юрий Васильевич «и все воинство»; в поход Иван IV взял считавшиеся чудотворными образы Донской Богородицы и Крылатской Богородицы, а также святыню номер один всей западной Руси — драгоценный крест, вклад св. Ефросиньи Полоцкой в Спасский монастырь (в настоящее время известен как «крест Лазаря Богши»), оказавшийся в казне великих князей Московских. В итоге можно сделать вывод, что отправлению войск в поход на Полоцк предшествовала целая идеологическая кампания, нацеленная на поднятие боевого духа. Уже по прибытии под стены города войско было ознакомлено с ободряющим и призывающим крепко стоять против «безбожныя Литвы и прескверных Лютор» посланием архиепископа Новгородского Пимена.[24] Организатором кампании был митрополит Макарий, оказавший царю необходимую поддержку. Фактор конфессиональной борьбы, таким образом, прямо влиял на выбор цели кампании.

Судя по тому, что первый разряд для похода был составлен в сентябре 1562 г., подготовка войск началась именно тогда. По своему масштабу это военное мероприятие было грандиозным, едва ли уступавшим походу на Казань 1552 г., и требовало тщательной организации сбора сил.

13 сентября 1563 г. Иван IV вернулся в Москву из Можайска, и уже до 22 сентября был составлен I-й разряд планируемого похода, поскольку в этот день были разосланы приказы по городам и московским воинским людям «чтоб... запас пасли всю зиму и до весны и лошадей кормили, а были б по тем местом, где которым велено быти, на Николин день осенний».[25] 23 сентября на Вятку, Балахну, Кострому, Чухлому, а также в Галич, Унжу, Парфеньев, Каликино, Шишкелево, Жехово, «в Судаи», «Верх Костроми» и к Соли Галицкой были посланы дети боярские «сбирати пеших людей». В ближайшие дни воеводам по городам на «годовой службе», назначенным для похода на Полоцк, было указано быть готовыми к «зимней службе», а духовенство получило повеление «нарядить» 230 «своих людей».[26]

Рать собиралась по полкам в 17 городах[27], не считая сил, которые вышли с самим царем из Москвы. Не позднее 20-х чисел ноября был составлен уточненный разряд похода, т. к. именно в эти дни (до 27 ноября) в Москве находился литовский «гончик (посланец. — Д. В.) Сенка Олексеев», тщетно пытавшийся добиться перемирия. Для будущих литовских послов царь велел выдать «опасную грамоту», но сами переговоры с С. Олексеевым велись, очевидно, лишь для отвода глаз, и отпущен он был с Лобаном Львовым по дороге через Тверь—Псков—Юрьев Ливонский, т. е., значительно севернее маршрута движения московских войск. Литовского посланника велено было придержать во Пскове до того момента, «когда государь с Лук пойдет, чтобы на государеву рать вести не дал».[28] Иными словами, маршрут был к 27 ноября окончательно определен.[29]

30 ноября царь Иван IV выступил с войском из Москвы. 4 декабря он был уже в Можайске. Здесь войска остановились на две недели. В Можайске была составлена предварительная заготовка к окончательному разряду похода, и оттуда же к отрядам, собиравшимся по городам, были разосланы списки. Общий сбор был назначен на 5 января в Великих Луках. Там же, вероятно, должен был состояться и первый смотр собравшейся армии.[30]

К назначенному сроку к Великим Лукам успели подойти все отряды. В один день! Это образец гибкости и слаженности военной машины Московского государства, удивительный даже и для последующих столетий. Из истории западноевропейского военного искусства в один ряд с подготовкой и сбором войск Ивана IV в зимнюю кампанию 1562—63 гг. можно поставить, пожалуй, один лишь знаменитый марш армии Оливера Кромвеля к Вустеру. Как тут не вспомнить похвалу А. Гваньини русскому дворянству, собиравшемуся в поход с удивительной быстротой, по первому приказу царя.[31] К подобным спешным, но четко организованным действиям русские «воинские люди» были приучены столетиями противостояния молниеносным набегам ордынцев. Гибкость военного управления в период Московского государства справедливо отмечал Дж. Кип, противопоставляя ее регулярному, но всебюрократизированному и громоздкому военно-административному аппарату Российской империи.[32]

В Великих Луках войска стояли до 9 января. Здесь был составлен разряд «путного шествия», согласно которому, дабы не было «воинским людем истомы и затору», полки выходили из города с интервалом в один день. Именно в Великих Луках был определен состав полков; до этой пятидневной стоянки армии, как таковой, еще не существовало. Дело сбора столь крупных воинских сил не являлось для московского командования чем-то совершенно новым: позади было взятие Казани. Однако, единственный случай на историю целого поколения — еще не практика (походы на Ливонию не в счет — они не отличались таким размахом), и отсутствие подобного опыта составляло существенное отличие московской военной системы от привычных к стратегическим операциям вооруженных сил восточных монархий. С этой точки зрения московская армия сближалась с армиями европейских государств XVI в. Четкое управление 50—80 тыс. боевых сил и целым морем «посохи» требовало тонкой, сложной организации. Тактика действий московских войск в небольших кампаниях была элементарно проста: армия делилась на три неравновеликих полка плюс «наряд», если он был. Вся карельская война с Густавом Вазой, например, велась силой не более трёх полков. Кампания покрупнее требовала пяти полков: с пятью полками Юрий Захарьич встретил литовцев на Ведроше в 1500 г. Шестью полками брали Смоленск в 1514 г. Семь полков (государев, большой, правой и левой руки, передовой, сторожевой и ертоул) бились за Казань в 1552 г. Наличие семи полков и присутствие самого царя в армии говорит о неординарности похода. Так вот, в Великих Луках московская армия была разделена на семь полков, выходивших из города в следующем порядке: ертоул — передовой полк — полк правой руки — большой полк — государев полк — наряд — полк левой руки — сторожевой полк.[33] Воинский смотр был назначен на момент прибытия к Невелю, но есть все основания предполагать, что уже в Великих Луках состоялся предварительный смотр, так как едва ли составление полков можно было произвести по спискам, без смотра. Лебедевская летопись сообщает, что в Великих Луках Иван IV «...росписал... бояр и воевод и детей боярских по полком. И головы с людьми, и сторожи, и дозорщики, и все чины полковые служебные устроил...»[34] Это свидетельствует в пользу того, что первый смотр произошел все же в месте сбора войск. Были собраны высланные ранее списки и по ним подсчитан личный состав отрядов. И, следовательно, тогда под списками известной «подробной росписи» разряда Сапунова были подведены реальные итоги.

Артиллерия была поделена на три отряда: «середний и лехкой» наряд шли на Полоцк за государевым полком и с первого же дня осады вступили в дело; а «большой» наряд был отправлен позади всех полков и прибыл к Полоцку по прошествии недели боев.[35] Кроме того, возможно, был еще и четвертый артиллерийский отряд — отдельный наряд государева полка, поскольку в летописи упоминается приказ Ивана IV в первый день осады выставить к Двине «от своего полку... наряд».[36] Иными словами, в 1563 г. артиллерия была уже подразделена на осадную разных типов, в том числе и «решающего удара» («большой наряд»), а также, вероятно, армейскую, т. е. приданную полкам. Во всяком случае, государеву полку. Среди двухсот орудий московской армии были осадные и полевые пушки, полупушки, четверть-пушки, фальконеты, огнеметы, камнеметы и некие «стенобитные орудия».[37]

Наибольшую сложность представляла организация движения посошан. И московским воеводам не удалось найти для этой задачи приемлемого решения. В походе посошанам предназначалась роль вспомогательного войска: на их долю выпало заниматься инженерными работами, таскать на себе пушки, порох и прочие припасы, выполнять обязанности по лагерю и по обозу. Они же должны были принести к месту осады несколько тысяч мешков с землей и песком для заполнения туров. (Очевидно, эта мера была предпринята с тем, чтобы не возиться с мерзлой землей). Иван IV берег лошадей и не велел использовать их на этих работах.[38] Помимо всего этого, согласно разряду Сапунова, на пути от Великих Лук к Полоцку необходимо было приготовить «мосты дубовые... с которыми мосты итти... к приступу» и щиты, «с которыми итти перед туры».[39] Без сомнения, рабочая сила, нужная для этих работ, доставлялась посохой. И посошная же рать «чистила дорогу», т. к. участок похода от Невеля до Полоцка был местами «пустыми, тесными и непроходимыми», а также строила мосты для пушек по царскому наказу.[40] В такой ситуации хоть сколько-нибудь организовать громадное, слабоуправляемое и тяжко нагруженное скопище посошан было чрезвычайно трудно. Если не вся посоха, то существенная ее часть объединена была в полковые коши — отряды, переносившие лагерные и прочие принадлежности и припасы, числившиеся за отдельными полками. Царь «приговорил» каждому кошу следовать за своим полком.[41] Но отнюдь не все громоздкое кошевое хозяйство поспевало за воинскими людьми. 14 января 1563 г. царь со своим полком и кошем выступил из Великих Лук. В этот день и начались «накладки»: многие посошане-кошевщики трех шедших впереди полков не успели выйти раньше и образовали «в острожных воротах затор велик». Далее вся эта орда так и шествовала между большим и государевым полками, а также вместе с государевым полком, страшно затрудняя движение. Московское командование каждый день высылало «голов для заторов». Дело было осложнено царской «заповедью»: в целях сохранения внезапности за литовским рубежом никого не отпускать «ни на какую добычу», ни на фуражировку, и запасы везти с собой. Таким образом, отряды фуражиров нисколько не разряжали мощного потока воинских людей и кошевщиков. Царь метался, пытаясь навести порядок, но тщетно. В результате «путное... шествие [было] нужно и тихо...». Не было никакой возможности провести смотр у Невеля, и 19 января он был перенесен на время прибытия под Полоцк.[42]

Судя по достаточно полным, хотя и не везде заслуживающим доверия данным летучего листка, составленного по письмам из Вильно, поход Ивана IV где-то на участке Великие Луки — Полоцк перестал быть секретом для полочан. Либо вести о нем принесли жители местности, по которой двигались царские полки, либо, что более вероятно, — с некоторого момента за армией велось наблюдение лазутчиками и дозорщиками. Помимо того, по дороге к Полоцку из русского войска бежал и перекинулся на сторону неприятеля окольничий Богдан Микитич Хлызнев-Колычев, сообщивший о движении московской силы, таким образом, предвосхитив ненадолго измену Андрея Курбского. (Сам А. Курбский, кстати говоря, писал в своей «Истории о великом князе Московском» о том, что во время полоцкого похода в Невеле Иваном IV был собственноручно убит кн. Иван Шаховский[43], — возможно оба инцидента взаимосвязаны, — то ли первый бежал, устрашенный казнью второго, то ли второй был убит по подозрению в связи с измененным делом первого).

Но до короля вести дошли слишком поздно: его тогда не было в Литве, он присутствовал на сейме в Петркове и узнал о полоцких событиях уже после падения города;[44] литовский гетман Николай Радзивилл не успел собрать достаточного войска;[45] а что мог сделать один городской воевода Станислав Довойна? У него был небогатый выбор: или сдаться на милость Ивана IV, весьма, надо сказать, изменчивую в отношении завоеванных городов — Юрьева, например, — или драться, ожидая подхода Радзивилла. Довойна избрал второй вариант, успев лишь «затвориться... со всеми людьми всего Полоцкого повета».[46] Иными словами, в конце января в Полоцке скопилась громадная масса людей разного звания и достатка. И тогда Иван IV делает неожиданный ход: он посылает к Довойне с грамотами, в которых обращается с предложением сдаться не к одному только воеводе, который, собственно, лишь и мог это сделать, а еще и к православному епископу Арсению Шисце, *и к шляхте*, и к полякам, обещая их «пожаловать на всей воле их, какова жалованья похотят».[47] По всей видимости, царь рассчитывал посеять сомнения среди защитников города, предполагая, вероятно, что в городе имеются его доброжелатели. Это событие стоит запомнить и в свой срок к нему вернуться. Первоначальный результат, во всяком случае, был лишь тот, что «язык», отважившийся отвезти послания царя к своим, был казнен.

30 января, с последнего стана в пяти верстах от Полоцка, «царь ездил смотрити города...»[48]—далее все решала вооруженная сила. Ultimo ratio regis...

Подводя итоги повествованию о подготовке похода и марше войск к намеченной цели, нельзя не отметить: несмотря на трудности в организации «путного шествия», заторы и «мотчание», огромная армия была в краткий срок собрана и внезапно переброшена под самые городские стены Полоцка. Нет шахматной партии без ошибок или сомнительных ходов, но в итоге побеждает тот, кто делает меньшее их количество. На 30 января 1563 г. можно было констатировать: Иван IV и московские воеводы в дебюте сделали меньше оплошностей, нежели их противник, и добились существенно предпочтительной позиции.

Миттельшпиль полоцкой партии начался с расстановки полков вокруг города, занявшей весь день 31 января. Перемещения полков выдают колебания командования московской армии относительно выбора направления главного удара. Первоначально, видимо, предполагалось нанести его из Задвинья, штурмуя город по льду Двины. Поэтому за реку была послана большая часть сил: передовой полк должен был стоять на виленской дороге «против Якиманские слободы» (т. е. в районе нынешнего парка 50-летия Советской власти и несколько западнее); полк правой руки — «на Черсвятцкой дороге... против острова и Кривцовские слободы» (т. е. от указанного парка 50-летия Советской власти примерно до р. Бельчицы). Государев полк поначалу также был отправлен в Задвинье. Весь день он стоял «у Егорья Страстотерпца на поле», но к вечеру переправился через Двину и встал у Борисоглебского монастыря (восточнее полка правой руки). Таким образом, к вечеру 31 января на южном берегу Двины стояло 50%

всех войск. Ертоул встал в Заполотье, близ устья Полоты и, значит, против западной стены замка; полк левой руки расположился на Себежской дороге (т. е. северо-восточнее ертоула, пересекая современную Октябрьскую улицу); большой полк был поставлен «у Спаса на Шорошкове» — при Спасо-Ефросиньевом монастыре, очевидно, на правом берегу Полоты.

3 февраля в расположении войск была сделана важная перемена: «учалася река портитися», и поэтому сильнейший государев полк был переведен за реку и поставлен «у Егорья Великого», а на место государева полка был отправлен более слабый полк левой руки. Сторожевой полк, еще менее многочисленный, встал между большим полком и ертоулом — следовательно, сменил на этом месте ушедший в Задвинье полк левой руки. Мотивировка всех этих передвижений очевидна: атаковать Полоцк из Задвинья по хрупкому льду, или, тем более, во время ледохода — полное безумие, и в результате перегруппировки сил основная часть русских войск была сконцентрирована против городских стен Великого посада (большой полк с севера и государев полк с востока). Наряд с 31 января стоял «меж Георгия Святого и Волова озера».[49] Таким образом, направление основного удара переместилось.

Но где этот храм «Егорья Страстотерпца», или «Георгия Святого»? Лебедевская летопись и разряд Сапунова однозначно говорят о сосредоточении государева полка и наряда около этой церкви, но точное местонахождение ее неизвестно. Л. В. Алексеев в своей работе «Полоцкая земля IX — XIII вв.» высказывал предположение, что это был храм, посвященный отцу св. Ефросинии кн. Георгию (т. е. был построен в XII в.), стоял он «вблизи ограды монастыря, ближе к городу», вероятно, у костела св. Ксаверия, где в середине XIX в. виднелась кладка, сложенная из домонгольской плинфы. Дополнительным доказательством своего утверждения Л. В. Алексеев считал путаницу в известии Стрыйковского, утверждавшего, что ставка Ивана IV в 1563 г. была у св. Спаса — отсюда Алексеевым делается вывод о близком расположении двух построек, которое якобы и ввело хрониста в заблуждение.[50]

На 2-й конференции по истории и археологии Полоцкой земли в сентябре 1992 г. исследователь высказал уже несколько иное соображение: Егорий Страстотерпец — церковь, построенная Георгием в 1120 — 50 гг. и обнаруженная в ходе раскопок М. К. Каргером[51] к востоку от церкви св. Спаса. В этом же храме была и полулегендарная гробница полоцких епископов. Подобное суждение уже высказывалось ранее и было определено П. А. Раппопортом, как маловероятное.[52]

И в том, и в другом случае неясно, почему надобно искать Георгиевскую церковь в XII в., если о ней прямо свидетельствуют документы XVI в. Полоцкая ревизия 1552 г. охватила, в частности, земельные владения церквей и монастырей города и его окрестностей. В документах ревизии указаны две церкви св. Юрия, или, точнее, церковь и монастырь. Церковь св. Юрия «в Голубичах» не подходит по своему расположению.[53] Зато отлично подходит «манастыр Светого Юрья в поли за местом[54], продолжавший существовать и в 1580-х гг., о чем свидетельствует известная опись полоцких церквей, составленная при Стефане Батории в 1580 г.[55] Ни о древности, ни о каком-либо выдающемся значении монастыря данные земельных описаний не говорят. Отнюдь! Согласно документам ревизии 1552 г. за монастырем числилось 8 человек, живших на монастырской земле и плативших подати в монастырскую казну. Кроме того, в Великом посаде на земле монастыря жил 1 мещанин, монастырю также принадлежали «борти церковные».[56] Все это было пожаловано панами Зиновьевичами Корсаками — крупнейшими светскими землевладельцами Полоцка и его округи, представителями младшей ветви рода Корсаков, выделившейся в конце XV в.[57] Для сравнения: крупнейшие полоцкие монастыри и церкви — св. Софии, Борисоглебский монастырь, Спасо-Ефросиньевский монастырь, островной монастырь св. Иоанна Предтечи — располагали землями с десятками и сотнями плательщиков. В числе земель, составлявших их владения, имелись пожалования князей полоцких. У Борисоглебского монастыря пожалования тех же Корсаков перемежаются с землями, приобретенными на собственные, монастырские средства. Таким образом, Юрьевский монастырь едва ли мог похвастаться хотя бы вековой историей, скорее всего, был невелик по размеру, и не имел ни малейшего отношения к величественным постройкам домонгольского времени. Не мог он находиться и на правом берегу Полоты, поскольку о выходе московских войск, шествовавших с северо-востока по Невельской дороге, «к Егорью Стратотерпцу, Христову мученику» в Лебедевской летописи и разряде Сапунова сказано до описания переправы части армии на правый берег Полоты.[58] Материалы ревизии 1552 г. указывают на то, что монастырь находился «в поли за местом» — а не за рекой, т. е. — к востоку — северо-востоку от стен Великого посада, построенных почти перпендикулярно Двине.[59] Наконец, ответ подсказывает сама логика расположения русских полков, осадивших Полоцк: против восточной стены Великого посада был поставлен сторожевой полк, и если, как утверждает Л В. Алексеев, Георгиевская церковь стояла недалеко от св. Спаса, то при перегруппировке сил 3 февраля его место остается незанятым. Таким образом, на самом ответственном участке в русских порядках образовалась бы громадная брешь, совершенно свободное пространство. Едва ли это было возможно, и остается предположить, что монастырь св. Юрия, или Георгиевский, располагался на левом берегу Полоты, южнее Спасо-Ефросиньева монастыря, и, возможно, южнее Воловьего озера. Что же касается путаницы со ставкой Ивана Грозного, то на самом деле показания Лебедевской летописи и Хроники Стрыйковского[60] вполне могут быть согласованы друг с другом — в летописи действительно сказано: «...царь и великий князь пошел за Двину реку и стал у Георгия Великого», но это может указывать не только и не столько даже на перемещения Ивана IV лично, а скорее, на движение государева полка. Царская ставка, таким образом, вполне могла быть и в Спасо-Ефросиньевом монастыре.

Еще 31 января стрельцам с нарядом из состава государева полка велено было «закопатися у Двины реки в березех и на острову».[61] Ныне этого острова уже не существует, но на картах конца XVI столетия[62] остров показан как раз напротив замка, ближе к южному берегу Двины. В наше время на месте Иванского острова — лишь выступ берега с небольшим оврагом и болотцем у основания. Березы, кстати говоря, растут там и до сих пор, но насколько они являются потомками деревьев времен Ивана Грозного, сказать трудно. С острова легко можно было осыпать замок ядрами и пищальными зарядами — расстояние до противоположного берега вполне это позволяло.

2 февраля в войсках был проведен смотр, и приказано было делать «туры». Под термином «туры» могут скрываться укрепления самых разных типов: просто насыпные, из плетеных корзин, передвижные деревянные башни, наконец, в данном случае, — ни то, ни другое, ни третье. Виленский летучий листок дает сведения, по которым можно хотя бы примерно представить себе вид грозненских «туров» — это были деревянные каркасы, очевидно, передвижные, или на катках, заполненные мешками с землей. Строили их в лесу, «в двух милях от города», и каждые десять человек должны сделать одну «туру»— вероятно, некое звено общей цепи возводимых ук-

реплений.[63] Кроме того, уже во время похода «розмысл и фрязи» (наемные военные инженеры-итальянцы) приготовили щиты, «с которыми итти перед туры, и туры за ними ставити».[64] 4 февраля туры начали ставить вокруг стен, и придвинули к городским укреплениям наряд.

На протяжении всего времени полоцкой осады от 30 января вплоть до падения города, русским командованием были четко организованы разведка и охранение. 30 января застава была выслана за Двину, к Бельчицкому монастырю. Несколько дней, до полного смыкания кольца осады, застава в Задвинье оставалась, ежедневно сменяясь. Затем заставы начали отправлять дальше, по Виленской дороге до «Глубоцкой волости», не доходя до Глубокого 10—15 верст (ок. 60—65 км от Полоцка), а также по Луцкой дороге[65] (5 верст от Полоцка). Известие в Хронике Стрыйковского подтверждает наличие московских застав в районе Глубокого.[66] Помимо передовых застав, 4 февраля высланы были отряды для охраны кошей и наряда,[67] подтягивавшихся еще целую неделю по великолуцкой дороге.

Виленский воевода и великий гетман литовский Н. Радзивилл мало что мог противопоставить московской армии. Переписка между ним и королем Сигизмундом Августом свидетельствует о полном бессилии последнего помочь чем-либо Литве. В письмах от последних чисел января (т. е. отправленных в тот момент, когда московская армия была уже на марше от Великих Лук) король сообщает Радзивиллу о «немалых силах неприятельских и большой опасности», далее о тщетных попытках хотя бы собрать деньги для найма солдат — в свой срок получая эти письма, Радзивил вполне мог воспринять их как изощренное издевательство. 31 января, в день начала осады Полоцка, Сигизмунд Август пишет великому гетману литовскому, что отправил на подмогу воеводичей Русского и Поморского и пана Лясского, он лишь первый двинулся с сотней конных (!), а два последних остались на месте.[68] Л. Гурницкий сообщает о пребывании в Вильно немногочисленного королевского двора, который мог, скорее, устрашить московского государя именами старших воевод, чем действительно обеспечить защиту литовской столицы.[69] Стрыйковский прямо назвал численность корпуса, с которым Н. Радзивилл и польный гетман Г. Ходкевич выступили против московских войск из Минска: 2000 литовских солдат и 400 поляков. Более этого Радзивилл собрать не мог из-за поспешности и отсутствия времени для ожидания отрядов из отдаленных поветов.[70] Учитывая сложную социально-политическую обстановку в Великом княжестве Литовском (конфедерация 1562 г. за унию с Польшей) и неожиданность русского наступления[71], указанную цифру можно принять, как вполне вероятную. Русские разряды и один из летучих листков (виленский, марта 1563 г.) сообщают о сорокатысячном войске при 20-26 орудиях.[72] Скорее всего, эти сведения — результат слухов, распущенных Радзивиллом с целью вызвать панику в московском стане, оттянуть часть сил осаждающих на себя — на большее великий гетман не решался. Его корпус переправился через Березину и Черницу и оперировал на расстоянии 8 миль от Полоцка, не ближе. Замысел удался, но лишь отчасти.

13 февраля казанские татары «привели из загонов дву литвинов: Марка Иванова, да Федка Сафонова»[73], кои и явились дезинформаторами. По их словам, ертоул вместе с «Варколапом» (Баркулабом. — Д. В.) был уже в трех милях от Бобыничей. Встревожившись, московское командование послало крупный отряд во главе с царевичем Ибаком, воеводами кн. Ю. П. Репниным и кн. А. И. Ярославовым. Отряд двигался по маршруту Полоцк—Бобыничи и вернулся назад, узнав от языков, что Радзивилл, стоявший «в Глубокой», передвинулся «...к бору у Черной речки». (Глубокое — ок. 80 км от Полоцка, Бобыничи — ок. 30 км, северный изгиб Черницы—ок. 45 км). Причиной отхода отряда послужила болезнь и смерть кн. Ю. П. Репнина.[74] 16 февраля, уже после сдачи Полоцка, на литовцев был послан кн. А. И. Вяземский с войском. Вяземский опять шел через Бобыничы до мест, «где были литовские люди», и вызнал от языков, что Радзивилл и Ходкевич бежали к Березине и «рухледи метали много» — после того, как они получили известие о падении города и движении на них московских отрядов.[75] Стрыйковский же сообщает, что литовцам удалось разгромить несколько московских разъездов, о чем разряды умалчивают.[76] Вероятно, разъезды были разбиты Радзивиллом и Ходкевичем на подходе к Полоцку, а появление крупных сил русских заставило их отступить, поскольку дальнейшее продвижение воевод Ивана IV в этом направлении грозило отрезать небольшой литовский корпус от Вильно и оставить тем самым столицу Великого княжества без прикрытия.

Таким образом, действия литовских военачальников, направленные на деблокаду Полоцка извне, не увенчались успехом. Городской гарнизон в течение всей осады был предоставлен самому себе.

Несмотря на то, что осадные орудия подошли к Полоцку лишь 7 февраля, артиллерийская перестрелка имела место уже в первый день осады: Иван IV, переправлявшийся с государевым полком в Задвинье, был обстрелян с крепостной стены. В ответ заговорили русские пушки с Иванского острова. Лебедевская летопись сообщает, что со стороны осаждающих был убит лишь один человек, а «стрелцы из наряду с острогу пушкарей збили и литовских людей многих побили в остроге».[77] Но эта стычка имела частный характер и не сыграла особой роли. Вся артиллерия, пришедшая вместе с московскими полками, кроме наряда на Иванском острове, молчала до 5 февраля. 4-5 февраля под городскими стенами ставились укрепления и устанавливались пушки. Автор летучего листка из Вильно[78] смешивает перестрелку в первый день осады и более поздние события, считая, что настоящая канонада началась уже 1 февраля. Но это не искажение, скорее, просто упрощенное и сокращенное описание событий начального периода осады. Первое серьезное столкновение произошло лишь 5 февраля. Не были поставлены еще все укрепления, но стрельцы головы Ив. Голохвастова подожгли «башню над Двиною» и кинулись на приступ. Им удалось занять башню и войти «в острог». Но согласно известию Лебедевской летописи, они были отозваны назад, так как «туры еще во многих местах не поставлены около города...»[79] — это место в летописи вызывает сомнение: очевидно, все-таки стрельцы не столько отошли, подчиняясь приказу, сколько были выбиты из занятой ими башни. Во всяком случае, иностранные источники говорят о целом ряде неудачных штурмов, предшествовавших падению города. Того же мнения придерживался и Г. В. Форстен.[80] В этот день московские войска потеряли при постановке укреплений и в бою за «башню над Двиной» более 30 человек, в том числе и казачьего атамана К. Подчеркова.[81] Так что, по всей видимости, 5 февраля гарнизон города отбил попытку частного штурма южного, приречного угла укреплений Великого посада. Полоцк, по отзывам иностранных источников, в то время славился своими укреплениями и представлял собою крепкий орешек для осаждающих. В городе было около 1-2 тыс. гарнизона и местных служилых людей, а также мощный артиллерийский арсенал.[82] Даже московское командование признавало мощь городских стен, не говоря уже о замковых: «острог крепок... ров вкруз острога от Полоты и до Двины реки делан крепок и глубок...»[83] Поэтому первая неудача вполне объяснима.

Московский наряд обстреливал защитников Полоцка до вечера 5 февраля. Вечером же орудия замолчали и кононада прервалась почти на трое суток, вплоть до 8 февраля. Под Полоцком еще не

слышали залпов «артиллерии главного удара» («большой» наряд), но поединок с «середним и лехким» нарядом в первый же день вызвал предложение начать переговоры. Полоцк был богатым и хорошо укрепленным городом — да, но отнюдь не военной твердыней, стенам которой изначально предначертана судьба быть растерзанными ядрами неприятельских пушек. Долгий период мира не способствовал поддержанию боевого духа в его жителях. К тому же, у русского царя в самом городе была партия доброжелателей — Иван IV с самого начала не напрасно и не в пустоту обращался с предложениями мирной сдачи.

Косвенно это подтверждается аналогией, проведенной М. Стрыйковским между падением Полоцка и присоединением Пскова к Москве: в обоих случаях горожане поддались на ласку и уговоры.[84] Общий тон известий Штадена, Одерборна и Пискаревского летописца указывают на недостаточность сопротивления, оказанного городом, причем Одерборн прямо говорит, что одной из существенных причин сдачи Полоцка была боязнь «как бы не возникло внутренних смут».[85] Ход переговоров 5—8 февраля дает этому дополнительное подтверждение. Переговоры велись со стороны осажденных Лукой Халабурдой и Василием Грибуном, московского же царя представляли Иван Черемисинов и Василий Розладин (затем один Черемисинов). Отношение русской стороны к переговорам понятно: они были на руку Ивану IV, поскольку С. Довойна сделал серьезную ошибку, не выговорив с первого же дня условия, чтобы московские войска не двигали к городским стенам своих укреплений, пока переговоры продолжаются. На это указал в своей хронике-мемуарах Л. Гурницкий.[86] В результате промаха полоцкого воеводы в ночь с 5 на 6 февраля «туры» были поставлены у самых стен.[87] Но московское командование надеялось, очевидно, все-таки договориться о мирной сдаче города: 6 февраля по-прежнему идут переговоры, хотя осаждающие уже получили возможность нанести решающий удар. Одерборн сообщает о содержании переговоров в эти дни следующее: царь «посылал парламентёров к воротам, и они угрожали... враждебными действиями..., в случае же сдачи он обещал, что все останется нетронутым...».[88] 7 февраля, устав ждать, царь меняет более сговорчивого Черемисинова на Михаила Безнина, потребовавшего от полоцких переговорщиков скорого принятия решения в ультимативной форме.[89] Вечером 7 февраля под город прибыл «большой» наряд, и медлить далее не было никакого смысла. Срыв переговоров 8 февраля окончательно убеждает командование московской армии в необходимости вновь прибегнуть к силе оружия.[90]

А вот позиция защитников города неясна и кажется непоследовательной. Конечно, Довойна пытался потянуть переговорами время и дождаться помощи от Н. Радзивилла, избавив, в то же время, город от артиллерийского обстрела. Но представляется крайне странным то, что 8 февраля в Безнина во время переговоров стреляли, ведь это и стало причиной срыва переговоров. В самом деле, если необходимо было тянуть время, сколько возможно, то стрельба по царскому переговорщику, напротив, — не что иное, как наилучший способ уничтожить самую возможность продолжения переговоров. Снять это противоречие можно, кажется, лишь одним путем, а именно: предположить борьбу группировок в самом городе — за и против продолжения противоборства с войсками Ивана IV. Сами полоцкие переговорщики открыто говорят об этом: «...люди многие, а мысльми своими шатаются; иные люди бити челом хотят, а иные не хотят...».[91] Конечно, можно расценивать эти слова как очередную уловку послов, стремившихся продлить перемирие, но равно веским будет и другое предположение — в Полоцке, с его древней традицией вечевой свободы и участия посада в делах управления городом[92], подобная критическая ситуация чуть ли не обязательно должна была породить разногласия. И тогда партия противников мирной сдачи могла наперекор партии ее сторонников сорвать переговоры самым радикальным методом. «Вычислить» две эти группировки точно не представляется возможным, но гипотетически расстановку сил восстановить нетрудно. Ни за что с Иваном IV мириться не стало бы католическое духовенство, едва ли — кальвинистское (впрочем, и то, и другое было немногочисленным, изо всех храмов города католикам принадлежал лишь один бернардинский костел), никогда — польский гарнизон, и вряд ли — полоцкая шляхта и верхушка посада. О полоцкой шляхте Стрыйковский писал однозначно, как о людях, вместе с поляками оборонявших город до последней крайности. Посадские же богачи рисковали в случае падения Полоцка потерять все свое состояние. Во всяком случае, всерьез опасаясь наступления Ивана IV, жители ливонских городов просто-напросто отправляли свое имущество в Пруссию[93]. Московский царь мог рассчитывать обрести союзников в среде солидного по численности православного духовенства (более двух десятков церквей и монастырей, епископия), особенно если учесть торжественную встречу, устроенную ими Ивану IV «в полотцких воротех»[94] после сдачи города. Очевидно, менее состоятельные посадские люди, рискуя, как им казалось, немногим и не стремясь подставлять головы под русские ядра, поддерживали переговоры. Наконец, впоследствии то ли С. Довойной из Полоцка были высланы «чернь и простой люд», то ли, согласно Лебедевской летописи, они и сами не пожелали уйти в замок, а ушли в расположение русских войск[95] — посадские низы и «селские люди», в том числе несколько тысяч взрослых мужчин, в любом случае не представляли собой надежной боевой силы для полоцкого воеводы.

В дальнейших событиях решающую роль сыграли русские осадные пушки «большого» наряда. Один немец из Полоцка, очевидец осады, через 12 лет рассказывал императорскому послу в Москве Х. Кобенцелю, что город взят в три дня «...при таком пушечном громе, что, казалось, небо и вся земля обрушились на него».[96] Пушки сокрушили городские, а затем и замковые стены, конечно, не в три дня: с перерывами артиллерия делала свое дело почти неделю — 8-14 февраля. Согласно упоминавшемуся уже виленскому летучему листку, «открыл он (т. е. Иван IV — Д. В.) ...такую сильную пальбу, что граждане оставили город... (т. е. посад. — Д. В.)».[97] Мощь огневого удара поразили и самих осаждающих: «якоже от многого пушечного и пищалного стреляния земле дрогати и в царевых и велокого князя полкех, бе бо ядра у болших пушек по двадцети пуд, а у иных пушек немногим того легче...»[98]. Сила огня была умножена близостью расстояния от туров до стен: давала себя знать ошибка Довойны, подпустившего московские войска к самым стенам Великого посада — орудия с короткой дистанции буквально взламывали их. Стрыйковский считал, что в эти дни (поставлена ошибочная дата 1 февраля, но по ходу событий — верно) был убит ротмистр Голубицкий.[99] Между другими ротмистрами — Хелмским, Верхлинским и Варшевским — и Довойной начался разлад. Ротмистры, а также участвовавший в обороне Полоцка виленский воеводич Ян Глебович настаивали на обороне посадских стен, но Довойна велел оставить стены и сжечь посад.[100] В результате поднялся страшный пожар, погубивший 3000 дворов. И прямо посреди пламени шел жестокий бой между стрельцами, детьми боярскими с одной стороны, и поляками с другой. Эту схватку можно расценивать как вторую попытку частного штурма. Бой окончился несчастливо для обеих сторон: князья Д. Ф. Овчинин и знаменитый Дм. Ив. Хворостинин, придя на помощь бившимся за посад отрядам, отогнали поляков, «потоптали и в город вбили», но замка не взяли. На пожарище московские воинские люди завладели брошенным имуществом. Поляки покинули посад, но отстояли замок.[101] Тогда же к рус-

ским полкам вышло, по разным источникам от 11 до 24 тыс. посадских людей и крестьян полоцкого повета. Они показали осаждающим большие запасы продовольствия, спрятанного в «лесных ямах».[102]

Так закончился 9 февраля миттельшпиль полоцкой партии — вновь с ощутимым перевесом на стороне московских войск. Осажденные укрылись в замке и могли уповать теперь лишь на крепость его стен и на возможную помощь извне.

Решающие события эндшпиля заняли всего неделю. 9-10 февраля «большой» наряд был поставлен «на пожженом месте», а также в Заполотье и Задвинье против замковых стен. 11 февраля туры и пушки были придвинуты ближе к укреплениям замка. Первые два дня, а также 13-14 февраля орудия били без перерыва целые сутки. Ядра разбивали замковую стену, достигая противоположной стены, защитники терпели от них жестокий урон. Полочане «токмо крыяшеся в домох своих, в погребех и в ямах от пушечного и пищалного стреляния».[103] Русской артиллерией использовались огненные ядра и, возможно, зажигательные смеси, в результате в самом замке вспыхнул пожар, пылало несколько десятков домов. Гарнизон вынужден был одновременно оборонять стены и тушить огонь.[104] В ночь с 14 на 15 февраля усилиями московских пушкарей и стрельцов, посланых к стенам, укрепления были также подожжены. К тому времени ядрами было выбито 40 городень из 204, составлявших периметр укреплений полоцкого замка.[105]

Таким образом, в этой кампании артиллеристы Ивана IV показали немалое искусство. Еще Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Московском государстве в 1516-17 гг. и в 1526 г., отмечал совершенное неумение русских использовать артиллерию.[106] А уже Манштейн в широко известных своих «Исторических, политических и культурных записках о России с 1727 по 1744 гг.» напишет, что артиллерия очень немногих европейских стран могла бы сравниться с русской, и еще менее того — превзойти ее; это была, по его мнению, единственная отрасль военного искусства, в которой Россия могла обеспечить себя отлично подготовленными командирами.[107] Так вот, опыт применения полевых и осадных орудий был набран московскими пушкарями именно в середине XVI в., когда залпы русских пушек весьма часто решали участь городов. Первостепенную роль артиллерия сыграла при осаде Казани, под Нарвой, Дерптом, Феллином. У стен Полоцка наряд Ивана IV располагал уже кадрами, отлично знавшими свое дело.

Защитникам Полоцка нельзя отказать в мужестве: Стрыйковский писал, что они тревожили осаждавших частыми вылазками, во взяком случае, Лебедевской летописью и разрядом Сапунова действительно зафиксирована вылазка, имевшая место то ли в ночь с 9 на 10 февраля, то ли с 10 на 11.[108] В ней приняли участие «Довойнов двор весь» (800 чел. конницы), «да пешие люди многие», но в бою за контрвалационные укрепления с отрядом боярина кн. Ив. В. Шереметева они потерпели поражение и с потерями отошли в замок. Сам Шереметев получил контузию пушечным ядром. Но за дерзкость вылазки осажденным пришлось расплатиться пленниками — «языками».

Таким образом, к утру 15 февраля положение защитников замка стало катастрофическим: Радзивилл оказать помощи им не мог, укрепления были разбиты, силы таяли изо дня в день, в то время как настоящего урона московским войскам нанести не удавалось. За всю осаду армия Ивана IV потеряла, по русским данным, всего 86 чел.[109] К тому же, в самом городе было достаточно сторонников сдачи. За несколько часов до рассвета московские полки начали подготовку к штурму, которой, по всей видимости, должен был стать для Полоцка последним.

И тогда из города вышел епископ Арсений Шисца «со кресты и с собором», было сдано городское знамя, а воевода полоцкий запросил начать переговоры о сдаче. Иван IV потребовал прибытия в свой стан самого Довойны, и тому пришлось согласиться. Далее сведения источников противоречат друг другу: согласно официальной московской Лебедевской летописи, переговоры шли до вечера и закончились сдачей города на том условии, что царь обещает «показать милость» и «казней не учинить». Далее летопись и в самом деле не отмечает никаких казней. Гарнизон и горожане были выведены из города и разведены по двум станам. Виленский летучий листок дополняет летописное известие: солдатам оставили их оружие, а горожанам — нет; те и другие находились «под сильной стражей» и 5 дней не получали никакой провизии; все они были переписаны, и желающим, в особенности из числа наемных немецких артиллеристов, было предложено поступить на московскую службу — некоторые изъявили согласие.[110]

Хроника Стрыйковского дает совершенно иное описание происходивших событий: уже после сдачи замка Довойной поляки и полоцкая шляхта во главе с ротмистром Верхлинским обороняли брешь в замковой стене. В результате переговоров наиболее мужественных защитников Полоцка и московского командования было достигнуто соглашение о беспрепятственном выходе первых из замка с имуществом и предоставлении им возможности уйти «целыми и невредимыми» (что и было впоследстии исполнено). Но затем город был ограблен, монахи-бернардины были порублены татарами, а евреи утоплены в Двине. Официальная московская Лебедевская летопись ничего не говорит ни об обороне пролома, ни о дополнительных переговорах, ни о казнях евреев и бернардинов. Впрочем, о бое за брешь нет упоминаний более ни в одном другом источнике, и поэтому невозможно точно определить, имел ли он место в действительности, или это лишь публицистическое преувеличение Стрыйковского. О «массовых казнях», о гибели евреев и бернардинов стоит поговорить особо. Об этих казнях поляки, еще несколько дней остававшиеся в городе, должны были знать, если они происходили на самом деле, и вопрос состоит в том, верить ли Стрыйковскому, располагавшему в качестве источников рассказами очевидцев, или не верить, ссылаясь на его тенденциозность.

Данное известие (о казнях) повторено в Хронике Бельских, следовавшей в описании полоцких событий 1563 г. за Стрыйковским.[111] То же можно сказать и о соответствующих известиях «Кройники литовской, и жемойтской» и отчасти — Мазуринского летописца.[112] Алессандро Гваньини по этому поводу писал: «...всех жидов, которые не захотели принять св. крещение, [Иван IV] велел утопить в славянской реке Двине».[113] О бернардинах — ничего. Сообщение Гваньини повторено Одерборном, который мог быть знаком с латиноязычным изданием его сочинения 1578 г. В Псковском летописном своде 1567 г. также упомянуто только о казни евреев.[114] Эту же версию, только в облегченном виде поддерживает и крайне интересное известие Джиовании Тедальди, 78-летнего флорентинского торговца, рассказ которого передан папским посланником А. Поссевино, общавшимся с Тедальди в 1581 г. Тедальди неоднократно бывал в Московском государстве, жил там целыми годами, беседовал лично с Иваном IV, что, несомненно, повышает предполагаемую достоверность его сообщения: «[Тедальди] решительно отвергает, что этот государь (Иван IV — Д. В.) по взятии Полоцка утопил, как говорят, монахов ордена св. Франциска, так называемых бернардинов. Одинаково и против евреев, о которых говорят, что их тогда утопили, Тедальди замечает, что всего только двух или трех насильственно крестил великий князь и потом велел утопить, объясняя свое приказание нежеланием, чтобы умирали христиане; другие же были изгнаны из Полоцка».[115] Таким образом, если объединить сообщения Гваньини и Тедальди, оказывается, что утоплены были только некоторые из числа тех, кто воспротивился крещению и был крещен насильно. Неизвестный автор летучего

листка о взятии Полоцка, опубликованного А. Сапуновым (виленский листок), располагавший показаниями очевидцев трехнедельной давности (!), т. е. источником, заслуживающим всяческого внимания, осторожно привел слух о казни некоторых пленников и утоплении всех евреев, но затем высказал свое сомнение в его правдивости.[116] На переговорах в июне 1563 г. послы Сигизмунда Августа сетовали на пленение С. Довойны, Я. Глебовича и «люду христианского много», ни словом не обмолвясь о каких-либо казнях. Р. Г. Скрынников считает, что «в Литве первоначально отказывались верить сообщениям о... невероятном варварстве» — имеются в виду «массовые казни». Но за три-то года уже могли бы «поверить», а на переговорах летом 1566 г. грамоты прибывших в московские пределы послов повторяют точь-в-точь те же укоризны, что и в 1563 г., вновь не помнная никаких жертв казней в Полоцке.[117]

Однако, ряд других источников противоречит этой версии. Это, во-первых, сообщение Румянцевской летописи, составленной ненамного позднее полоцких событий, о том, что Иван IV «простой народ побил».[118] Во-вторых, известие Левенклавия, настаивавшего на зверской жестокости царя: «...пленников.., связав железными цепями (!) и угнав Московию, других же до 40 тысяч убив, сам город сжег». Трактат Левенклавия (Levenclavius, Lowenklau — 1533—1593 гг.) «De moscovitarum bellis commentarius» был издан в 1571 г. в качестве приложения к известному труду С. Герберштейна о Московском государстве. Самое беглое знакомство с трактатом убеждает в ярко выраженной тенденциозности автора: Левенклавий крайне враждебен по отношению к Ивану IV. Левенклавий считал, что московский государь распространял за рубежом «семена раздора», делая все, чтобы захватить большую часть польской Ливонии, «но не мог договориться ни с народом, ни со знатными людьми земель, на которые он претендовал».[119] В трактате личность Ивана IV нередко выставляется в самом мрачном свете, куда чернее и кровавее, чем у Карамзина. Едва ли есть основания полностью доверять сведениям трактата. К тому же, из летописных известий, из «Записок о Московской войне» Р. Гейденштейна и др. польских источников неоспоримо следует, что Иван IV города не сжигал, а напротив, занимался в нем строительством — по его приказу были возведены новые укрепления. А пожар являлся результатом действий самого полоцкого воеводы и артобстрела перед предполагавшимся штурмом замка. Это свидетельствует либо о неточности, либо о плохой осведомленности Левенклавия.[120]

«Жестокая версия» присутствует в многочисленных летучих листках, распространявшихся противниками русского влияния в Ливонии. Их сильной стороной была образность, их слабой стороной была точность. Текст одного из подобных изданий приведен Г. В. Форстеном в его работе «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях» («Правдивое и ужасающее известие...» — 1563 г., отпечатано в Аугсбурге М. Франком), по поводу казней там говорится: «[Иван IV] город целиком и полностью сжег до основания и двадцать тысяч человек предал мучительной смерти на крючьях и виселицах».[121] Стиль и тон, в котором выдержан летучий листок, призывы обратиться к Господу Богу перед лицом «бича Божьего», «язычников» — указывают на очевидный пропагандистский характер издания, а по поводу пожара в Полоцке обнаруживается та же неточность, что и у Левенклавия. И, наконец, наиболее неправдоподобно изложен этот вариант у Г. Штадена: «Великий князь вызвал из города все рыцарство и воинских людей. Их таким образом разъединили, а потом убили и бросили в Двину. С евреями, которые там были, случилось то же самое, хотя они и предлагали великому князю много тысяч флоринов выкупа». — Известие опровергается и польскими, и русскими источниками, едиными в том, что польский гарнизон отпущен был на свободу.[122]

Итак, большинство сообщений последней версии о «массовых казнях» представляются сомнительными. Но они наталкивают на соображение о возможном наличии многочисленных жертв, не связанных с казнями. Вернемся к сообщению Хроники Стрыйковского. В ней сказано, что монахов-бернардинов порубили татары, хотя такого скорее можно было ожидать от озлобленных православных. Что за дело татарам до католических монахов? Видимо, никаких массовых, организованных самим царем преследований бернардинов не было, но после занятия города войска совсем не обязательно должны были сохранять порядок. Обстановка неправославных храмов могла оказаться предметом грабежа, прежде всего производившегося татарами, избавленными от страха Божьей кары, от которого не совсем избавлены были православные. По ходу дела могли и зарезать кого-нибудь из католического духовенства — во взятом городе отряды победителей не очень-то церемонятся с местным населением. Казни же имели место, но не были массовыми. Не в них заключалась главная трагедия полочан.

Московские войска захватили в Полоцке богатую добычу. В этом сходятся все источники. Виленский летучий листок, в частности, сообщает: «взят был... большой город Полоцк с большими сокровищами в деньгах, серебре, золоте и товарах».[123] Приписка к Псковскому летописному своду 1567 г. не менее красноречива: «...а имения их (т. е. С. Довойны и А. Шисцы. — Д. В.) и казны королевские и паньские, и гостины злата и серебра много на великого князя взяли».[124] Часть захваченных богатств Иван IV отдал «бояром и воеводам», велев оставить для себя «наряд (20 пушек)[125],.: и казну королевскую».[126] У горожан ценное имущество было отобрано и оставлено лишь полякам. К ротмистрам и солдатам польского гарнизона, а также немецким наемникам царь отнесся милостиво. Ротмистры получили в дар собольи шубы, покрытые парчой. Старший из них, А. Верхлинский, был впоследствии обвинен воеводой Стажеховским в получении подарков от неприятеля, но сумел оправдаться.[127] 500 солдат были с имуществом и оружием отпущены восвояси в начале 20-х чисел февраля. Более того, им была выдана охранная грамота, в которой, кстати говоря, Иван IV именует себя, кроме всего прочего, «великим князем Полоцким». На 20 верст от Полоцка их провожали трое «голов»: П. Щепин, В. Бутурлин и Ф. Салтыков.[128]

Виленский воеводич Ян Глебович, Арсений Шисца, Станислав Довойна и его жена, а также полоцкая шляхта отправлены были днем ранее в Москву под охраной.[129] А вот судьба всего остального населения Полоцка не совсем ясна: согласно Лебедевской летописи «...мещан и з женами их, и з детми послал царь и великий князь в свою отчину к Москве и повеле же их дорогою беречи, а корм им давати доволен».[130] Румянцевская летопись также свидетельствует о том, что в полон были уведены «простые люди с женами и с детьми», приписка к списку Оболенского Никоновской летописи сообщает только о пленении «воевод литовских». Стрыйковский подтверждает версию Лебедевской летописи: по его мнению, в московские земли были уведены как шляхта, так и «простые мещане». То же сообщает и Л. Гурницкий.[131] Но Одерборн и виленский летучий листок дают несколько иную версию: автор летучего листка сообщает, что литовцы были отогнаны в Москву, а русские остались «на месте под стражею». Одерборн же считает, что увели и литовцев, и русских.[132] Откуда это странное национальное деление, что оно означает? Автор виленского летучего листка писал, пользуясь рассказами немецких наемников из состава гарнизона Полоцка, вернувшихся вместе с поляками. Поляки ушли на день раньше, чем полочан отправили в московские пределы[133], и для них «русские», т. е. горожане нешляхетского происхождения, до самого конца были под стражей. А вот «литовцы» — т.е. шляхта, — убыли как раз перед отходом гарнизона. Ины-

ми словами: в данном случае «национальное» деление попросту равняется делению социальному, на шляхту и простолюдинов. Количество депортированных точно неизвестно. По даным немецких летучих листков из Полоцка было выслано до 60 тыс. чел.[134], но по оценкам современных исследователей все население Полоцка в XV—XVI вв. колебалось в пределах 11,5—50 тыс. чел., так что названная цифра выглядит фантастической.[135]

Дальнейшая история депортированных печальна: им пришлось зимой, в феврале идти пешком до Великих Лук, откуда их, очевидно, распределили по городам.[136] Жертвы при этом, как видно, были немалыми. Немец-опричник Г. Штаден сообщает о последующем истреблении всех пленных полочан в связи с неудачами в войне[137], но это неверно: сам же Штаден затем пишет об обмене С. Довойны на кн. В. Темкина, который действительно имел место в 1567 г.[138] Возвратился на родину и Ян Глебович, паче чаяний ставший помощником Ивана IV в его попытках склонить на свою сторону литовских магнатов.[139] После переговоров 1566 г. полоцкая шляхта была частично обменяна на русских пленников, а частично отдана за выкуп. Арсений Шисца также сохранил жизнь — он был отправлен вместе с видным полоцким шляхтичем Лукой Корсаком в Спасо-Каменный монастырь на Кубенское озеро.[140] Бесспорно, часть полочан была возвращена царем на родные земли[141], хотя едва ли они испытывали по отношению к государю московскому теплые чувства. Кое-кто записался в московскую службу и вошел в состав городовых гарнизонов на восточных рубежах Московского государства.[142] Вообще говоря, депортация населения с целью закрепления только что завоеванной территории была излюбленным приемом московских государей.[143]

В Полоцке был оставлен русский гарнизон во главе с кн. П. И. Шуйским, кн. П. С. Серебряным и кн. В. С. Серебряным с наказом отстроить старые укрепления и возвести новые. 27 февраля царь с основными силами армии «из Полотцка пошел к Москве».[144]

Так окончился первый акт жестокой военной борьбы за Полоцкую землю между двумя могущественнейшими державами Восточной Европы в ходе Ливонской войны. Главной проигравшей стороной в этой схватке был город и его жители. Защитники Полоцка «спалили» посад, победители ограбили и угнали население. Так богатая, цветущая область со славной и древней столицей попала как бы между молотом и наковальней и начала принимать на себя многочисленные удары обеих сторон. Полоцкая земля была тем полем на доске многовековой партии борьбы Москвы и Литвы, которое неоднократно переходило из рук в руки и являлось желанной целью обоих противников. В результате Ливонская война стала началом конца последней эпохи величия в истории древнего Полоцка. Под гром московских, польских и литовских пушек город шел к упадку.

Взятие Полоцка стало крупнейшим событием Ливонской войны и вызвало столь сильный международный резонанс, как никакое иное столкновение в тяжком четвертьвековом противоборстве. В Вильно, Праге, Нюрнберге, Любеке, Аугсбурге и других городах Германии вышло не менее десятка информационных и пропагандистских летучих листков, посвященных полоцкой эпопее.[145] В Империи со вниманием и тревогой следили за успехами Ивана IV на западных рубежах Московского государства. Противники влияния Москвы в этом регионе сравнивали в своих изданиях царя с «бичом Божьим» и пугали читателей легендой о серебряном гробе, якобы заранее заготовленном Иваном IV для польского короля. Напротив, сторонники расширения отношений с Московским государством убеждали в необходимости войти в союз с могучим государем, который сумел привести под Полоцк огромное войско. Датский король Фридерик II официально поздравил Ивана IV со взятием Полоцка.[146]

Польша и Литва были до крайности обеспокоены военной катастрофой под Полоцком. Сейм в Петркове был прекращен известиями о грозе на восточной границе. Сигизмунд Август немедля сообщил Н. Радзивиллу о своем намерении со всей возможной поспешностью прибыть в Великое княжество Литовское для организации обороны и запретил искать боя с московскими отрядами, повлев оттянуть силы для защиты Вильно. Одерборн писал, что в то время «польский король был сражен страшной скорбью...»[147] Падение Полоцка можно оценивать и как фактор, немало приблизивший Люблинскую унию 1569 г. Из-под Полоцка 15 тыс. татар было отправлено царем для операций на Виленской дороге (в летучих листках эта цифра увеличена почти втрое).[148] Отсутствие реальных возможностей противостоять натиску армии Ивана IV вынудило литовцев послать своего представителя Павла Бережковского в московский лагерь под Полоцком для переговоров уже к 21 февраля. И царь согласился заключить перемирие, «войну уняти велел и от Полотцка в дальние места поход отложил».[149] Но — до поры, до времени. Середина — конец 1560-х гг. были временем ожесточенного противоборства на Белорусском театре военных действий, чрезвычайно тяжелого и для Московского государства, и для Литвы. Перед лицом опасности нового наступления Ивана IV, сознавая непрочность перемирия, Сигизмунд Август вынужден был пойти на уступки литовско-белорусской православной шляхте, уравняв ее в правах со шляхтой католической жалованной грамотой от 7 июня 1563 г. непосредственно под впечатлением падения Полоцка и желая сплотить все наличные силы для «предстоящей войны» против Ивана IV.[150] Таким образом, объединение военных сил подталкивало к политическому объединению.

Известный российский историк Р. Г. Скрынников отмечает, что «овладение Полоцком было моментом высшего успеха России в Ливонской войне, а затем начался спад, ознаменовавшийся военными неудачами и бесплодными переговорами».[151] Это не совсем верно, поскольку в первой половине 1570-х гг. московским войскам удалось вновь одержать в Ливонии ряд внушительных побед. Но достигнуть столь же блестящего успеха, как под Полоцком, Московскому государству не суждено было еще почти столетие. Более того, Полоцк стал предельным рубежом процесса расширения русских границ, почти непрерывного со времен Ивана III; пиком всех военных достижений России в XVI в... Не менее важным оказалось овладение Полоцком и с точки зрения официальной идеологии: возвращение «вотчины», права на которую были заявлены еще при деде Ивана IV[152], акт «восстановления» православия и укрепления международного авторитета Московского государства. Весть о полоцком взятии облетела всю Россию: из-под Полоцка были отправлены гонцами к митрополиту Макарию, царице Марии, царевичам Ивану и Федору, брату Ивана IV Юрию Васильевичу и жене Андрея Старицкого Ефросинии кн. М. Т. Черкасский и Ф. А. Басманов. К Новгородскому архиепископу Пимену, наместнику кн. Ф. Куракину, дьякам и купцам, в Юрьев и Псков поехал М. А. Безнин, которому дополнительно велено было передать приказ о посылке гонцов с известием о победе в Феллин, Раковор, Ругодив и «во все немецкие городы». Царь указал «пети молебны з звоном, и по монастырем и церквем звонити».[153] Сообщения о взятии Полоцка вошли во множество летописей, в том числе и краткие летописцы.[154]

Казалось бы, остановись государь Московский на этом, закрепи он полученное за собою, не предаваясь мечтам о большем, и не было бы позора Улы и Великих Лук... Но, быть может, не столько виновата в продолжении бесконечной войны мания величия Ивана IV, сколько социальная структура старомосковского общества. Основную боевую силу московской армии составляли мелкие и средние служилые землевладельцы. Их земельный оклад как правило отнюдь не реализовывался в действительных дачах[155], а постоянная военная служба оставляла очень немного времени для

занятий хозяйством. В результате война становилась если не основным, то очень серьезным источником дохода, источником, насущно необходнмым. Парадоксально, однако средний служилый класс в России был заинтересован в ведении постоянных войн, что в значительной степени совпадало с устремлениями центральной власти. Громадная полуиррегулярная военная машина кормила себя войной и постоянно усиливалась, дабы побеждать в войнах. Постоянное усиление требовало потока средств, добываемых... опять-таки в войнах, которые уже при Василии III превратились из оборонительных в наступательные. До 1563 г., до взятия Полоцка эскалация военных усилий была возможна при напряжении всех сил страны, так как компенсировалась военными успехами. Но первые признаки серьезного неблагополучия на театре военных действий в Ливонии и Белоруссии — Невель (1562 г.), Ула (1564 г.) — заставили ввести чрезвычайную организацию военного времени — опричнину (1565 г.). Опричнина призвана была превратить Московское государство в единый военный лагерь, а от «напряжения всех сил» перейти к временному сверхнапряжению. И автор этих строк склонен считать, что внешнеполитический, военный фактор (в сравнении с фактором внутренним) сыграл не менее, а возможно и более серьезную роль в переходе социально-политической организации Московского государства к тому причудливому эксперименту, каким являлась опричнина. Но в результате «сверхнапряжение» обернулось перенапряжением материальных и человеческих ресурсов России, вызвало острый социальный и экономический кризис, усугубленный страшными поражениями 1571 и 1579—80 гг. Иными словами, и для русской истории период, последовавший как раз после взятия Полоцка, — переломный, и полоцкие события можно безоговорочно признать его нижним временным пределом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Piwarski K. Niedoszla wyprawa t. zw. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwe (rok 1567-68). // Ateneum Wilenskie, rok IV, zeszyt 13, 1927, c. 261

2. Валишевский К. Иван Грозный. — М., 1989, с. 215.

3. Книга Посольская метрики Великого княжества Литовского, № 138—152.

4. Вступительная статья Н.Малиновского // Jan Albertrandi... Pameietniki o dawniej Polsce... listy Jana Franciszka Commendoni do Karola Borromeusza. — Wilno, 1851, t.1, s.XXII-XXVI.

5. Czubinski A., Topolski. Historia Polski. — Wroclaw, Warszawa, Krakow, Gdansk, Lodz, 1988, c. 147-148; Dzieje Polski. — Warszawa . 1978, c. 286-287.

6. История церквей гельветического исповедания в Литве // ЧОИДР, 1847, кн. VIII, с. 1—4.

7. Иванова Л. С. Из истории реформационной церкви в Полоцке // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. — Полацк, 1992, с. 25.

8. Arnold S., Michalski J., Piwarski K. Historia Polski od polowy XV wieka do roku 1795. — Warszawa, 1955. c. 30.

9. Любавский М. К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. — М., 1915, с. 294 — 297.

10. Mienicki Ryszard. Egzulanci Poloccy (1563-1580r.) // Ateneum Wilenskie, rocznik IX, Wilno, 1934, c. 34.

11. Piwarski K., указ. соч.; Natanson-Leski J. Dzieje Granicy wschodniej Rzeczypospolitej. — Lwow-Warszawa, 1922, c. 163.

12. Hellie R. Enserfment and military change, Moscow. — Chicago, London. 1971. c. 267-268.

13. Коркунов М. Карта военных действий между русскими и поляками в 1579 г. и тогдашние планы Полоцка и окрестных крепостей. // ЖМНП, 1837, № 8, с. 6—7; Гейденштейн Р. Записки о московской войне. — СПб., 1889, с. 50.

14. Полоцк. Исторический очерк. — Минск: Наука и техника, 1987, с. 31.

15. Oderborni P. // HRS. т. II, с. 225.

16. Хорошкевич А. Л. Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х — середины 50-х годов // История СССР, 1991, № 6, с. 85.

17. Гейденштейн Р., указ. соч., с. 43.

18. Дмитриев М. В. Православие и реформация: реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. — М.: Изд-во МГУ, 1990, с. 38—39.

19. Голенченко Г. Я. Идейные и культурные связи восточнославянских народов в XVI — середине XVII вв. — Минск, 1989, с. 101 — 119.

20. Wegierski A. Libriquattor Slavoniac Reformatae. — Warszawa, 1973, c. 263, 446; «Истины показание», ГБЛ, Троицк., № 673, л. 371 об.

21. ПСРЛ, т. 29, Лебедевская летопись, Л. 275.

22. Федотов Г. П. Святой Филипп митрополит Московский. — М., 1991, с. 60.

23. ПСРЛ, т. 34, Пискаревский летописец, с. 190.

24. ПСРЛ, т. 29, Лебедевская летопись, с. 302 — 303, 306 — 308.

25. ПСРЛ, т. 29, Лебедевская летопись, с. 301; ВС, т. IV, 1885, с. 30.

26. ВС, там же, с. 30 — 32.

27. В Можайске, Калуге, Ярославце, Кременске, Верее, Вышгороде, Боровске, Рузе, Звенигороде, Волоке, Погорелом городище, Зубцове, Ржеве, Холме, Молвятицах, Пскове и Вязьме (См.: ВС, т. IV, 1885, с. 29 — 30); Общая численность всех сил составляла: минимум — 130.000, максимум же назвать сложно, но весьма вероятно — 200.000 — 300.000. Эти данные складываются из цифр разряда Сапунова (30—35 тыс.), указанной в Лебедевской летописи, а также в сочинении Файта Зенга, приведенном Г. В. Форстеном, численности стрельцов (не вошедших в разряд) — 12 — 20 тыс., а также данных о посохе Псковского летописного свода 1567 г.: ок. 81 тыс., с учетом отсутствия данных о посохе по другим городам ,кроме Пскова, и сложности в определении истинного содержания разряда Сапунова: указаны в нем вооруженные дворовые люди или нет .См.: ПСРЛ, т. 29, с. 312; ВС, т. IV, 1885, с. 33—45; вып. 2, 1955, с. 243 — 244; Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. — Спб.: 1889, № 33.

28. РИО, т. 71, с. 99; ПСРЛ, т. 29, Лебедевская летопись, с. 301.

29. Этот фокус с задержкой послов, кстати говоря, Иван IV применял неоднократно, например, в 1564 г.: Коммендони 7 января 1564 г. сообщал кардиналу Борромео из Варшавы: «Я только что узнал, что вельможа Его Величества (короля Сигизмунда Августа. — Д.В.), посланный в Москву с целью выхлопотать свободный проезд для послов спешно возвратился и прибыл вчера вечером [6 января]. Он принес весть, что великий князь принял

и выслушал королевских послов; однако, тогда же отправил свое войско в Литву, не считаясь с договорами о мире. Поэтому послы сколь можно спешно возвращаются. Но говорят, что и войско поспешает за ними. Это известие — сверх всяких ожиданий, и видимо, можно встревожиться не на шутку». (Jan Albertrandi, указ. соч., с. II) Иван IV, таким образом, пытался дважды поймать западного соседа на один и тот же крючок.

30. ПСРЛ, т. 29, с. 303; ВС, т. IV, с. 32, 45.

31. Замечания иностранца XVI века о военных походах русских того времени и преданности их к Государю своему // Отечественные записки, 1826, ч. 27 ,с. 92 — 94.

32. Keep J. Soldiers of the tzar, Oxford, 1985.

33. ПСРЛ, т. 29, с. 304.

34. Там же, с. 304.

35. Там же, с. 310.

36. ПСРЛ, т. 29, с. 308.

37. ВС, т. IV, с. 119.

38. Там же, с. 119 — 120.

39. Там же, с. 45 — 46.

40. ПСРЛ, т. 29, с. 304.

41. ВС, т. IV, с. 46.

42. ВС, т. IV, с. 47; ПСРЛ, т. 29, с. 304 — 305.

43. ПЛДР, Вторая половина XVI в. — М.: «Художественная литература», 1986, с. 335.

44. Gornicki Lukasz. Dzieie w koronie polskiej za Zigmunta I y Zigmunta Augusta az do smierci iego... — Warszawa, 1754, с. 159.

45. Stryjkowski M. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi. — Warszawa, 1846, т. II, с. 413.

46. ПСРЛ, т. 29, с. 305.

47. Там же, с. 305.

48. ВС, т. IV, с. 50.

49. ПСРЛ, т. 29, Лебедевская летопись, ЛЛ. 300—301; ВС, т. IV, с. 50 — 51.

50. Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX — XIII вв. — М.: Наука, 1966, с. 212.

51. Каргер М. К. Храм усыпальница в Ефросиньевском монастыре в Полоцке // Советская археология, 1977, № 1, с. 240.

52. Раппопорт П. А. Полоцкое зодчество XII века // Советская археология, 1980, № 3, с. 150.

53. ПР, с. 179.

54. Там же, с. 175.

55. Лаппо И. И. Описание полоцких владычных и монастырских церковных земель ревизорами 1580 г. — М., 1907, с. 13.

56. ПР, с. 22, 175 — 176.

57. Хорошкевич А. Л. Полоцкие грамоты XIII — н. XVI вв., ч. 4. — М.: АН СССР, 1982, с. 151.

58. ВС, т. IV, с. 450; ПСРЛ, т. 29, с. 306.

59. Дейнис И. П. Полоцкая старина, рукопись. — Полоцк ,1978, ПКМ КП2 — 1422/8 — См. карту городских стен.

60. Stryjkowski M., указ. соч.,т. I, с. 241.

61. ПСРЛ, т. 29, с. 308.

62. Alexandrowicz St. Nowe zrodlo ikonograficzne do oblezenia Polocka w 1579r. // Kwartalnik historii kultury materialnej Polskiej Akademii nauk. R. XIX, nr. 1, Warszawa, 1971, s. 3-29 карты в тексте.

63. ВС, т. IV, с. 120, ПСРЛ, т. 29, с. 309.

64. ВС, т. IV, с. 45.

65. Там же, с. 46, 50 — 53.

66. Stryjkowski M. указ. соч. т. 2, с. 413.

67. ВС, т. IV, с. 51 — 52.

68. Listy oryginalne Zygmunta Augusta do Mikolaja Radziwilla Czarnego... — Wilno, 1842, №№ 101, 103.

69. Gornicki L., указ. соч., с. 160.

70. Stryjkowski M., указ. соч., т. 2, с. 413.

71. Menicki R., указ. соч., с. 34; Piwarski K., указ. соч., с. 261.

72. ВС, т. IV, № 22; РК 1559 — 1605 гг. — М., 1974, с. 199 — 200; РК 1475 — 1598 гг. — М., 1966, с. 53 — 54.

73. ВС, т. IV, с. 53.

74. ВС, т. IV, с. 53 — 54.

75. Там же, с. 56.

76. Stryjkowski M., указ. соч., т. 2, с. 413.

77. ПСРЛ, т. 29, с. 308.

78. ВС, т. IV, № 22.

79. ПСРЛ, т. 29, с. 309.

80. Levenelavii. // HRS, т. I, с. 16; Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. — СПб., 1893, с. 327-328.

81. ПСРЛ, т. 29, с. 309.

82. Hejdenstejnii. // HRS, т. 2, с. 101, Oderborni, указ. соч., с. 225; Cobencelii. // HRS, т. 2, с. 19; Gvagnini. // HRS, т. 2, с. 213; ПР, с. 11-163; ВС, т. IV, № 22.

83. ПСРЛ, т. 29, с. 310.

84. Stryjkowski M., указ. соч., т. 2, с. 357.

85. Oderborni, указ. соч., т. 2 с. 226; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. — Л., 1925, с. 116; ПСРЛ, т. 34, Пискаревский летописец, с. 190.

86. Gornicki L., указ. соч., с. 159.

87. ПСРЛ, т. 29, с. 310.

88. Oderborni., указ. соч., с. 226.

89. Есть основания предполагать, что Безнин был автором «памяти», легшей в основу летописного известия о взятии Полоцка. Указанное известие несет отчетливые следы авторского начала, и автором его мог быть только очевидец событий зимней кампании 1562 — 63 гг., участник боевых действий и переговоров. Поиск упоминания самого автора в тексте известия выводит на трех лиц, соответствующих данным критериям: дворового воеводу П. И. Горенского, есаула у дозорщиков М. А. Безнина, И. С. Черемисинова, обязанностью которого было «за государем ездити». Первый из них едва ли мог заниматься заготовкой памяти для составления летописи, отправляя одну из ответственнейших во всей армии должностей. И. С. Черемисинов потерпел во время переговоров неудачу, а автор памяти едва ли стал бы писать о себе плохо. Остается Безнин, на авторство которого указывают, во-первых, его дальнейшие занятия летописанием, во-вторых, служба при А. Адашеве во время похода на Феллин, где он мог впервые ознакомиться с летописным делом, коим занимался Адашев, наконец, анализ произведений М. А. Безнина, сделанный по известной методике Л. И. Бородкина — Л. В. Милова, скорее, подтверждает авторство Безнина, нежели опровергает оное. См. о Безнине: ВС, т. IV, с. 41, 42; РИО, т. 71, с. 94, 139, 142, 177 — 180, 183; ПСРЛ, т. 29, с. 310—316; РК 1475 — 1598 гг. — М., 1966, с. 177, 180, 185, 189 — 192, 230, 236, 250, 277, 340, 365; РК 1559 — 1605 гг. — М., 1974, с. 90, 98, 143 — 144, 171, 173, 177, 187, 192, 200 — 201, 217, 245, 261; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. — М.: Наука, 1986, с. 114; Мордовина С. П. Станиславский А. Л.

Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археологический ежегодник за 1976 г. — М.: Наука, 1977, с. 181; Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 2. — М.: АН СССР, с. 437, 440, 446, 456, 492; Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь. — Л.: Наука, 1991, с. 19—22; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России: (Конец XV—XVI вв.). — М .,1977, 157 — 160; Скрынников Р. Г. Царство террора. — СПб.: Наука, 1992, с. 229, 233, 444, 474, 515, 520; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — XVII вв. — М.: Наука, 1986, гл. 3; Он же, Безднинский летописец конца XVI века // Записки отд. рукописей ГБЛ, вып. 38. — М., 1977; Нирбок (Кобрин) В. Б. Михаил Безнин — опричник, монах, авантюрист // Вопросы истории 1965, № 11; Waugh D. Cl. Two unpublished Moscovte Chronicles. — Oxf. Slavonic Papers, new ser., V. XII, 1979, и др.

М. А. Безнин — личность примечательнейшая. Возвышение его началось именно с Полоцка. Впоследствии Безнин стал видным опричником, воеводой и дипломатом, получил чин думного дворянина. Это был образованный человек, летописец и, в преклонные уже годы, — библиотекарь Иосифо-Волоцкого монастыря.

Согласно знаменитой описи царского архива XVI столетия в ящике № 220 хранились «списки и грамоты ис Полотцка... князь Петра Серебряного» (Государственный архив России XVI столетия. — М., 1978, ч. 1, с. 93). Но едва ли стоит считать автором летописной повести о взятии Полоцка кн. П. С. Серебряного, поскольку он числился под Полоцком одним из воевод полка правой руки, стоявшего в Задвинье, и не мог быть очевидцем ни боевых действий, ни переговоров. (ПСРЛ, т. 29, с. 305). Указанные же «списки и грамоты» датируются либо вт. п. 1563 г., когда кн. Серебряному приказано было принять участие в «сыске границ Полотцкого повета», или же летом 1567 г., когда он охранял строительство нового города Копие в 70 верстах от Полоцка (Временник ОИДР, 1856, Тетрадь..., с. 20; ПСРЛ, т. 29, с. 355).

90. ПСРЛ, т. 29, с. 310.
91. Там же, с. 310.
92. Пашуто В. Г., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. — М.: Наука, 1982, с. 119 — 125.
93. Oderborni указ. соч., т. 2, с. 225.
94. ПСРЛ, т. 29, с. 313.
95. Stryjkowski M. указ. соч., т. 2, с. 413; ПСРЛ, т. 29, с. 310.
96. Cobencellii, // HRS, т. 2, с. 19.
97. ВС, т. IV, с. 120.
98. ПСРЛ, т. 29, с. 311.
99. Stryjkowski M., указ. соч., т. 2, с. 413; Согласно разряду Сапунова и известию в Лебедевской летописи Голубицкий погиб не ранее 10-12 февраля (ВС, т. IV, с. 53; ПСРЛ, т. 29, с. 311).
100. Stryjkowski M., указ. соч., т. 2, с. 413; Gornicki L., указ. соч., с. 159.
101. ПСРЛ, т. 29, с. 310.
102. Лебедевская летопись: 11.160 чел., плюс те, кто вышел «по воеводским полком и в татарские станы... тем же не бе числа» (ПСРЛ, т. 29, с. 310). Стрыйковский: 20 тыс. чел., и эта цифра, видимо, самая приемлемая (Stryjkowski M., указ. соч., т. 2, с. 413). «Кройника литовская и жемойтская» дает 24 тыс. чел., но источник поправки неясен, а известие изобилует неточностями (ПСРЛ, т. 32, Кройника литовская и жемойтская. с. 110).
103. ПСРЛ, т. 29, с. 311.
104. Kronika Marcina Bielskiego. // ZDP, т. 1, с. 557; Gornicki L., указ. соч., с. 159; ВС, т. IV, № 22, с. 54.
105. Stryjkowski M., указ. соч., т. 2, с. 413; Даўгяла З. Polociae moenia (Гістарычна-тапаграфічны нарыс Полацкіх умацаванняў). 1928, с. 227-228. (Отдельный оттиск).
106. Герберштейн С. Записки о московских делах. — СПб., 1908. с. 77—78.
107. Manstein. Memoirs of Russia, historical, political and military... — 1754, с. 407-408.
108. Stryjkowski M., указ. соч., т. 2, с. 413; ВС, т. IV, с. 53; ПСРЛ, т. 29, с. 311.
109. ПСРЛ, т. 29, с. 313.
110. ПСРЛ, т. 29, с. 311—313; ВС, т. IV, с. 121—122.
111. Kronika Marcina Bielskiego... Sanok, 1856, т. 2, с. 1145-1146.
112. ПСРЛ, т. 32, с. 110; т. 31, Мазуринский летописец, с. 3 (Предисловие), с. 137—138.
113. ВС, т. IV, с. 232.
114. ПЛ, вып. 2, с. 243—244.
115. Шмурло Е. Известия Джиованни Тедальди о России времен Иоанна Грозного // ЖМНП, 1891, № 5, с. 127—129.
116. ВС, т. IV, № 22.
117. Скрынников Р. Г., указ. соч., с. 156; РИО, т. 71, с. 137, 141, 143, 366.
118. ПСРЛ, т. 35, Румянцевская летопись, с. 213.
119. Levenclavii. // HRS, т. I, с. 16.
120. А.Каппелер считает, что в описании первых лет Ливонской войны Левенклавий следует «Historia» Бреденбаха, а с 1560г. он явно почти целиком основывается на печатных источниках, весьма немногословен, кое-где даже допускает ошибки, указ. соч., с. 44. У Бреденбаха, кстати говоря, описания борьбы за Полоцк зимой 1562-63гг. нет.
121. Форстен Г. В., указ. соч., с. 328—329.
122. Штаден Г., указ. соч., с. 116; и совершенно легендарный характер носит записанное И. Берлиным устное предание полоцкой еврейской общины — Берлин И. Сказание об Иване Грозном и о разгроме еврейской общины в Полоцке // Еврейская старина, 1915, вып. 2.
123. ВС, т. IV, с. 122.
124. ПЛ, вып. 2, с. 244.
125. ВС, т. IV, с. 122.
126. ПСРЛ, т. 34, Пискаревский летописец, с. 190.
127. Gornicki L., указ. соч., с. 160.
128. ВС, т. IV, с. 63; ПСРЛ, т. 29, с. 318.
129. ВС, т. IV, с. 63.
130. ПСРЛ, т. 29, с. 318.
131. ПСРЛ, т. 35, Румянцевская летопись, с. 213; ПСРЛ, т. 13, Никоновская летопись, с. 302; Stryjkowski M., указ. соч., т. 2, с. 413; Gornicki L., указ. соч., с. 160.
132. ВС. т. IV, с. 121; Oderborni, указ. соч., с. 226.
133. ВС, т. IV, с. 64.
134. Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der aus landischen Druekschriften seiner Zeit. — Frankfurt / M., 1972, с. 116.
135. Тарасаў С. В. Дэмаграфічная структура Полацка XI—XVII стст. па гісторыка-археалагічных крыніцах // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. — Полацк, 1992, с. 60.
136. Известно, что полочане жили в Твери и Торжке, и часть их погибла во время опричных погромов этих городов. (Шлихтинг А. Новое известие о России времен Ивана Грозного. — Л.: АН СССР, 1934, с. 33—34).

137. Штаден Г., указ. соч., с. 116.
138. Штаден Г., указ. соч., с. 117; ПСРЛ, т. 29, с. 355.
139. Скрынников Р. Г., указ. соч., с. 307.
140. Государственный архив России..., ящик 227, комментарий с. 530—531 (ч. 3); ящик 223, комментарий с. 512 (ч. 3).
141. Heidenstejnii. // HRS, т. 2, с. 118.
142. Чечулин Н. Д. Города Московского государства, — СПб., 1889, с. 217.
143. Флетчер Дж. О государстве русском. — СПб., 1905, с. 71—73.
144. ВС, т. IV, с. 57—64; ПСРЛ, т. 29, 316—319.
145. Kappeler A., указ. соч., с. 116.
146. Форстен Г. В., Балтийский вопрос..., с. 328; Форстен Г. В. Акты..., № 33; Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, вып. I, 1916, № 123.
147. Gornicki L., указ. соч., с. 160; Listy oryginalne Zygmunta Augusta..., № 104; Oderborni, указ. соч., с. 226.
148. ПСРЛ, т. 29, с. 316; Форстен Г. В. Балтийский вопрос..., с. 328.
149. РИО, т. 71, с. 121, 124; ПСРЛ, т. 29, с. 318.
150. АЗР, т. 3, с. 118, 121, 131.
151. Скрынников Р. Г., указ. соч., с. 162.
152. Русские летописи с особой силой подчеркивали именно этот момент, как большие, принадлежащие к кругу лицевого летописания (ПСРЛ, т. 29, с. 312—313), так и краткие летописцы, например, Костровский: «царь... ходил на литовскую землю и отчину свою град Полотеск взял, и отчича его, литовского пана Довойна поимал и к Москве сослал». (Тихомиров М. Н. Малоизвестные памятники XVI в. // Исторические записки АН СССР, вып. 10, 1941, с. 91).
153. ПСРЛ, т. 29, с. 314—316.
154. Безнинский летописец, Костровский летописец — указ. соч., краткий летописец из собрания ГПИБ — Конволют № 615, 442441 ОИК 25085—25093, л. 3 об., летописец Игнатия Зайцева (Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // Исторический архив. V, М.-Л.: АН СССР, 1950).
155. Середонин С. М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века. — СПб., 1891, с. 16—18.

[ЗАКЛЮЧЕНИЕ]
(из завершающей главы „Борьба Литвы и Руси за Полоцк в XII-XVII вв: периодизация“)

С древнейших времен Полоцк и Полоцкая земля развивались совершенно обособленно и были своего рода особой зоной в Древней Руси. Борьба Литвы и Руси за обладание Полоччиной более полутысячелетия являлась доминантой в социально-политической истории этой земли.

К началу XIV ст. оформилось Литовско-Русское государство с центром в белорусском городе Новогрудке. Логика объективного процесса дальнейшего сближения Литовско-Русского и Полоцкого княжеств ввиду угрозы их независимости подводила к объединению в одно государство (пусть и несколько рыхлое по своей структуре). Несомненно, основу в этом государстве должна была составить Полоцкая земля. Так и произошло в 1307 г. Была заключена «уния» об образовании единого государства с сохранением самой широкой самостоятельности собственно Полоцка. Период самостоятельности княжества в условиях существования в рамках Литовско-Русского государства продолжался с 1307 г. по 1399 г. Конец Литовско-Русскому государству пришел в 1377 г., когда умер Ольгерд Гедиминович. Дело в том, что вышеназванный период был ознаменован княжением Андрея Ольгердовича — выдающегося деятеля белорусской истории, выступавшего за полный суверенитет своей земли. Именно Андрей Ольгердович стоял во главе «русской партии», которая ратовала за развитие Полоцкой земли в рамках Восточнославянской цивилизации. Однако, после смерти Ольгерда верх взяли другие силы, стоящие за «литовский» путь развития. С 1377 г. по 1399 г. великие князья Литовские, уже переродившиеся из Литовско-Русских, насаждали свои порядки и вели целенаправленную деятельность по искоренению самостоятельности Полоцкой земли. К первой половине XV ст. относятся последние попытки восстановления суверенитета Полоцкого края.

В середине XV в. Полоцк уже не является центром отдельного княжения, великие князья Литовские сажают в Полоцке своих наместников. Но в рамках Великого княжества Литовского город имеет высокий статус. Он сохраняет право на некоторые самостоятельные дипломатические сношения. Полоцкие наместники играют важную роль в решении крупных внутриполитических проблем Великого княжества, а также весьма часто выполняют функции послов в Москве. Полоцкая епископия обладает значительным авторитетом.

Продолжительный мирный период середины — конца XV в., благотворный для белорусских городов, был гарантирован их пребыванием в составе мощной державы, каковой и являлось тогда Великое княжество Литовское. Однако в конце XV в. военно-политический потенциал Литвы оказывается недостаточным для удержания всей государственной территории. Осколки Золотой Орды и молодое Московское государство наносят Ягеллонам ряд ощутимых ударов, до поры до времени не коснувшихся Полоцкой земли, прикрытой порубежными районами. На рубеже XV — XVI вв. великий князь литовский Александр предпринимает попытки насильственного окатоличивания белорусских и южнорусских земель, отчасти задевшие и Полоцк, что в значительной мере подорвало его и без того непрочные позиции в этих регионах.

В результате целой серии московско-литовских войн 1490 — 1530-х гг. к Московскому государству присоединяются обширные территории, ранее входившие в состав Великого княжества Литовского, Полоцк лишается своего «прикрытия» и в период 1501—1535 гг. дважды становится операционной базой для польско-литовских войск и несколько раз — целью походов войск московских. Полоцкая земля, постоянно пребывая в районе ведения боевых действий, терпит страшное разорение.

Тем не менее, в следующий длительный мирный период 1530—1560-х гг. Полоцк вновь восстанавливает

свои силы и пользуется славой одного из самых богатых и многолюдных городов Великого княжества. К середине XVI в. на основе древнерусской культуры на Полотчине формируется собственная оригинальная культура, уникальным образом позволявшая близкое соседство православия, католичества, весьма рано обосновавшегося в Полоцке протестантизма, а также иудаизма, обогащенная древней местной письменной традицией и новейшими идеями реформации и гуманизма, проникавшими из Западной Европы.

Однако, трагедия Полоцкой земли состояла в том, что с XV в. уже не могло быть никакой речи о самостоятельном государственном существовании белорусских земель, и, следовательно, наилучшим вариантом в контексте постоянных московско-литовских столкновений было максимально безболезненное и ненасильственное, но прочное закрепление этого региона за Литвой или Московским государством. Но ни московские государи, ни короли польские не сумели этого сделать, весьма мало обращая внимание на интересы местного населения в своей ожесточенной борьбе. Иван IV, заняв Полоцк в 1563 г., депортировал его жителей на долгий срок в Московское государство. Едва ли вернувшиеся через несколько лет на свои родные места полочане могли испытывать преданность по отношению к московскому царю. Кроме того, распространение власти Московских митрополитов на Полоцк автоматически ликвидировало возможность существования там каких-либо иных конфессий, помимо православия. Иван IV рассчитывал сохранить за собой Полоцкую землю навсегда и устраивался в ней «по-хозяйски»: в 1563—71 гг. территория Полоцкого повета была описана московскими воеводами, в самом городе были возведены новые укрепления, а в прилегающих к нему местностях было построено несколько новых крепостей — Ситно, Касьян, Копие и т. д. Была образована архиепископия с центром в Полоцке, и первый архиепископ Полоцкий и Великолуцкий, Трифон Ступишин, поставлен был из Москвы в 1563 г.[1], хотя в то же время польскими королями продолжали назначаться архиепископы Полоцкие, Витебские и Мстиславские, зависимые от Киевской митрополии.[2] Из Москвы полоцкие архиепископы поддерживались «подмогой» — вероятно, им присылали деньги и хлеб.[3] Однако, удержаться в Полоцке Ивану IV удалось всего на полтора десятилетия, не в последнюю очередь, очевидно, из-за нелюбви местного населения. Например, полякам Стефана Батория помогал полочанин Коссонский.[4]

В 1579 г. король Стефан Баторий берет Полоцк. Во взятом городе он ведет себя более осторожно и милостиво, нежели Иван IV, во всяком случае, Полоцк был избавлен от ужасов взятия Великих Лук 1580 г. Но из города была вывезена в Польшу драгоценная библиотека Софийского собора и иная добыча.[5] Стефан Баторий церемонился с интересами местного населения не более Ивана Грозного. Он привел в город иезуитов и отдал им в 1582 г. православные церкви и монастыри, хотя большая часть горожан в то время исповедовала православие.[6]

В конце XVI — первой четверти XVII вв. начинается волна насильственного введения униатства, которой не избег и Полоцк. Конфессиональные конфликты достигают большой остроты, что порождает общую социально-политическую нестабильность в регионе. В середине XVII в. Полоцк представляет собою слабое место, самый ненадежный участок в обороне Польско-Литовского государства против России.

Таким образом, недальновидность как Ивана IV, так и польских королей, лишает их в борьбе за Полоцк поддержки местного населения. Город же, страдая от бесконечных войн и стихийных бедствий (чума 1566 г., голод, многочисленные пожары) во второй половине XVI—XVII вв. постепенно приходит в упадок, теряет свое древнее величие и великолепие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПСРЛ, т. 29, Лебедевская летопись. С. 319.
2. ВС, т. V. С. XLI.
3. Государственный архив России XVI столетия. Подготовка текста и коммент. Зимина А. А. — М.: 1978, Ч. 1, С. 93. Ч. 2, С. 378.
4. Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582). — СПб.: 1889. С. 96—97.
5. Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582) — СПб.: 1915. С. 105—106.
6. ВС, т. V. № 49.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

АСД — Археографический сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси. — Вильно, нач. вып. с 1867.

АХ (Акты Хорошкевич) — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. — М.: АН СССР, чч. 1-5, 1977—1985 (Подг. изд. и комм. А. Л. Хорошкевич).

Временник ОИДР — Временник Общества Истории и Древностей Российских. М.

ВС — Сапунов А. Витебская старина.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения, СПб.

ПЛ — Псковские летописи. Под ред. А. Н. Насонова.

ПР — Полоцкая ревизия 1552 г. Изд. Лаппо И. И., 1905.

ПСРЛ — Полное Собрание Русских Летописей.

РИО — Сборник Императорского Русского Исторического Общества, М.

РК — Разрядная книга.

СА — Советская археология, (журнал).

ЧОИДР — Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских.

HRS — Historiae Ruthenicae scriptores exteri caeculi, XVI, Berlin-Petropolis.

ZDR — Zbior Dzieiopisow Polskich, Warszawa.

Д. М. ВОЛОДИХИН

ПОВЕСТЬ В КАМНЕ

(Граффити на стенах Спасского собора Спасо-Ефросиньева монастыря в Полоцке)

Город Полоцк — в числе древнейших в русской истории. Он упоминается в начальной летописи под 862 годом, но археологи утверждают, что на этом месте значительно раньше существовал племенной центр кривичей. В XI-XIII веках Полоцк был столицей сильного самостоятельного княжества. Его князь Владимир Полоцкий первым встретился лицом к лицу с крестоносцами, задолго до Александра Невского. Затем город входит в состав Великого княжества Литовского и вновь, после временного упадка XIII века испытывает подъем, став крупнейшим в княжестве торгово-ремесленным центром с населением до 50 тысяч жителей. Для Восточной Европы позднего средневековья это была впечатляющая цифра. В 1498 году Полоцк получил Магдебургское право — право на городское самоуправление по западноевропейскому образцу. Но в конце XVI—XVIII веках город попадает в орбиту ожесточенных войн Москвы и Польско-Литовского государства, не раз переходит из рук в руки. Полоцкое население разоряется и покидает город. Ремесло и торговля приходят в упадок. Последний удар городу нанесла война 1812 года, когда под Полоцком шли тяжкие, кровавые бои. В 1817 году в Полоцке не насчитывалось и 3500 жителей. За сто семьдесят с лишним лет своего дальнейшего существования город успел вновь подняться и окрепнуть, но былого величия уже не достиг.

Отнюдь не одни войны привели цветущий город к упадку и запустению. Была и иная причина, во многом, очевидно, определившая и то ожесточение, с которым на полоцкой земле воевали в XVI—XVIII веках. Об этой причине могут поведать источники, от которых можно менее всего ожидать лжи или тенденциозности, — полоцкие соборы, документы эпохи в камне.

В Полоцке соседствуют православная Богоявленская церковь XVIII века, где до недавнего времени была картинная галерея, лютеранская кирха, в которой находится сейчас краеведческий музей, бернардинский кляштор и коллегиум иезуитов. Великолепнейший собор города — собор св. Софии середины XI века — изначально православный, впоследствии был перестроен униатами. Город, находившийся в сфере влияния одновременно западной и восточной цивилизаций, собрал в своих стенах представителей самых разных вероисповеданий. Городская культура Полоцка синкретична, полиэтнична, она родилась и существовала в условиях многоязычия. Сколь же важным было для жителей сохранять конфессиональный мир и согласие и сколь печальными и разрушительными были ПОСЛЕДСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОГО РАЗДОРА.

Пожалуй, более всех других мог бы рассказать Спасский собор Спасо-Ефросиньева монастыря. Собор был построен в XII веке, когда св. Ефросинья Полоцкая основала здесь свой монастырь. До наших дней дошли уникальные фрески внутри собора, частично восходящие к XII веку. Сейчас над их восстановлением работают реставраторы из Минска.

Но есть в соборе нечто еще более редкое и удивительное, чем даже древние фрески. Боковые стены храма, алтарная часть, столпы и хоры буквально испещрены многочисленными надписями-граффити, сохранившимися в таком количестве, в каком их нельзя встретить ни в одном из древнерусских храмов. Граффити стали объектом внимания многих исследователей: их изучали И. И. Срезневский, Т. В. Рождественская, В. А. Плугин, И. З. Залилов. В 1979-80 годах И. З. Залилов обследовал граффити и прочитал 23 древнерусские надписи. Он считает, что всего надписей не менее ста. Автору этих строк представляется, что граффити — многие сотни.

Характер граффити ясно показывает: полочане относились к собору, как к величайшей религиозной святыне. На стенах его делали поминальные надписи или увековечивали важнейшие события в жизни города. Например: «Месяца аугуста у 23 на память отца Каленика преставися раба божия Соломонида». Или: «Месяца авоуста во 3 день преставися Коузьминая (жена?) писца иконьного». А вот самая известная надпись из Спасского собора: «В лето седмотисячное преставися король, а сынъ его Олександръ на княженье селъ того ж лета месяца июля 31 день а у Полотску был на 5-е лето». И. З. Залилов датирует надписи XIII веком по аналогии с начертанием букв в рукописных книгах и берестяных грамотах того времени, а также граффити соборов Киева и Новгорода. Что же касается последней надписи, то она, говоря о посещении Полоцка Великим князем Литовским Александром, содержит в себе дату: «в лето седмотисячное... а у Полотску был на 5-е лето», т. е. в 7005 году от Сотворения мира, и, значит, в 1497 году от Рождества Христова.

Поминальные надписи, скорее всего, делались на стенах собора и в алтаре с разрешения монахинь и за плату. Вероятно, родственники умерших считали, что, помещая надписи с именами покойных в соборе, основанном особо чтимой святой, можно добиться у св. Ефросиньи покровительства для них.

Ряд надписей, в том числе и одна из приведенных выше, имеют даты, относящиеся к XV веку, когда Полоцк был в составе Великого княжества Литовского. Очевидно, в те времена полоцкие наместники еще не считали нужным препятствовать распространению культа православной святой, хотя уже к концу XV века относятся первые попытки введения католичества в русских землях княжества.

В 1563 году Иван IV взял Полоцк, и монахини, устрашенные известиями о крутом нраве царя, разбежались из обители. До 1579 года, когда войска Стефана Батория вновь заняли город, монастырь пустовал. При Батории монастырь становится резиденцией иезуитских вице-генералов, самих генералов и руководителей основанного в Полоцке коллегиума, а затем и академии.

Иезуиты получили в свое распоряжение многочисленные здания православных храмов. Однако, попавший в их число Спасский собор не понадобился им ни для служб, ни для обучения. Очень долгое время — в конце XVI века и в XVII веке собор был открыт и служил просто-напросто архитектурной достопримечательностью.

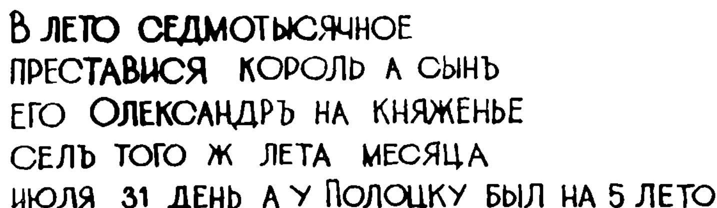
К этому времени и относится вторая группа надписей, гораздо более многочисленных, чем древнерусские, и сделанных на польском и латинском языках. Чаще всего среди них встречаются граффити XVII века, но самые ранние относятся еще к 80-м годам века XVI. Датировать их несложно — любопытствующие школяры писали свои имена и рядом ставили год, в котором они посетили собор, например: Ioannes Gielew... Anno Domini 1636 («Иоанн Жеилев... лето господне 1636»). Или: Grigorius Szacilow 54... («Григорий Шацилов, 54...»—1654, очевидно).

Вопрос об отношениях православных, католиков и униатов на белорусских землях очень сложен и запу-

тан. Море чернил истрачено историками, доказывавшими наличие или отсутствие религиозного конфликта, утверждавших разную степень его силы. Граффити показывают существование серьезного антагонизма: отношение к православной святыне было крайне неуважительным и даже пренебрежительным. Надписи резали в келье св. Ефросиньи, резали по изображениям святых на фресках, по нимбу. Оставляли в храме даже такие «автографы»: «Hic fuit Wenceslaus Hubicky» («Здесь был Венцеслав Хубицкий», рядом имеется граффити того же автора, относящаяся к 1587 г.).

Конечно, граффити нуждаются в дальнейшем изучении и в первую очередь — в том, чтобы вся совокупность надписей была снята и зафиксирована. Но уже сейчас по изменению в конце XVI века характера записей в Спасском соборе можно было сделать заключение, дополняющее информацию других источников: во второй половине XVI века религиозная рознь начала свое разрушительное воздействие на культуру. И действительно, **политика насильственного введения католицизма, а затем, после заключения Брестской церковной унии 1596 года — униатского вероисповедания, сопровождалась притеснениями православного населения.** Естественно недовольство горожан создавало нестабильную политическую обстановку: полочане участвовали в антиуниатском восстании в Витебске 1623 года, легко открыли ворота русским войскам в 1654 году. Таким образом, вопросы религии, столь тонкие, столь болезненные для всякого истинно верующего человека, оказали решающее влияние на политику.

Автор этих строк не хотел бы быть необъективным: после присоединения Полотчины к Российской империи уничтожение унии в 1839 г. и политика русификации, проводившаяся в XIX—XX вв. по всей Белоруссии, в том числе и в полоцких местах, породили немало проблем. Однако это ничуть не умаляет ни национально-конфессиональных конфликтов более раннего периода, **ни необходимости всестороннего их изучения с привлечением максимума разнообразных источников.**

Одно из граффити церкви Спаса Спасо-Ефросиньева монастыря в г. Полоцке, XV в. Прорись и прочтение И. З. Залилова. (В специальной исторической литературе публикуется полностью впервые).

А. П. САПУНОВ

Пребывание императрицы Екатерины II в Полоцке[1]

В 1780 г. императрица Екатерина II предприняла путешествие в Могилев, где и произошло свидание ея с императором Иосифом II. Свидание это имело важныя последствия. Но кроме этой политической цели предпринятаго путешествия, была и другая цель: Великая государыня желала лично осмотреть край, присоединенный к России по первому разделу Польши[2].

Во введении к «Дневной записке» об этом путешествии, между прочим, сказано: «По восприятии ея императорским величеством намерения удостоить всемилостивейшаго своего посещения пять губерней, в новом образе правления устроенных, а именно: Псковскую, Полоцкую, Могилевскую, Смоленскую и Новгородскую, от Правительствующаго Сената, а вследствие его повелений от господ генерал-губернаторов и правящих ту должность, заблаговременно учинены были надлежащия приуготовления постановлением на каждой станции по четыреста по пятидесяти лошадей, приведением в наилучшую исправность дорог и мостов, построением на станциях дворцов и назначением особ, от общества дворянскаго выбранных на каждую станцию для достодолжнаго принятия ея величества».

9-го мая императрица отправилась из Царскаго Села. Путь лежал через гг. Ямбург, Нарву, Гдов, Псков, Остров, Опочку, Полоцк, Сенно, Шклов.

Императрицу сопровождали: Потемкин, Чернышев, Нарышкин, Брюс, Строганов, Барятинский, Ланской, Безбородко, Долгоруков и др.

18-го мая государыня вступила в пределы Полоцкаго наместничества. На границе этого наместничества она была встречена Белорусским генерал-губернатором гр. Захаром Григорьевичем Чернышевым, предводителем дворянства Корфом и др. лицами.

На станции Долосцы (Себежского уезда) был назначен ночлег. Здесь ожидали прибытия ея величества правитель Полоцкаго наместничества, уездный предводитель дворянства Дриссенскаго уезда и земский исправник с заседателями; все эти лица были представлены императрице генерал-губернатором и «жалованы к руке».

В письме из Долосц, от 18-го мая, к вел. кн. Павлу Петровичу и вел. кн. Марии Феодоровне, императрица Екатерина писала: «Вчера приехала я из Острова в Опочку; а оттуда выехала сего утра и на 18-й версте въехала в Белоруссию: с самаго Острова тянутся все холмы да холмики, между которыми множество озер, что очень красиво; здесь население самое разнородное, сплошь да рядом обитают православные, католики, униаты, евреи, русские, поляки, чухонцы, немцы, курляндцы, словом не увидишь двух крестьян одинаково одетых и говорящих правильно на одном наречии; смешение племен и наречий напоминает Вавилонское столпотворение...[3]

На ст. Клястицы (Дриссенскаго уезда), 19 мая, ея величество была встречена уездным предводителем дворянства Дриссенскаго уезда, дворянами, а также бургомистром и городским головою г. Дриссы.

Обеденный стол был на ст. у Сивошина перевоза. На этой станции, как находившейся уже в Полоцком уезде, государыню ожидали дворяне этого уезда с своим предводителем, уездный судья и земский исправник с заседателями и конная штатная команда.

На станции Гамзелево[4], в 9-ти верстах от Полоцка, императрицу встретил генерал-губернатор, правитель наместничества, поручик-правитель, губернский предводитель дворянства с дворянами, губернская конная команда и губернский почтмейстер с 12-ю почтальонами.

В $6^1/_2$ часов вечера Екатерина II вступила в Полоцк.

Въезд императрицы и ея свиты в Полоцк был особенно торжественный: впереди губернский почтмейстер, а за ним 12 почтальонов, потом губернская конная команда верхами. Императрица ехала в открытой вызолоченной карете, милостиво и приветливо кланяясь стоявшему народу; у самой кареты ехал генерал-губернатор Чернышев; позади кареты следовал эскадрон лейб-кирасирского полка, встретивший государыню за 5 верст от города; за кирасирами — запряженныя шестериком придворныя кареты. Пальба из пушек, расставленных по валам, слилась с колокольным звоном во всех церквах и костелах.

У триумфальных ворот, воздвинутых за городом, императрице отдал честь стоявший там лагерем лейб-кирасирский полк. Здесь же государыня была встречена комендантом, городовым магистром и лучшими гражданами. На воротах играла музыка.

От триумфальных ворот, по направлению к городу, стояли по обеим сторонам евреи, а у городских ворот — губернский магистрат; по обеим сторонам улицы до площади стояли городские цехи со своими знаменами и барабанами, «кои приносили ея императорскому величеству поздравление преклонением, по обычаю своему, знамен и барабанным боем». На площади, у присутственных мест, стояли «присутствующие» и канцелярские служители; по другую сторону площади, у иезуитскаго костела (ныне Николаевский собор), — католическое и униатское духовенство: Белорусский оффициал, кс. Пословский, вместе с клиром, а далее построенные в ряд иезуиты, доминикане, базилиане — все в полном облачении с крестами. Императрица прямо проследовала через площадь к православному собору, где была встречена преосвященным Иннокентием, архиепископом Псковским и Рижским. Выйдя из кареты, государыня пешком отправилась в церковь. Прослушав молебен, императрица отправилась в приготовленный для нея деревянный дом, над Двиною (где жил полоцкий губернатор Ив. Мих. Ребиндер); остановиться в каменном, пышно отделанном дворце, на самом рынке, государыня не пожелала, так как стены еще не совсем просохли.

Во все это время продолжался колокольный звон и пушечная пальба; на башнях играла музыка.

В то время, как государыня направилась в приготовленные для нее покои, князь Потемкин, в сопровождении многочисленной свиты, прибыл в кафедральный (униатский) Софийский собор. Здесь князя встретил униатский митрополит Ясон Юноша-Смогоржевский с базилианами пением Te Deum laudamus (Тебе Бога хвалим).

Вечером, в то время когда императрица играла в карты, к ней явился гр. Кобенцель, кн. Понятовский (племянник короля Польскаго) и некоторыя «иностранныя знатныя особы».

В тот же вечер, в доме генерал-губернатора был концерт, на котором «многие знатные приезжие гости находились».

Приготовленная блестящая иллюминация не удалась, по причине дождя и ветра; зато во всех окнах горели свечи; окна иезуитскаго монастыря и конвикта

были украшены, в виде пирамиды, разноцветными лампами; фасад базилианского монастыря был также великолепно иллюминован.

В письме к вел. князю, от 19-го мая, императрица, между прочим, писала: «Я приехала сюда в $6^1/_2$ часов вечера (во вторник) в совершенном здравии... Между окнами моими и Польшею только одна Двина, которая здесь не очень широка. Въезд мой в Полоцк представлял прекрасную картину... Весь день был жаркий и теперь сильный гром. При въезде я видела зрелище совершенно для меня новое: иезуиты, доминиканцы и жиды, стоящие фронтом; последние весьма неопрятны, первые представляли собою величественный маскарад»...[6]

Мая 20, в среду, по утру, в 11 часу, представлены ея императорскому величеству, во первых: под предводительством преосвященнаго архиепископа Псковскаго (Иннокентия) духовеиство римско-католицкое разных орденов, униатское и протестантское; потом от генерал-губернатора — присутствующие в наместническом правлении, палатах и прочих судебных местах, губернский предводитель (Корф) и все дворянство; один каноник от духовенства католическаго, провинциал ордена иезуитскаго (Черневич, он же и ректор иезуитскго коллегиума)[7], так же предводитель губернской говорил ея величеству речи.

Потом угодно было ея императорскому величеству удостоить высочайшего обозрения наместническое правление, палаты, совестный суд, приказ общественнаго призрения и верхний земский суд».[8]

Затем государыня прибыла в иезуитский костел; здесь ее встретил оффициал Пословский в полном облачении; иезуиты в комжах[9] были выстроены в ряд от ворот костела до внутренних покоев, где был приготовлен пышно украшенный трон. Как только ея величество вступила на трон, провинциал произнес речь и поднес ей стихи на латинском языке. Затем наступила торжественная процессия, с пением Te Deum. Во время богослужения императрица стояла на троне, а гр. Чернышев, во время самой процессии, отделил из рядов новициев[10] и представил их ея величеству. После процессии государыня проследовала в иезуитский кляштор и направилась прямо в трапезу, где было все приготовлено для испытания в разных науках воспитанников коллегиума. По краткости времени, ея величество рассмотрела только архитектурные чертежи. Императрице поднесены были искусно нарисованныя триумфальныя колонны с приличными надписями и архитектурными украшениями (kolossy); на одной из этих колонн, Коринфскаго ордера, была надпись: **Justissimae, Sapientissimae, Clementissimae Catharinae II, totius Rossiae Imperatrici**

(справедливейшей, мудрейшей, всемилостивейшей Екатерине II, императрице всея России); на другой колонне, Дорическаго ордера: **Augustissimae ac Invictissimae Catharinae II, Triumphatrici**

(Августейшей и неодолимой победительнице Екатерине II); на третьей колонне, Римскаго ордера: **Catharinae II, Liberalium Artium Protectrici Munificentissimae**

(Екатерине II, щедрой покровительнице изящных искусств). Ея величество милостиво приняла эти рисунки и передала их генерал-адьютанту Ланскому. Затем государыня возвратилась в костел и, похвалив его украшения, отправилась во дворец.

В то время, как императрица находилась в иезуитском костеле и кляшторе, князь Потемкин с блестящею свитою присутствовал на богослужении в Софийском униатском кафедральном соборе; затем, около 4 часов пополудни, во время вечерни, князь находился в иезуитском костеле.[11]

«Обеденный стол изволила ея величество иметь во дворце, к коему приглашены были как иностранныя знатныя персоны, так и первейшия из здешних присутствующих; за столом при питии за Высочайшее здравие ея величества производилась пушечная пальба».

«По полудни представлены ея императорскому величеству штатс-дамою, г-жею генерал-губернаторшею здешнею тутошния дамы, а приехавшия из границы знатныя особы — дежурным камергером, кои имели честь жалованы быть к руке».[12]

Вечером, в доме генерал-губернатора был ужин, а затем маскарад, продолжавшийся за полночь, до 3 часов.

Ночь была тихая, и город был великолепно иллюминован. Рынок, улицы, храмы, дома — все горело разноцветными огнями; особенно блистательно иллюминован был иезуитский костел и кляштор: перед костелом возвышались четыре громадныя пирамиды, высотою равныя самому костелу; на одной из этих пирамид находилась надпись из разноцветный огней:

Victoriis clara, Beneficiis illustrior

(славная победами и еще более знаменитая благодеяниями); на другой пирамиде —

Terror hostium, Amicorum columen, Amor subditorum

(страх для врагов, оплот друзей, любовь подданных); пятая пирамида, равная по величине первым, стояла со стороны, обращенной к дворцу, занимаемому императрицей. На башнях иезутскаго костела играла музыка.[13]

Изящно иллюминован был и базилианский монастырь: «представленная от еврейского кагала на Двине иллюминация» также была великолепна.

О впечатлении этого дня на императрицу можно судить из ея писем. В письме к бар. Гримму находится следующая любопытная заметка об иезуитах. «В Полоцке, 20 мая 1780, по возвращении от иезуитов. Я была у них нынче утром, слушала «Тебе Бога хвалим» и посетила их дома. Там полное веселие. Вчера, въезжая сюда, я была поражена великолепием их представительности. Все остальные католические ордена — свиньи в сравнении с ними. Одно только, что эти люди не пляшут. К нам они пожаловали изо всех стран. Ей-ей покладные люди! У них здесь прекраснейшая церковь. Мне они наговорили всяческих сладостей на всяких языках, кроме только тех, впрочем, которые я разумею. Ах, что за плутовския физиономии есть между ними».[14]

В письме к великому князю Павлу Петровичу, от 21 мая, императрица писала: «С тех пор, как я здесь, постоянный куртаг. Здесь большое стечение мужчин и женщин высшаго полета, приехавших из Польши... Везде ленты голубыя, да красныя, и духовныя лица всякаго покроя. Вчера я смотрела город и посетила коллегию иезуитов. Последние — народ очень веселый. Когда я вошла в церковь коллегии, они тотчас отслужили молебен; так как теперь неделя праздника Тела Божия и св. дары выставлены на поклонение, то они с оффициалом (приходским священником белаго духовенства) во главе, прошли по церкви крестным ходом, что было весьма величественно; три раза проходили они со св. дарами пред местом, приготовленным для меня. Католики становились на колени и шли, чтобы не отстать от них, также преклонялись»...[15]

«Мая 21, в день тезоименитства его императорского высочества, государя великаго князя Константина Павловича, собрались по утру, в 9 часов, во дворец присутствующие в наместническом правлении, палатах и прочих судебиых местах и предводители с дворянством. Ея императорское величество, вышед из внутренних покоев, в 11 часу изволила шествовать в соборную церковь, в коей совершал божественную литургию преосвященный Иннокентий, архиепископ Псковский и Рижский с собором, Ея императорское величество изволила из собора возвратиться во дворец, куда следовали и все присутствующие и предводители с дворянством и, по вступлении в залу, приносили всеподданнейшее ея императорскому величеству поздравление, что и иностранныя знатныя особы учинили».[16]

Обеденный стол был на 100 кувертов, к которому приглашен был помянутый архиепископ, и как приезжия, так и здешния знатнейшия обоего пола пер-

соны; при питии за Высочайшее здравие производилась пушечная пальба.

Вечером во дворце был бал, на котором было от 400 до 500 человек.[17]

Город был иллюминован, так же блистательно, как и 20 числа, только на башне иезуитскаго костела, обращенной ко дворцу, занятому ея величеством, вместо пирамиды, устроен был на транспаранте портрет государыни, окруженный со всех сторон гербами главнейших городов Российской империи.[18]

«Мая 22 — день назначен был к Высочайшему отшествию из Полоцка, а потому все как присутствующие, так городские цехи, мещанство и евреи стали на показанных им местах и по дороге к Могилеву до триумфальных ворот. Ея императорское величество, в 8 ч. по утру, изволила выйти из внутренних покоев и, в сопровождении генерал-губернатора, сесть в дорожный экипаж.[19]

Во время шествия через город производился при всех церквах колокольный звон и играние музыки при монастырях, на башнях; также пушечная пальба.[20] Путь лежал мимо Струни[21]; здесь встретил императрицу униатский архиепископ Полоцкий Ясон Юноша-Смогоржевский, с которым государыня некоторое время милостиво беседовала.[22]

«Из поляков государыню сопровождали: племянник короля польскаго кн. Станислав Понятовский[23], воевода брестский Ян Зыберг, воевода люблинский Игнатий Твардовский, каштелян трокский Андрей Огинский, каштелян полоцкий Фаддей Жаба, писарь скарбовый литовский Юстиниан Щит, староста ошмянский Фаддей Коцелл, староста стародубский Иосиф Храповицкий, староста инлянтский Иосиф Плятер и другие.

«До первой от Полоцка почтовой станции, 32 версты, — имели счастие полоцкие дворяне с предводителем и уездные присутствующие препровождать ея императорское величество, где, не переменяя лошадей, продолжалось Высочайшее шествие до станции Островлян — 27 верст. Здесь изволила ея императорское величество выйти из кареты во дворец и кушать завтрак.

«Отсюда, по перемене лошадей, на ст. Дубовиках, 23 вер., — следовала до почтовой станции, Куриловщина называемой, — 17 вер. На оной изготовлен был для ея императорскаго величества обеденный стол, и ожидали Высочайшаго прибытия дворяне с предводителем Витебскаго уезда, уездный судья с заседателями, земский капитан-исправник с заседателями, бургомистры города Витебска, городской голова, также штатная конная команда; дворянство и уездные присутствующие имели счастие представлены быть ея императорскому величеству от генерал-губернатора и препровождать ея императорское величество до границы Полоцкаго наместничества, к деревне Будилову (Будислово?), лежащей на берегу р. Двины. Правитель Полоцкаго наместничества, губернский дворянства предводитель, так как и полоцкий и витебский предводители с дворянством ея императорскому величеству тут откланялися; а ея императорское величество изволила пересесть из кареты в шлюпку и, по переправе чрез Двину, встречена на берегу, яко на границе Могилевскаго наместничества, генерал-губернатором и другими лицами».[24]

«Во время пребывания ея императорскаго величества в Полоцке собраны были сведения, касающиеся до него и отчасти всей губернии, по коим оказалось:

1) Губерния разделена на уезды, кои составлены из числа душ, установленнаго высочайшими учреждениями, и все места, по тем учреждениям определенныя, находятся в действии, отправляя дела с успехом, так что во всех верхних правлениях нерешенных дел считается только двадцать, а по всем уездам двести десять; колодника нет ни одного; если же от одного срока к другому не все дела очищаются, то сие происходит от того, что нередко оказывается надобность делать справки с заграничными архивами.

2) Собираемые в губернии доходы употребляются на узаконенные в оной же расходы; недоимок же по всей губернии почитается только на двадцать рублей.

3) Оброчныя статьи в казенных оставшихся деревнях переоброчены, из них получается до тысячи трех сот рублей.

4) Город Полоцк, до присоединения его к империи Всероссийской, имел одно токмо именование города, и кроме евреев, мелкий торг производящих, в нем не было почти других мещан. В краткое время торг его внутренними продуктами к Рижскому порту возрастать стал и достиг до того, что одни жители сего города отправляют хлеба, пеньки, льна, леса и поташа на двадцать пять тысяч рублей; а и прочие города сей губернии производят таковой же торг до трехсот тысяч рублей. В губернии основаны заводы стекляиные, кожевенные и поташные; земледелие и скотоводство от времени далее умножается и приводится в лучшее состояние; запасные магазейны заведены.

5) Казенныя строения в городе большею частью окончены, а по уездам с успехом производятся; дороги и почты в надлежащей исправности находятся; в Полоцке и Витебске построены особливо каменные магазейны для хлеба.

6) В Полоцке и других городах сея губернии считается шесть разных училищ, в коих обучаются из дворян до трех сот человек и из мещан сто тридцать человек. Преосвященный епископ Псковский вновь завел в городе Невле школу, в коей начальныя основания учения преподаются с успехом. Нищие в богадельнях призрены, больницы же заводятся.

7) Совестный суд, со времени своего учреждения, предуспел окончить великое множество споров и тем восстановить спокойствие между многими родами и домами. Доверенность, кою жители тамошние к сему месту имеют, есть главнейшею причиною, что суды сея гебернии не столько затруднены делами, как в других губерниях.

8) С распространением земледелия умножилось изобилие и дешевизна в съестных припасах, так что ржи четверть продается от рубля шестидесяти коп. и до рубля, овес — от рубля двадцати коп. и до восьмидесяти коп., пуд сена ниже десяти коп., фунт мяса ниже двух коп.

9) Общия нужды главнейше предъявлены, первое, в межевании; второе, в ссуде городским обывателям, для построения прочным образом их домов; третие, в поправлении тарифа; четвертое, в недостатке медных денег на размен ассигнаций и золотой или серебряной монеты.

«Ея императорское величество, что до пособия городским жителям в строении касается, повелеть изволила господину генерал-губернатору представить мнение свое с исчислением суммы на то потребной; города Полоцка укрепления привести в надлежащее состояние, сходное его положению; межевание, по окончании в ближайших губерниях, ввести; равно как по прочих пунктах ея величество предоставила учинить, в свое время, всемилостивейшее свое решение. Сверх того угодно было ея величеству указать: дать на тамошний Богоявленский благочестивый монастырь пять сот рублей, на гимназию Псковской епархии, в сей губернии основанную, двести рублей, на городские школы в Полоцке и прочих десяти городах по сту рублей, а на все — тысячу сто рублей; на двадцать четыре богадельни во всей губернии по пятидесяти рублей на каждую; на все же тысячу двести рублей; на раздел нищим обоего пола на человека по два рубля, а на сто шестьдесят человек — триста двадцать рублей; монахиням, называемым сестрами милосердия, двести рублей, двум православным монастырям каждому по двести рублей; на двадцать три благочестивыя церкви в губернии на каждую по сту рублей, а на все церкви — две тысячи триста рублей».[25]

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Источники: а) «Дневная записка путешествия Ея Императорскаго Величества чрез Псков и Полоцк в Могилев, а оттуда обратно чрез Смоленск и Новгород». Дневник, составленный гр. Безбородко, напечатан в I т. Сбор. Импер. Исторического Общества. б) Письма Импер. Екатерины II к вел князю Павлу Петровичу и Гримму. Письма напечатаны в IX и XXIII т. того же изд. в). Stebelekiego — «Dwa wielkie swiatla na horyzoncie Polóckiem, t. II. Chronologia.» — Базилианин Стебельский был очевидцем пребывания императрицы Екатерины II в Полоцке.

В «Истории России», С. М. Соловьева, о пребывании Екатерины II в Полоцке ничего не говорится; в роскошно изданной «Истории Екатерины Второй», проф. А. Г. Брикнера, — только несколько слов; несколько подробнее (1 1/2 стран.) говорит об этом проф. Брикнер в своей статье: «Путешествие императрицы Екатерины II в Могилев в 1780 г.» (Русский Вестник 1881 г., август и сентябрь).

[2] В 1772 г. к России присоединены земли между р.р. Днепром, Западн. Двиною и Друтью (Друец), т. е. быв. воеводство Полоцкое (собственно только та часть, которая лежала на правом берегу р. Двины), Витебское, Мстиславское и часть других (1775 квадр. миль с 1.800.000 жит.).

Указом 23 октября 1772 г. Белоруссия разделена на две губ. — Псковскую и Могилевскую, с отделением части первой в состав губ. Новгородской; Псковская губ. была разделена на 5 провинций: две великорусския (Псковская и Великолуцкая) и три присоединенныя от Польши (Двинская, Полоцкая и Витебская); губернский город Псковской губ. — Опочка. (Витеб. Стар. 1, № 107).

В 1776 г., августа 24 из Белорусских провинций, вошедших в состав Псковской губ., повелено составить Полоцкую губ., губернским городом назначен Полоцк. В 1778 г., янв. 10, Полоцкая губ. переименована в наместничество. Указом 12 декаб. 1796 г. губ. Полоцкая и Могилевская соединены в одну — Белорусскую, с назначением губернским гор. Витебска. 27 февраля 1802 г. Белорусская губ. разделена на две: Витебскую и Могилевскую; губернским городом Витебской губ. назначен Витебск.

[3] Сб. Ист. Общ. IX, 47—48.

[4] Клястицы в «Дневной записке» названы Хлястицы, Гамзелева — Замзелево. (Сб. Ист. Об. I, 498).

[5] Письмо писано в 10 час. вечера.

[6] Сбор. Истор. Общ. IX, 48.

[7] Униатский митрополит, архиепископ Полоцкий Ясон Юноша-Смогоржевский, по болезни, не был в числе представлявшихся (Stebelski, 11, 459).

[8] Сбор. Истор. Об. I, 399—400; Stebelski, 11, 459—460.

[9] Род широкой, сборчатой у ворота, короткой белой рубашки, с короткими рукавами.

[10] Вновь поступающие в орден.

[11] Stebelski, II, 460—463.

[12] Сбор. Ист. Об. I, 400.

[13] Stebelski, II, 463—464.

[14] Сбор. Ист. Об. XXIII, 181—182.

[15] Сбор. Ист. Об. IX, 49—50.

[16] Сбор. Ист. Об. I, 400.

Стебельский (Stebelski, II, 464—465) приводит при этом любопытную подробность: «Ожидали прибытия ея императорскаго величества в кафедральную (униатскую) церковь, на замке, где уже было все приготовлено к встрече ея величества и был приготовлен красиво убранный трон. Но известный русский сенатор (pewny senator Rossyjski), относящийся неприязненно к архиепископу и к монастырю нашему (базилианскому), приказав чернецам своим нарочно продлить богослужение, на котором присутствовала государыня, достиг того, что она в означенной кафедре не была, чем осталась весьма недовольною».

[17] Сбор. Ист. Об., IX, 51.

[18] Stebelski, II, 466—472.

[19] В письме, помеченном 22 мая, 8 ч. утра, императрица писала великому князю Павлу Петровичу: «Я выезжаю отсюда (из Полоцка) через час... Погода посвежела здесь после грозы, случившейся третьяго дня; от сильных дождей вода в Двине поднялась и взорвала мост в несколько часов; нам придется переехать Двину на пароме к обеденному времени»... (Сб. Ист. Об. IX, 51).

[20] Сб. Ист. Об. I, 403.

[21] Имение архиеп. униатских в 7 вер. от Полоцка.

[22] Stebelski, II, 473.

[23] «Воспоминания» кн. Ст. Понятовскаго (в переводе на русский язык) напечатаны в «Русской Старине» (сентябрь 1898 г.). Содержание их касается, главным образом, неоднократных поездок Понятовского в Россию и его жизни при дворах императрицы Екатерины II и императора Павла I. — О пребывании в Полоцке сказано несколько слов: «В Полоцке находилась иезуитская коллегия, и императрица, никогда не видевшая католическаго богослужения, пожелала присутствовать на нем. Здание коллегии — красиво, но сама обедня вышла с высшей степени жалкой и нищенской. Императрица соскучилась и, подозвав Понятовского, сказала:

— Признаюсь, у меня было совершенно иное представление об иезуитах.

— Не судите, ваше величество, о них по тому, что видите здесь, — отвечал Понятовский, — но соблаговолите вспомнить, что иезуиты были преторианскою стражею папы».

Это заставило ее рассмеяться, и она терпеливо выстояла до конца обедни».

[24] Сб. Ист. Об. I, 403.

[25] Сбор. Ист. Об. I, 401—402.

Печатается по изданию: Полоцко-Витебская старина. Вып. III. Издание Витебской Ученой Архивной Комиссии — Витебск, Типо-Лит. Насл. М. Б. Неймана, 1916. Стр. 55—67.

І. Л. КАСЦЮЧЭНКА

ПОЛАЦКІ МУШКЕЦЁРСКІ (ПЯХОТНЫ) ПОЛК У ЧАСЫ НАПАЛЕОНАЎСКІХ ВОЙНАЎ

І. ХРОНІКА БАЯВЫХ ДЗЕЯННЯЎ ПАЛКА

Восенню 1806 г. Прусія аб'явіла вайну напалеонаўскай Францыі. Стварылася чацвёртая кааліцыя супраць французаў, у якой прынялі ўдзел Прусія, Англія, Швецыя, Расія. Па загаду Імператара Аляксандра І расейскія войскі пачалі ваенныя дзеянні на тэрыторыі Усходняй Прусіі. У склад іх увайшоў і Полацкі мушкецёрскі полк, што састаяў у 4-й пяхотнай дывізіі (камандзір — Генерал-лейтэнант князь Галіцын 5-ы) корпуса Генерала-ад-кавалерыі Бенігсена.

Баявое хрышчэнне ў кампаніі 1806 г. полк прыняў у бітве пры Пултуску 14 снежня 1806 г. Полацкі мушкецёрскі знаходзіўся ў другой лініі расейскіх войскаў. А 27 студзеня 1807 г. разгарнулася крывавая бітва пры г. Прэйсіш-Эйлау, дзе полк выказаў узор стойкасці і воінскай доблесці.

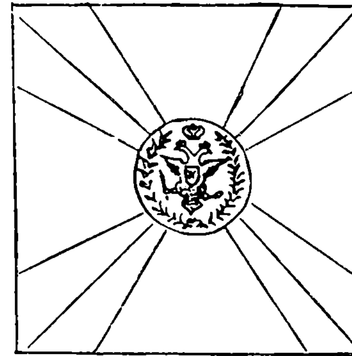
2 чэрвеня 1807 г. расейская армія вымушана даць баталію пры г. Фрыдландзе. Полацкі мушкецёрскі полк размешчаны на правым флангу рускай пазіцыі. Напалеон атакаваў і пасля жорсткага бою прымусіў да адступлення цэнтр і левы фланг арміі Бенігсена. Правае ж крыло, дзе змагаўся Полацкі мушкецёрскі, аказалася ў выніку адыходу галоўных сіл адрэзаным французамі. Войскі Князя Гарчакова, які ўзначальваў правы фланг, па сведчанні рэляцыі таго часу, «трымаліся ўвесь дзень, прыкрываючы адыход рускай арміі ад Фрыдланда». Полацкі мушкецёрскі полк панёс у той дзень цяжкія страты.

У 1808 г. успыхнула руска-шведская вайна. Частка Полацкага мушкецёрскага палка дзейнічала супраць шведаў у Фінляндыі ў складзе корпуса Князя Багратыёна. 16 верасня 1808 г. батальён Полацкага мушкецёрскага прыняў удзел у баталіі пры Хімаісу. А 6 сакавіка 1809 г. батальёны Полацкага палка былі сабраны на востраве Б'ёрке ў атрадзе Генерал-лейтэнанта Барклая дэ Толі, які даслаў 40 мушкецёраў палка разам з 50 казакамі на разведку ў напрамку вострава Гросгрунд (атрад Кісялёва). Пасля 13-гадзіннага паходу атрад знайшоў непрыяцеля на востраве Гольм. 8 сакавіка асноўныя сілы атрада Барклая дэ Толі, пераадолеўшы льды, паўночны вецер, пры 15-градусным марозе атакавалі шведаў на востраве Гольм, дабіўшыся перамогі.

У час Айчыннай вайны 1812 года Полацкі пяхотны полк (да гэтага года мушкецёрскія палкі былі пераіменаваныя ў пяхотныя) знаходзіўся ў чацвёртым корпусе Генерал-лейтэнанта Графа Шувалава, якім у ліпені 1812 г. камандаваў Генерал-лейтэнант Граф Астэрман-Талстой, у 11-й пяхотнай дывізіі Генерал-маёра Бахмецьева. Чацвёрты корпус належаў 1-й Заходняй арміі Генерала-ад-інфантэрыі Барклая дэ Толі.

13—14 ліпеня 1812 года Барклай дэ Толі вылучыў 4-ы корпус у раён Бешанковічаў, каб перашкодзіць Напалеону раздзяліць 1-ю і 2-ю Заходнія арміі. 11-я дывізія была разгорнута ўпоперак вялікага шляху ля Астроўна ў першай лініі. Разам з іншымі палкамі дывізіі Полацкаму пяхотнаму прыйшлося адбіваць моцныя атакі кавалерыі Мюрата — дывізіі Арнана.

Полацкі пяхотны полк таксама ўдзельнічаў у баталіі за Смаленск 4—5 жніўня 1812 года. У бітве пры Барадзіно Полацкі пяхотны полк знаходзіўся на правым флангу пазіцыі рускіх войскаў, дзе армія Барклая дэ Толі скавала сілы левага крыла Напалеона.

Мал. 1. Сцяг узору 1797 года і ягонае наверша.

У кастрычніку 1812 г. запасны батальён Полацкага пяхотнага палка ўдзельнічаў у бітве за вызваленне Полацка ад напалеонаўскіх войскаў.

Пасля баталіі пад Барадзіно Полацкі пяхотны полк разам з арміяй Барклая дэ Толі выканаў знакаміты марш-манеўр М. І. Кутузава на Таруціна 6 кастрычніка 1812 г. Полацкі пяхотны полк біўся пры Таруціне, дзе было нанесена паражэнне войскам Мюрата.

Пры контрнаступленні расейскай арміі Полацкі пяхотны полк апынуўся ў авангардзе расейскіх войскаў пад камандаю Генерала Міларадавіча. 12 кастрычніка 1812 г. Полацкаму палку давялося біцца ў жорсткіх змаганнях за г. Малаяраславец.

Полацкі пяхотны полк працягнуў свой баявы шлях і ў 1813—1814 гадах. Батальён палка 571 чалавек — змагаўся супраць французаў за вызваленне Еўропы ў складзе Сілезскай арміі прускага Генерала Блюхера, у якую ўваходзілі часці 11-й пяхотнай дывізіі Генерала-ад-інфантэрыі Графа Ланжэрона.

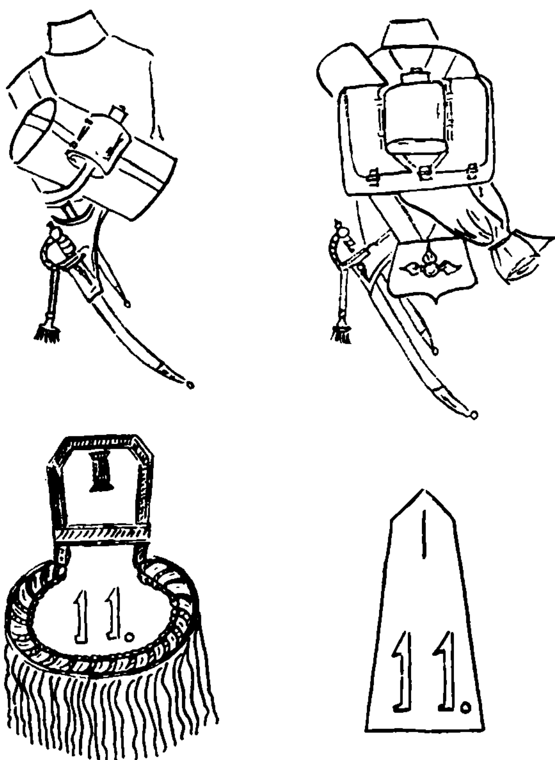
ІІ. АРГАНІЗАЦЫЯ ПАЛКА

З 30 красавіка 1802 г. у Полацкім мушкецёрскім палку мелася тры батальёны: адзін грэнадзёрскі і два мушкецёрскія. Грэнадзёрскі батальён дзяліўся на чатыры роты грэнадзёраў. Кожны мушкецёрскі батальён складаўся з 1 грэнадзёрскай і 3 мушкецёрскіх рот.

12 снежня 1810 г. арганізацыя пяхотных (мушкецёрскіх) палкоў зменена. Полацкі пяхотны полк стаў складацца з 3 мушкецёрскіх батальёнаў (па 1 грэнадзёрскай і 3 мушкецёрскія роты кожны). Кожная грэнадзёрская рота дзялілася ў сваю чаргу на грэнадзёрскія і стралковыя ўзводы. У ваенны час другі батальён Полацкага пяхотнага палка пакінуў свае мушкецёрскія роты на кватэрах у якасці запаснога батальёна. Грэнадзёрская рота другога батальёна ўвайшла ў склад 2-га Зводна-грэнадзёрскага батальёна 11-й дывізіі Зводна-грэнадзёрскай брыгады 4-га корпуса.

Запасны батальён быў прызначаны ў 32-ю дывізію, якая вызначалася для фарміравання 1-й Рэзервовай арміі, а потым 1-га Рэзервовага корпуса Меллера-Закомельскага, але была ўсё ж такі адпраўлена ў корпус Вітгенштэйна.

Згодна штатнага раскладу на працягу 1801—1815 гг. Полацкі мушкецёрскі (пяхотны) полк павінен быў мець з афіцэрскіх чыноў: шэфа палка (армейскага генерала, якім у 1812 г. быў Генерал-маёр Павел Анд-

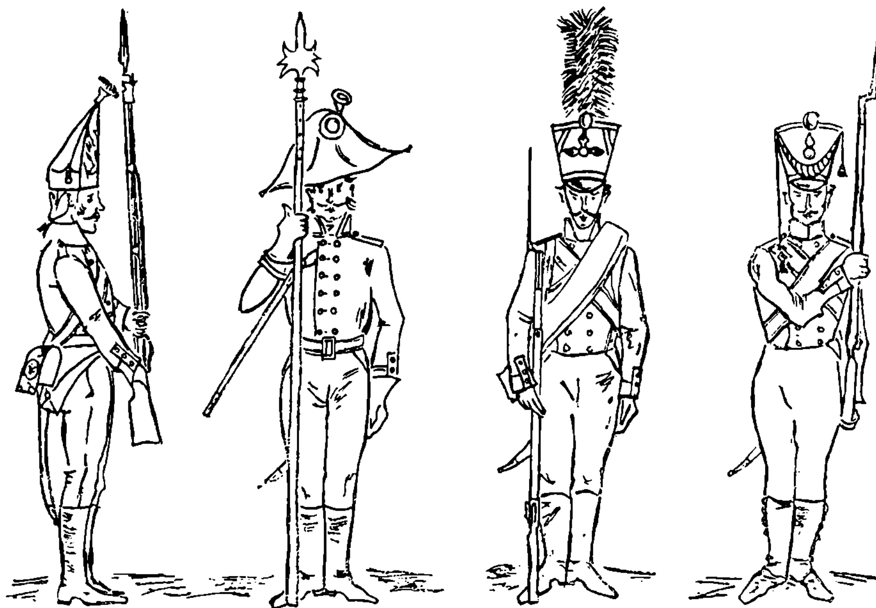
Мал. 2. Уверсе: амуніцыя ніжніх чыноў палка ўзору 1802 года (злева, без патроннай сумы), амуніцыя ўзору 1808 года (справа).
Унізе: эпалет штаб-афіцэраў палка (злева), пагон ніжніх чыноў палка (справа).

рэевіч Філісаў, брыгадны камандзір 11-й дывізіі), палкоўніка, батальённых камандзіраў (падпалкоўнікаў), 4 маёраў, 5 капітанаў, 7 штабс-капітанаў, 12 паручнікаў і 12 прапаршчыкаў. Сярод унтэр-афіцэрскіх чыноў былі: фельдфебелі (12 чалавек), малодшыя унтэр-афіцэры (36), капценармусы (12), падпрапаршчыкі (12). Мушкецёраў полк павінен быў мець 1128, а грэнадзёраў — 564 чалавекі. Акрамя гэтага, у склад палка ўваходзілі ротныя, батальённыя, адзін палкавы барабаншчык, флейтысты і музыкі палкавога аркестра на чале з капельмайстрам, а таксама спецыялісты-майстры (каваль, збройнік, канавал), чыны лекарскай службы, свяшчэннік з царкоўнікам, аудытары.

III. УНІФОРМА
РАДАВЫЯ І УНТЭРАФІЦЭРЫ

На працягу 1801—1815 гадоў уніформа ніжніх чыноў Полацкага мушкецёрскага (пяхотнага) палка змянялася часта і хутка.

6 чэрвеня 1802 года загадам Ваеннага міністэрства прадпісвалася новая форма замест былой старапрускага ўзору, уведзенай пры імператары Паўле І. Радавыя і унтэр-афіцэры атрымалі цёмна-зялёны мундзір фрачнага тыпу: двубортны, з двума радамі (па 6 штук) гузікаў жоўтага металу. Каўнер скошаны, стаячы, расчынены спераду. Каўняры і абшлагі белага колеру. Пагоны (у радавых на абодвух плячах, у унтэр-афіцэраў на правым плячы) жоўтыя, бо полк састаяў у Смаленскай інспекцыі. Адвароты фалдаў мундзіра чырвоныя. Мушкецёрскія батальёны палка ў 1802 годзе насілі шляпы чорнага фетру. На шляпе мелася круглая чорная какарда з аранжавымі лямоўкамі, гузік уверсе жоўтага металу, а таксама тры кісці: дзве па вуглах, а адна ўверсе над какардаю. Гэтая верхняя кісць у унтэр-афіцэраў палка была колеру: на зрэзе дзве чвэрці чорныя і аранжавыя, а дзве другія чвэрці белыя. У радавых першага батальёна кісці былі белыя, у 2-га — жоўтыя, у 3-га — чырвоныя, а сярэдзіна кісці — светла зялёная. Бакавыя кісці былі ў выглядзе шарсцяных снуркоў, тых жа колераў, што і верхняя кісць. Клапаны абшлагоў мундзіра цёмна-зялёныя з трыма гузікамі. Панталоны белыя. Гальштук чорны. Кожнаму мушкецёру палка загадвалася мець шпагу, ружжо, штык, патронную суму, ранец, фляжку. У 1802 годзе ранец быў круглы, чорнай скуры. Амунічныя рамяні белага колеру, з

Мал. 3. Уніформа ніжніх чыноў палка (злева направа):
— Грэнадзёр у 1802 годзе.
— Мушкецёрскі унтэр-афіцэр з эспантонам у 1802 г.
— Грэнадзёр у 1808 годзе.
— Радавы ў 1812 годзе.

дзвюма прашыўкамі па краях. Мушкецёрскія унтэр-афіцэры адрозніваліся ад радавых мушкецёраў тым, што на іхніх мундзірах па ніжняму і пярэдняму краям каўняроў і па верхняму краю абшлагоў нашываўся залаты галун прыкладна ў 1,5 см шырынёй. Узброй-валіся мушкецёрскія унтэр-афіцэры алебардай, шпагай. З амуніцыі мелі — ранец, флягу. Для кожнага унтэр-афіцэра абавязковай была палка.

Ніжнія чыны грэнадзёрскіх рот адрозніваліся ад іншых чыноў палка тым, што насілі грэнадзёрскія шапкі ўзору 1802 г. Спераду ў гэтых шапак меўся шчыт (бляха) меднай латуні, на аколышы — па баках і ззаду — па адной меднай грэнадзе. На блясе амаль ва ўсю вышыню — адлюстраванне двухгаловага арла з відарысам св. Георгія на грудзях. Суконны верх шапкі (заднік) быў белы, аколыш — жоўты. Вакол бляхі і па нізе аколыша ішла чорная аблямоўка. Па швах суконнага верху мацавалася белая ніцяная тасьма. Кісці на грэнадзёрскіх шапках размяшчаліся па таму ж узору, што і на мушкецёрскіх шляпах. У 1-м батальёне чатыры унтэр-афіцэры ў кожнай роце мелі вінтавальнае ружжо і падсумак, у астатніх — алебарды. У 2-м і 3-м батальёнах грэнадзёрскія унтэр-афіцэры мелі алебарды. У астатнім жа грэнадзёры і грэнадзёрскія унтэр-афіцэры насілі такое ўзбраенне і амуніцыю, што і мушкецёры палка.

У 1805 годзе ў Полацкім мушкецёрскім палку ўводзяць для ўсіх нестраявых і страявых чыноў замест грэнадзёрскай шапкі і мушкецёрскай шляпы цыліндрычную шапку (пазней яе сталі называць ківерам). Султан прысвоены на ёй толькі грэнадзёрам. У грэнадзёрскім батальёне на ківеры спераду грэнада.

У 1807 г. у расейскай пяхоце сістэма колераў адзнакі мундзіраў была зведзена да аднаго колеру — чырвонага. Каўняры шынялёў і мундзіраў, абшлагі мундзіраў становяцца чырвонымі, клапаны на іх паранейшаму цёмна-зялёныя. На жоўтых пагонах Полацкага палка ўстаноўлена з 15 снежня 1807 г. чырвоная шыфроўка — надпіс «II», які вызначаўся нумарам дывізіі. З таго ж часу ківер абшываецца зверху і па ніжняму краю чорнай скурай.

14 ліпеня 1808 г. замест какарды і грэнады над казырком на ківеры прызначана насіць для мушкецёраў палка — грэнаду з адным агнём, а для грэнадзёраў — грэнаду аб трох агнях. У мушкецёрскіх батальёнах адменены кісці. У гэты ж час уведзены ў выкарыстанне новы ўзор ранца: чатырохвугольны, чорнай скуры, з белымі рамянямі. Да яго мацавалася фляга белага металу на белых рамнях. На патроннай сумцы вызначана мець такія грэнады, як на ківерах ніжніх чыноў.

11 чэрвеня 1809 г. на ківерах Полацкага палка для нашэння ўведзены белы этышкет (падвес). Алебарды ў жніўні гэтага ж года пакінуты толькі для фельдфебеляў. А ў 1811 годзе яны ўвогуле адменены ва ўсім палку.

23 снежня 1809 года павелена змяніць рапейкі на галаўных уборах ніжніх чыноў. У 1-м батальёне яны сталі бела-зялёныя, у 2-м — зялёна-белыя, у 3-м — чырвона-жоўтыя.

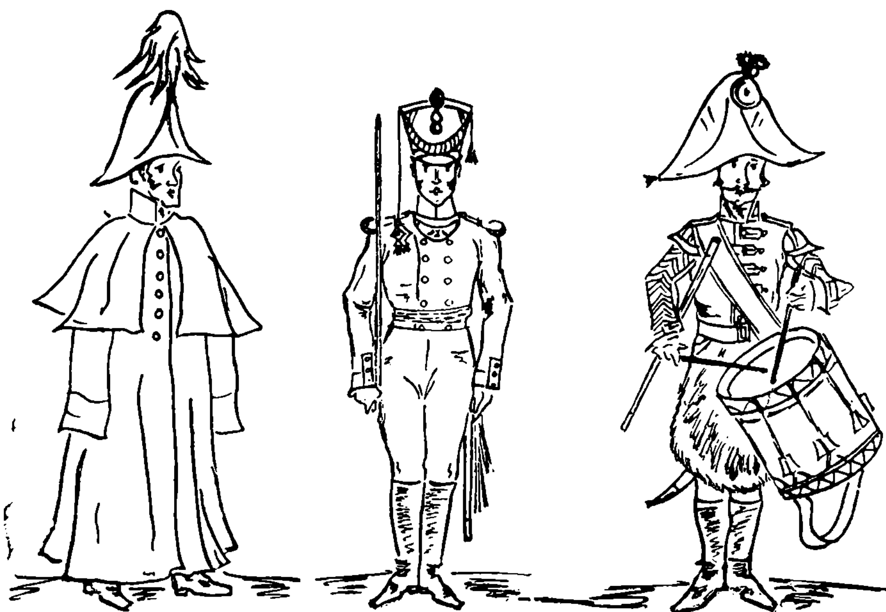
З 1810 г. на ківерах усіх чыноў палка ўведзена падбародная чашуя жоўтага металу, плоская.

З пачатку 1812 г. аблічча радавых і унтэр-афіцэраў палка зноў мяняецца. Усім чынам палка загадана насіць ківер новай формы, з вялікім развалам уверсе, больш нізкі, чым ківер ранейшага ўзору. У грэнадзёраў палка на гэтым ківеры мацуецца высокі і вузкі султан. Але малаверагодна, што ківер узору 1812 г. полк насіў у кампанію Айчыннай вайны, бо ківеры новага ўзору спярша паступілі толькі ў гвардзейскія часці, блізкія да сталіцы — г. С.-Пецярбурга.

Каўнер мундзіра ў гэты час таксама мяняе форму, становіцца закрытым, больш нізкім. Ён зашпільваецца на кручках спераду.

АФІЦЭРЫ

Згодна рэформы абмундзіравання 1802 года афіцэры Полацкага мушкецёрскага палка атрымалі мундзір такога ж крою, як і ніжнія чыны. Але ў адрозненне ад унтэр-афіцэраў афіцэры палка ў 1802 г. мелі пагоны на абодвух плячах. Афіцэрскія шляпы рабілі з чорнага фетру. Наперадзе іх мацаваўся бант чорнай стужкі з аранжавымі лямоўкамі і залатая шытая пятліца з васьміканчатковай зоркаю. Кісці на

Мал. 4. Уніформа афіцэраў і музык палка:
— Афіцэр у паходнай форме (шынель) 1802—1812 гг.
— Обер-афіцэр 1812 г.
— Палкавы барабаншчык у 1802 годзе.

вуглах шляпы сярэбраныя, з прымессю чорнага і аранжавага шоўку, якія мацаваліся на снурках такіх жа колераў. Султан шляпы быў з чорных пер'яў пеўня.

Замест гальштука афіцэры палка насілі чорную хустку, завязаную ззаду на шыі. Абавязковымі былі таксама пальчаткі белай скуры, без краг. Уніформу афіцэра дапаўнялі паясны шарф (з сярэбраных ніцяў з прымессю чорнага і аранжавага шоўку), нагрудны знак (гаржэта). Узбройваліся афіцэры шпагай з сярэбраным цемляком, эспантонам (толькі обер-афіцэры). Штаб-афіцэры і ад'ютанты на ботах насілі шпоры, бо гэтым чынам у страі палагалася быць вярхом на канях. Чэпракі і чушкі (сумкі для пісталетаў) пры конскім уборы былі цёмна-зялёныя, іх упрыгожваў залаты галун у адзін рад па краю. 29 чэрвеня 1803 г. чэпракі і чушкі дадзены ў войскі новага ўзору: цёмна-зялёныя, але выпушка чырвоная, лампас чырвоны, залаты галун у два рады.

10 сакавіка 1807 г. у палку адменена нашэнне эспантонаў для обер-афіцэраў, як і нашэнне палак (раней усе афіцэры павінны былі па-за строем абавязкова насіць палкі ўзору, як пры Паўле I). 17 верасня 1807 г. пагоны на афіцэрскіх мундзірах заменены эпалетамі: залатымі, поле жоўтае. Обер-афіцэры мелі эпалеты без бахрамы, а штаб-афіцэры з тонкай бахрамой. Эпалет прадзяваўся праз контр-пагончык на мундзіры і быў такога ж колеру, што і сам эпалет. Ён зашпільваўся на гузік, прышыты ля каўняра.

З 15 снежня 1807 г. на эпалетах афіцэраў змяшчаецца чырвоны нумар «11» (нумар дывізіі).

У лістападзе 1808 г. уведзены новы ўзор афіцэрскага знака, які стаў удвая карацейшым, з выпуклымі абадамі і накладным двухгаловым арлом пасярод. Знак насіўся на чорнай стужцы з аранжавымі лямоўкамі ўпрытык да каўняра. Прапаршчыкам палка знак палагаўся ўвесь сярэбраны, Падпаручнікам — сярэбраны, абадок залаты, Паручнікам — сярэбраны, арол залаты, Штабс-капітанам — сярэбраны, абадок і арол залатыя, Капітанам — залаты, арол сярэбраны. У штаб-афіцэраў (Маёр, Падпалкоўнік, Палкоўнік) знакі ўсе цалкам залатыя.

З 1809 г. афіцэры пачынаюць у страі насіць ківер (узору як і ніжніх чыноў). Этышкет з 1811 г. становіцца ўвесь сярэбраны.

У 1812 г. пры парадах у страі ўсе афіцэры насілі мундзіры сюртучнага тыпу, з даўгімі фалдамі. Колер адваротаў, каўняра, клапанаў абшлагоў і саміх абшлагоў такі ж, як у ніжніх чыноў. Обер-афіцэры мелі чорныя чатырохвугольныя ранцы на белых рамнях.

На паходзе адзенне афіцэраў было разнастайным. Выкарыстоўвалі фуражную шапку з чырвоным аколышам і зялёным верхам, сюртук цёмна-зялёнага колеру, шэры шынель з чырвоным каўняром і пелерынай, паходныя штаны грубага і тоўстага сукна з бакавой зашпількай на абцяжныя гузікі і з абшыўкай у прамежнай частцы чорнай скурай.

У цяжкі час Айчыннай вайны 1812 года, калі краіна адчувала вялікі недахоп сродкаў, усім афіцэрам дазвалялася замяняць золата і серабро ў аздабленні мундзіраў на больш танныя матэрыялы: медзь, белевыя ніці.

МУЗЫКІ І БАРАБАНШЧЫКІ

У асноўных рысах уніформа музыкаў і барабаншчыкаў Полацкага мушкецёрскага (пяхотнага) палка нагадвала форму ніжніх чыноў. Але для выдзялення музыкаў з агульнай масы салдат мундзіры барабаншчыкаў, флейтыстаў дадаткова ўпрыгожваліся галунными нашыўкамі. Ротныя барабаншчыкі грэнадзёрскіх і мушкецёрскіх рот апраналіся, як радавыя грэнадзёры або мушкецёры, але на рукавах яны мелі цёмна-зялёныя наплечнікі. Белая ніцяная тасьма шырынёй у 1,5 см нашывалася па ніжніх краях наплечнікаў і па краю левага заносу ў палову гэтай шырыні, так што адна палова яе была бачна, а другая схавана пад сукном. Упоперак наплечнікаў і на рукавах тасьма ў 6 радоў нашыта на ўсю шырыню. На левым заносе і на клапанах абшлагоў супраць петляў і гузікаў яна складзена ўдвая ў выглядзе пятліц. Пагон ротныя барабаншчыкі мелі толькі на адным правым плячы.

Ротныя флейтысты грэнадзёрскіх рот апраналіся, як ротныя барабаншчыкі, але пагон на левым плячы.

Аднолькавае з ротнымі барабаншчыкамі мелі адзенне і батальённыя барабаншчыкі, але тасьма на рукавах нашывалася ў 7 (а не ў 6) радоў і дадаткова яшчэ па ўсіх швах, па борту левага боку і на фалдах уздоўж абкладак. Пагон толькі на правым плячы. На каўнеры і абшлагах залаты унтэр-афіцэрскі галун. Кісць грэнадзёрскай шапкі і мушкецёрскай шляпы, а таксама аколыш цемляка — белага, аранжавага і чорнага колераў.

Палкавы барабаншчык і музыкі палкавога аркестра ў Полацкім мушкецёрскім палку апраналіся, як батальённыя барабаншчыкі мушкецёрскіх батальёнаў палка. Палкавы і батальённыя барабаншчыкі выходзілі ў строй з барабанамі.

Барабан палагаўся ў 1802 г. меднай латуні, без герба. Абручы барабанаў афарбаваныя звонку цёмна-зялёнымі і белымі (з боку латуні) трохвугольнікамі, вяроўкі і спускі белыя. Барабан насіўся на выбеленай перавязі, якая мела два гнязды для барабанных палак, а таксама рамяшок для прывязвання барабана. Флейтны футляр быў жоўтай медзі, насіўся на белым ласіным рамні. Барабанныя палкі фарбаваліся ў чорны колер. Кожны барабаншчык, каб не так хутка знасіць абмундзіраванне, на пояс падвязваў спецыяльную завесу з цялячай скуры, шэрсцю наверх.

Усе музыкі ўзбройваліся шпагай узору 1796 г., пазней — цесаком.

СЦЯГІ

На працягу ўсіх кампаній барацьбы з Напалеонам, у якіх прымаў удзел Полацкі мушкецёрскі (пяхотны) полк, гэта часць мела сцягі ўзору 1797 г., якія былі дадзены палку ў 1798 г.

Сцяг меў выгляд квадратнага палатна, кожны бок якога быў даўжынёй у 2 аршыны. Сшываліся сцягі з 9 кавалкаў шоўку (сярэдняе кола, 4 канцы крыжа і 4 вуглы). Збоку прышываўся кавалак тканіны — запас, які абгортваўся вакол дрэўка і прыбіваўся да яго цвікамі. Дрэўка было 4 з паловай аршыны даўжыні. Зверху да яго мацавалася наверша ў выглядзе трубкі з плоскім кап'ём, у сярэдзіне якога быў прарэзаны відарыс двухгаловага арла. На ніжні канец дрэўка мацаваўся металічны наканечнік — падток. Ніжэй наверша падвязвалася сярэбраная тасьма, як на афіцэрскіх цемляках (але крыху шырэйшая) (2-х аршын (1,42 м) даўжыні, з сярэбранымі кісцямі. Кола сцяга аранжавае. У палкавым сцягу крыж белы, а вуглы цёмна-карычневыя з ружовым (злева верхнія паловы ружовыя, справа цёмна-карычневыя). У астатніх пяці сцягаў палка крыж быў цёмна-карычневы, а вуглы ружовыя.

Малюнкі размяшчаліся толькі ў сярэдняй частцы сцяга, малявалі іх алейнымі фарбамі, золатам. Змяшчалі двухгаловага арла чорнага колеру з узнятымі крыламі і з дзвюма каронамі на галовах і адной вялікай каронай зверху. На грудзях арла — шчыт з Маскоўскім гербам, акружаны ланцугом св. Андрэя Першазванага, у правай лапе арол трымае скіпетр, а ў левай — дзяржаву. Вакол арла дзве зялёныя лаўравыя галіны, перавязаныя блакітнай Андрэеўскай стужкай. Дрэўкі ўсіх сцягаў палка былі чорнага колеру, пад колер барабанных палак, дрэвак эспантонаў і алебард.

БІБЛІЯГРАФІЯ І МАТЭРЫЯЛЫ

1. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Части 10—11. С.-Пб., 1899.
2. Габаев Г. Роспись русским полкам 1812 года. Киев. 1912.
3. Звегинцев В. Русская армия. Часть 4. Париж, 1956.
4. Материалы В. П. Турусова (рукописи). Санкт-Петербург.

28-й Пехотный Полоцкий полк

СТАРШИНСТВО
с 1769 г. Августа 30.

ПОЛКОВОЙ ПРАЗДНИК
6 августа

1769 г.	— Учрежден в составе 4 батальонов С.-Петербургский Легион.
1775 г. Марта 6.	— Из половины С.-Петербургского Легиона сформирован Полоцкий Пехотный полк, в составе 2-х батальонов, с егерскою командою в 60 человек, последняя в 1777 г. отчислена на составление особых егерских батальонов.
1796 г. Ноября 29.	— Полк назван Мушкетерским.
1798 г. Октября 31.	— Мушкетерским Генерал-Майора Сназина.
1799 г. Мая 7.	— Мушкетерским Генерал-Майора Тинькова.
1801 г. Марта 31.	— Полоцким Мушкетерским.
1811 г. Февраля 22.	— Переименован в Пехотный.
1833 г. Января 28.	— С присоединенным 14-м Егерским полком переименован в Егерский и приведен в состав 6 батальонов.
1854 г. Марта 10.	— Вновь сформированы 7-й и 8-й батальоны.
1856 г. Апреля 17.	— Полк назван Пехотным, а 23 Марта 4-й действующий батальон переименован в 4-й резервный и отчислен в резервныя войска; 5-й, 6-й, 7-й и 8-й батальоны расформированы.
1863 Апреля 6.	— Из 4-го резервного батальона и бессрочно-отпускных 5-го и 6-го батальонов сформирован того же названия резервный полк, наименованный 13-го Августа Серпуховским Пехотным.
1864 Марта 25.	— Полк назван 28-м Пехотным Полоцким.

ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ

1). Полковое знамя Георгиевское с надписями: «За оборону Правод против Турецкой армии в 1829 году» и «1769—1869», с Александровскою юбилейною лентою.

2). Серебряные трубы с надписью: «За усмирение Венгрии в 1849 году», пожалованныя 20 Декабря 1849 года.

3). Знаки на шапках, с надписью «За Севастополь в 1854 и 1855 годах», пожалованныя 30 Августа 1856 года во всех 4-х батальонах.

Печатается по изданию: Гренадёрские и Пехотные Полки по 1 Апреля 1898 г. Справочная Книжка Императорской Главной Квартиры (Без указания места, года издания и пагинации).

В. К. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ВИТЕБСКАЯ ГУБЕРНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Конец XVIII и начало XIX века ознаменованы были в жизни всей Европы рядом крупных событий, с которыми связано имя императора французов Наполеона Буонапарте. Это же имя осталось навсегда неизгладимым и в летописях русской истории, как связанное с тяжелым временем в истории нашего отечества, когда народ русский напрягал все свои нравственныя и материальныя силы для борьбы с грозным завоевателем.

Если Наполеон и не мог серьезно думать о покорении России, слишком далекой и необъятной, то, по меньшей мере, ему казалось вполне достижимым заставить русскаго Государя подчиниться его политике и содействовать осуществлению его планов, а именно примкнуть к прочим европейским государствам в общей борьбе их с Англией, в которой Наполеон видел смертельнаго своего врага и для гибели которой готов был все принести в жертву. Казалось, Наполеон мог мечтать об этом потому, что в войне с Австрией и Пруссией 1805—1807 гг., союзницей которых была Россия, русския войска потерпели поражение, и Император Александр I, не желая более испытывать военное счастье, согласился на мир с Наполеоном, который и был заключен в Тильзите. Русский Государь все же был опасен для Наполеона, и, заключая с ним мир, французский император старался идти на уступки и приобрести дружбу Александра I. Во время тильзитскаго свидания Наполеон уверял Государя в своей искренней дружбе, соглашаясь разделить только с ним власть почти над всей Европой. Но этот гениальный

честолюбец уже тогда, повидимому, думал о владычестве над всей Европой; он был господином Западной Европы и мечтал распоряжаться судьбами Восточной Европы. Император Александр I явился препятствием, и неизбежно должна была возгореться великая борьба. Известны слова Наполеона: «Через пять лет я буду владеть светом... Остается одна Россия, но я подавлю ее»... Наполеон хотел виновником борьбы выставить перед всей Европой Императора Александра I, обвиняя последняго в неисполнении условий тильзитскаго мира. Александр I искренно желая избавить Россию от ужасов борьбы, предлагал Наполеону придти к соглашению, лишь бы последний не предъявлял требований, несогласных с честью и интересами России. С 1807 по 1812 год продолжалось неопределенное положение, а с 1810 года Наполеон старался подготовить все средства к войне, стягивая войска подвластных ему европейских государств к западным границам России. Император Александр I, зная об этих приготовлениях, также принимал оборонительныя меры, чем вызывал недовольство Наполеона. Насколько вся Западная Европа трепетала перед всесильным Наполеоном, показывает то, что даже Австрия, которой недавно помогал Император Александр I, и Пруссия, сохранившая свою самостоятельность только благодаря заступничеству последняго перед Наполеоном, должны были примкнуть к императору французов в предстоящей борьбе с Россией. Наполеон думал поднять против России Швецию и рассчитывал на продолжение военных действий со стороны Турции, бывшей в то время в войне с Россией, но его расчеты не оправдались. Швеция даже выразила желание помогать России, а с Турцией к началу военных действий против французов был заключен мир.

Император Александр не раз перед войною писал Наполеону, предлагая найти путь к соглашению, но Наполеон, желая войны, умело отклонял подобныя предложения, обвиняя Государя в неискренности.

Император Александр понимал трудности предстоящей борьбы и сказал французскому графу Нарбонну, указывая на карту России: «Я не ослепляюсь мечтами; я знаю, в какой мере император Наполеон великий полководец, но на моей стороне, как видите, пространство и время. Во всей этой враждебной для вас земле нет такого отдаленнаго угла, куда бы я не отступил, нет такого пункта, который я не стал бы защищать, прежде чем согласиться заключить постыдный мир. Я не начну войны, но не положу оружия, пока хоть один неприятельский солдат будет оставаться в России». Таким заявлениям Императора Александра Наполеон не придавал значения, считая их лишь простыми словами, сказанными с целью запугать его; Наполеон был уверен, что стоит только начать войну, одержать одну победу, и Россия сложит перед ним свое оружие, как это сделала вся Западная Европа. Наполеон ошибался, и заявления Императора Александра о твердом решении защищаться до крайности не были пустым звуком.

В виду энергичных приготовлений Наполеона, русская вооруженныя силы были собраны у западных границ России в числе до 218 тысяч. Так как неизвестно было, в каком месте намерен был Наполеон вторгнуться в Россию, а сам он распускал слухи о том, что главныя силы будут сосредоточены в герцогстве Варшавском, а с юго-запада двинет свои войска Австрия, русское войско для защиты всей западной границы пришлось расположить на громадном расстоянии и разъединить наши силы на три части. 1-ая армия, под командой военнаго министра генерала-от-инфантерии Барклая де-Толли, до 127 тысяч человек при 550 орудиях, была растянута от Кейдан Ковенской губернии до Лиды Виленской губернии на протяжении 175 верст, с главной квартирой в Вильне; 2-ая армия, под командой генерала-от-инфантерии Багратиона, до 48 тысяч человек при 216 орудиях, имела главную квартиру в Волковыске Гродненской губернии и растянута была на протяжении 40 верст; 3-ья же армия, под командой генерала-от-кавалерии Тормасова, в количестве до 43 тысяч человек при 164 орудиях, была расположена в Волынской губернии, с главной квартирой в Луцке. Назначение последней армии — действовать на тот случай, если бы с юго-запада Австрия двинула свои 30 тысяч. Правый фланг 1-ой армии составлял корпус графа Витгенштейна, которому поручено было охранять дорогу на Петербург.

Наполеон сосредоточил у западной границы до 600 тысяч человек при 1772 орудиях. В состав его армии входили войска до 20 европейских народностей, которыя должны были подняться на призыв Наполеона.

В России не предполагали, что грозный завоеватель может привести столь большую армию, и русския войска оказались по численности значительно слабее неприятельских. Вот почему первоначальный план войны пришлось изменить.

Перед началом войны, по плану генерала Фуля, предполагалось разделить главную армию на две части, чтобы при движении Наполеона одна часть действовала с фронта, а другая с фланга.

На реке Западной Двине в Дриссе Витебской губернии были сделаны укрепления, и, по плану Фуля, 1-ая армия Барклая де-Толли должна была привлечь сюда Наполеона и вступить с ним в бой, тогда как 2-ая армия Багратиона ударила бы с фланга. Это было бы возможно при равных силах с обеих сторон, но армия Наполеона оказалась слишком большой, чтобы можно было осуществить этот план. Пришлось изменить план в том смысле, чтобы соединить две армии в одну, но осуществить это тотчас же оказалось уже затруднительным, так как Наполеон находился между двумя армиями и стремился, не дав им соединиться, разбить каждую в отдельности. В ночь на 12 июня 1812 года Наполеон перешел русскую границу через Неман у города Ковны и, взяв безпрепятственно этот город, перенес сюда свою главную квартиру. Известие о переходе Наполеоновых войск через русскую границу было получено ночью 12 июня в Вильне, где пребывал в это время Император Александр I. При известии о столь быстром движении неприятеля Государь принужден был выйти из Вильны с войсками, так как оборонять этот город не представлялось возможности. 16 июня Наполеон безпрепятственно занял Вильну.

Император Александр сейчас же издал манифест о начале войны и еще раз, верный своему миролюбивому настроению, послал к Наполеону, бывшему уже в Вильне, генерал-адъютанта Балашова с предложением начать переговоры под условием, чтобы Наполеон отвел свои войска обратно за Неман. Наполеон сказал Балашову насмешливо: «Неужели вы думаете, что я привел столько войск, чтобы посмотреть на Неман?» На расспросы Наполеона об удобных дорогах, ведущих к Москве, Балашов дал такой достойный ответ: «Русские, как и французы, говорят, что к Риму можно пройти по всякой дороге. В Москву тоже ведут многие пути. Карл XII туда шел на Полтаву». Намек Балашова на поражение Карла XII при Полтаве не понравился Наполеону.

Переговоры были отвергнуты им.

Когда выяснилось громадное количество неприятельских войск, решено было отступать некоторое время, уничтожая на пути заготовленные запасы, увозя перевозочныя средства, приводя в негодность пути сообщения и действуя лишь отдельными отрядами, а тем временем обе армии должны были соединиться. К тому же отовсюду ожидались подкрепления.

Наполеон решил направиться к Москве. Он говорил: «Если я займу Киев, я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму ее за голову; заняв Москву, я поражу ее в сердце». Вместе с тем Наполеон старался не допустить соединения армий Барклая де-Толли и Багратиона, при чем сам он с главными силами действовал против 1-ой армии Барклая, а преследование 2-ой армии Багратиона было поручено маршалу Даву. Последний столь стремительно прес-

ледовал Багратиона, что тот, отступая, отодвинулся от первой армии на расстояние до 250 верст. Наполеон выразил твердую уверенность, что «Багратион с Барклаем более не увидятся».

Как было уже упомянуто, в Дриссе был устроен укрепленный лагерь и здесь предполагалось дать битву Наполеону. 26 июня Император Александр прибыл в Дриссу. Здесь 27 июня Государь издал манифест о наборе рекрут по 5 человек с 500 в губерниях: Витебской, Могилевской, Волынской, Подольской, Лифляндской и Эстляндской, а Дунайской армии, свободной после заключения с Турцией мира, было приказано двинуться на Волынь для соединения с армией Тормасова. В Дриссе опытный военный инженер граф Мишо высказал Государю свое мнение о недостатках принятой позиции. Последняя тянулась в длину версты на четыре от города Дриссы до деревни Шатровой вдоль леваго берега Двины и в ширину версты на три. Укрепления были сооружены здесь в три линии и прикрыты с правого фланга двойным палисадом, а с леваго фланга, со стороны леса, переносной засекой; через Двину на случай отступления было устроено четыре моста: два против центра лагеря и по одному против обоих флангов. Подробный осмотр лагеря Императором Александром действительно обнаружил недостатки его. Во-первых, в полуверсте от леваго фланга находился лес, который давал возможность подойти неприятелю, пользуясь этим естественным прикрытием; затем, спуски к Двине были довольно круты и неудобны; весь лагерь был изрезан оврагами, затрудняющими сообщение между отдельными частями лагеря, а, главное, лагерь, находясь в стороне от главных путей, мог быть обойден с обеих сторон неприятелем по правую сторону Двины и отрезан от всякой помощи. Убедившись в указанных недостатках Дрисских укреплений, Император Александр приказал оставить лагерь и направляться вдоль Двины к Витебску для предполагавшагося соединения с армией Багратиона. Надо было торопиться, потому что Наполеон двинулся с главными силами не прямо от Вильны к Дриссе, а через Глубокое Виленской губернии и Докшицы Минской губернии в обход Дрисскаго лагеря с юго-востока, чтобы отрезать 1-ую армию от остальных войск.

2 июля 1-ая армия переправилась на правый берег Двины, чтобы направиться к Витебску. 3 июля генерал Кульнев, стоявший у Придруйска, произвел рекогносцировку, с целью узнать силы и местонахождение неприятеля, вступил здесь в бой с французскими передовыми отрядами и заставил их отступить.

Оставив 1-ый пехотный корпус у Покаевцев Витебской губернии для охраны пути на Петербург, 1-ая армия двинулась вверх по правому берегу Двины и 6 июля прибыла в Полоцк. Предполагалось сначала, переправившись на левый берег Двины между Полоцком и Витебском, двинуться через Сенно к Орше, чтобы скорее достигнуть соединения двух армий; но, благодаря отсутствию продовольственных складов на этом пути, Барклай де-Толли отменил этот план, и армия продолжала двигаться к Витебску, где и сосредоточилась 11 июля, при чем одна часть войска остановилась на реке Лучесе, на пути к Бешенковичам, другая — у Витебска и третья — у Стараго Села.

Французская армия тоже направлялась к Витебску несколькими колоннами. Маршал Удино, с 1 июля безуспешно три дня атаковавший динабургския укрепления, оставил, наконец, Динабург и двинулся вверх по Двине к Дриссе; разорив оставленный там лагерь, Удино направился к Полоцку. Мюрат, подкрепленный войсками Нея и Даву и кавалерией Нансутти и Монбрюнна, двинулся к Дисне, а оттуда — по направлению к Бешенковичам. Через Глубокое шла гвардия Наполеона, через Докшицу вице-король Иеронии, брат Наполеона, со своим корпусом; эти силы прибыли к Бешенковичам 12 июля одновременно с Мюратом. Наполеон приказал навести здесь мост через Двину; легкая кавалерия была пущена на другой берег вплавь. В Бешенковичах Наполеон пробыл три дня. В усадьбе до сих пор сохранилась комната, в которой он жил, в том виде, в каком она была в то время.

Император Александр оставил Полоцк ночью 6 июля, выехал в Смоленск, а 12 июля ночью был уже в Москве, чтобы своим присутствием воодушевить все слои населения на борьбу с врагом. Действительно, русское население слилось в одном порыве придти на помощь отечеству, и на призыв Государя полились щедрыя пожертвования и собирались десятками тысяч вооруженныя люди.

Между тем Барклай де-Толли намеревался идти из Витебска навстречу 2-ой армии, но когда пришло известие, что Наполеон приближается к Витебску, нужно было отказаться от этого шага. Так как вступить в бой с неприятелем, превосходившим вдвое силы русския, Барклай де-Толли не решился, то решено было выйти из Витебска и направиться к Смоленску; чтобы задержать неприятеля и выиграть время, командующий 1-ой армией приказал 12 июля генерал-лейтенанту Остерману двинуться навстречу врагу. Передовые неприятельские отряды принуждены были отступить и русская кавалерия преследовала их до Островны; 13 июля подошел с войсками Мюрат, а к Остерману на помощь — Коновницын. В этот день и на другой Остерман и Коновницын удерживали неприятеля, значительно превосходившаго их силами, и выказали в этих боях геройскую храбрость. Еще раз 15 июля Барклай де-Толли послал графа Палена с 14 баталионами и 32 эскадронами при 40 орудиях задерживать неприятеля, чтобы безопаснее можно было отступить из Витебска и отойти возможно далее. С ранняго утра до 5 часов вечера русский отряд удерживал большия неприятельския силы. Во время этих боев русские потеряли 3764 человека, а неприятель 3704. В этот день русская армия оставила свою позицию и направилась к Смоленску тремя колоннами: на Сураж, Поречье и Рудню.

Наполеон, не надеясь более помешать соединению 1-ой и 2-ой армий и видя утомление войск вследствие недостатка провианта и жары, доходившей в тени до 28 градусов, решил прекратить преследование русской армии и отдохнуть в Витебске. Французския войска заняли пространство между Витебском, Суражем, Рудней, Бабиновичами и Бешенковичами. Уже теперь главныя силы Наполеона значительно ослабели: от 220 тысяч, бывших под его непосредственным начальством при переходе через Неман, к Витебску подошло лишь около 150 тысяч.

Когда сделалось известным, что 1-ая армия не будет защищать Витебск и оставляет его неприятелю, все городския власти во главе с генерал-губернатором Витебским, Могилевским и Смоленским герцогом Александром Виртембергским принуждены были выехать из города, при чем дела разных казенных учреждений были перевезены в. г. Невель, куда выехало также много чиновников, дворян и купцов. Кто мог, наскоро собирали свое имущество и вывозили на возах или экипажах. Всю ночь с 15 на 16 июля витебляне провели в страшном безпокойстве, спеша выехать благополучно из города, так как с минуты на минуту можно было ожидать прихода неприятеля. Герцог Александр Виртембергский дня за два до занятия Витебска неприятелем объявил гражданам, «чтобы они, в случае, если город будет оставлен, не противились неприятелю, а в чувствах и сердцах хранили бы долг верности своему Государю Императору Александру I, и что он оставляет по себе комендантом в Витебске бригадира Храповицкаго».

Рано утром 16 июля вошли в Витебск передовые французские отряды и начали подыскивать помещения для штаба, императора и военачальников. Скоро вступили в город главныя французския силы по улицам Заручевской, Замковой и Смоленской, и выстроились по сторонам их в ожидании въезда Наполеона. В 7 часов утра, окруженный своими генералами, оде-

тыми в блестящие мундиры, въехал в город Наполеон, одетый, как всегда, скромно, в сером походном сюртуке и треугольной шляпе. Верхом на лошади, он двигался медленно между рядами приветствовавших его солдат. Проехав Смоленскую улицу, Наполеон проскакал по петербургской дороге версты три, чтобы осмотреть местность, и вернулся в город. Для него было приготовлено помещение в генерал-губернаторском доме. Рассказывают, что войдя в комнату, Наполеон отстегнул шпагу, бросил ее на стол, на котором лежали карты России, и сказал: «Я здесь остановлюсь, ознакомлюсь с местностью, соединю корпуса моей армии, дам ей отдохнуть и устрою Польшу. Военныя действия кампания 1812 года окончены; будущий год окончит остальное».

Опасаясь атаки с нашей стороны, Наполеон старался укрепить город. С этой целью построены были укрепления, состоящия из высокаго остроконечнаго частокола с насыпанным перед ним земляным валом, на Заручевье — у еврейской синагоги, Задуновье — перед мостом, у Смоленской заставы и за рекой у церкви св. Симеона; в самой церкви были помещены орудия, и окнами французы воспользовались для обстреливания в случае надобности противоположнаго берега. Через Двину было построено три моста. Ежедневно в 6 часов утра Наполеон производил смотр войскам на площадке перед генерал-губернаторским дворцом, и для устройства этой площадки была сломана строившаяся Преображенская церковь. Прочие церкви тоже были использованы французами: в Воскресенско-Рыньковой церкви устроены были склады сена и соломы, в Борисо-Глебской — склады пороха и снарядов, в Воскресенской поставлены были жернова, Бернардинский монастырь обращен был в провиантский магазин. Во дворце Наполеон велел устроить домашнюю церковь, где в праздники слушал католическую литургию. Несмотря на запрещение Наполеона совершать насилия над жителями, его солдаты совершали грабежи в окрестностях Витебска и даже в самом городе. Некоторые помещики просили у французских властей охранные листы и солдат для охраны, но и это мало помогало. Солдаты врывались в дома, требуя пищи, денег и водки; часто перерывали в квартирах все сундуки, шкафы, ища чего-либо более ценнаго; даже подымали полы и били стены, подозревая всюду спрятанныя богатства. Сохранилось известие, что два брата Бибики принесли лично жалобу Наполеону на безчинства его солдат, и он отдал приказ усилить патрули. Сами французския власти своими распоряжениями мало способствовали поддержанию порядка. Нужно сказать, что во всех занятых Наполеоном городах вводилось новое управление; так и в Витебске была учреждена Верховная Комиссия под председательством генерала Шарпантье, членами которой были некоторые из местных жителей: бригадир Храповицкий, Станислав Богомолец, Юревич и Иосиф Шавериовский; впоследствии председателем комиссии был де-Пасторе, а некоторые члены ея, в том числе бригадир Храповицкий, были заменены другими. Прервавший на время свою деятельность, городской магистрат снова возобновил ее, и это учреждение имело особенное значение для населения, потому что французския власти обращались с требованиями тех или иных сборов с населения именно к магистрату, а магистрат непосредственно собирал с жителей то, что требовалось, и отсылал по назначению, оставляя у себя списки, сколько у кого взято и куда передано. Вот, например, требования французских властей, предъявленныя магистрату.

«Если через два часа не будет доставлен на бойню следующий с города скот, то город подвергнется военной экзекуции. Предупреждаю об этом магистрат». Вот еще пример:

По распоряжению губернатора прошу магистрат тотчас же доставить на бойню 20 голов рогатого скота. Если сегодня, к 11 часам утра, это не будет исполнено, то нужное количество скота будет насильно взято у жителей солдатами».

Кроме скота французския власти постоянно требовали сена, соломы, овса, строевых материалов, рабочих, иногда платя за это теми деньгами, которыя собирались с самих жителей, в виде, например, податей почтовой и поголовной.

Наполеон пробыл в Витебске до 1 августа, выступив в этот день далее к Смоленску, при чем оставил в городе небольшой гарнизон с французскими властями.

В то время, как французы занимали Витебск, в пределах Витебской губернии происходили серьезные военные действия на правом фланге 1-ой армии.

Выше упоминалось уже о блестящих действиях наших отрядов под Витебском 13, 14 и 15 июля, геройская стойкость которых, казалось, говорила Наполеону о том, что под Витебском произойдет общее сражение.

Когда Барклай де-Толли отступал к Витебску, он оставил на правом берегу Двины 1-ый армейский корпус Витгенштейна в 25 тысяч человек при 180 орудиях для охраны дороги на Петербург, а Наполеон в свою очередь оставил здесь корпус Удино в 28 тысяч человек, подкрепленный в конце июля корпусом Сен-Сира. Витгенштейну предстояла здесь трудная задача: охранять дорогу на Петербург, Псков и Новгород и по возможности наносить вред неприятелю. Опасаясь, чтобы корпус Макдональда, бывший в Риге, не соединился с Удино, стоявшим в начале июля у Дисны, Витгенштейн намеревался переправиться на левый берег Двины у Придруйска и воспрепятствовать соединению их; но он узнает, что Макдональд собирается у Якобштадта перейти на правый берег Двины и соединиться с Удино в тылу русской армии. Тогда Витгенштейн быстро отступил и остановился у Свольны.

Между тем Удино 14 июля без сопротивления занял Полоцк, пробыл здесь 15 июля и, выступив на следующий день, прибыл 18 числа в Клястицы, переправившись через Дриссу у Сивошина. Витгенштейн решил атаковать неприятеля в Клястицах.

Первое дело произошло 18 июля у Якубова под командой храбраго генерала Кульнева, и французы отступили. 19 июля Витгенштейн повел все свои войска к Клястицам, заставил неприятеля после жаркаго боя отступить, но, вследствие сильнаго утомления своих солдат, не преследовал неприятеля, поручив Кульневу произвести разведку, не вступая в бой с французами; но пылкий Кульнев, вопреки приказанию, 20 числа перешел Дриссу и попал с своим отрядом в засаду, где был убит. Французская дивизия Вердье двинулась навстречу русским, но в конце концов должна была отступить к Белому. Утром 21 июля Удино отошел к Полоцку. Трехдневное сражение у Клястиц стоило нам 4300 человек, французы потеряли около 4000 человек. Дух наших солдат значительно поднялся, так как французы не оказались столь непобедимыми, как это могло казаться раньше.

Соединившись с 13-ти тысячным корпусом Сен-Сира и имея всего теперь 35 тысяч, Удино направился к Свольне, где стоял Витгенштейн с 20-тью тысячами. Здесь генерал Довре отбросил французов за реку Свольну. Прибывший Витгенштейн приказал преследовать французов, и Удино быстро отступил к Полоцку и прибыл туда 4 августа. Русские появились уже в окрестностях Полоцка. 5 августа происходили незначительныя стычки. 6 августа Сен-Сир, которому раненый Удино сдал командование, решил атаковать русских всеми силами, так как последние грозили обойти его и строили мост в 4 верстах ниже Полоцка. Произошел горячий бой. После боя русские отступили, но и неприятель был так утомлен, что лег на землю и не мог двинуться далее. Потеря русских за 6 и 7 августа — $5^1/_2$ тысяч, потеря французов почти такая же. 10 августа произошла еще одна стычка, в которой русские потеряли 94 человека и взято в плен 120 человек французов. Витгенштейн снова укрепился у Си-

город и Псков. В течение августа произошло еще несколько стычек с французами под Полоцком, при чем неприятель потерял несколько сот человек убитыми и пленными.

В начале сентября Витгенштейн получил приказание действовать энергичнее и занять Полоцк, чтобы, отбросив к Свенцянам Сен-Сира, войти в связь с войсками Чичагова и отрезать отступление Наполеону. Вместе с тем финляндский корпус в 9 тысяч при 18 орудиях под начальством Штейнгеля должен был двинуться к Риге, чтобы лишить стоявшаго там Макдональда возможности подать помощь Сен-Сиру под Полоцком.

23 сентября к Витгенштейну подошли подкрепления и теперь его силы простирались до 40 тысяч человек, тогда как у Сен-Сира было около 27 тысяч.

Между тем 2-ая армия, преследуемая войсками Даву, только 22 июля соединилась с 1-ой армией Барклая де-Толли у Смоленска. Наполеон 1 августа ушел с войсками из Витебска к Смоленску и подошел туда 4 августа. Раевский, затем Дохтуров и Коновницын, геройски задерживали Наполеона 5 августа под Смоленском, чтобы русская армия могла бы дальше отойти от Смоленска и выбрать более удобную позицию. 6 августа был оставлен неприятелю Смоленск, превращенный почти в груду развалин.

26 августа произошла Бородинская битва. 2 сентября Москва была занята французами. Пожар Москвы, недостаток провианта, наступавшая зима и усиление русской армии заставили Наполеона решиться на отступление. В ночь на 7 октября и весь следующий день французския войска выступали из Москвы. В эти дни и Полоцк освободился от французов. Витгенштейн начал 6 октября наступательныя действия и подошел к городу.

Французы отчаянно защищались. Принужденные отступить, они зажгли лагерные бараки. Скоро загорелся от действия наших гранат и Полоцк, и русские ворвались в город после взятия передовых укреплений. Потери наши за 6 и 7 октября простирались до 8 тысяч, неприятельския потери — до 7 тысяч. 8 октября Витгенштейн вступил в город, но он настолько был разрушен и завален трупами, что войска наши расположились в оставленном французами лагере. Сен-Сир отступил к Ушачу, а затем, преследуемый авангардом Витгенштейна, и далее, к Лепелю и Чашникам. За освобождение Полоцка Витгенштейн был произведен в генерал-от-кавалерии.

19 октября Сен-Сир был выбит из Чашников, несмотря на то, что к нему на помощь подошла дивизия маршала Виктора, и отступил к Сенно. Теперь Витгенштейн занял твердое положение в Витебской губернии и мог предпринять решительные шаги для освобождения от французов Витебска.

Ожидая этого, французский гарнизон в Витебске просил подкрепления, не имея точных сведений о том, что происходило под Москвой.

Маршал Виктор, стоявший в это время в Смоленске, не подал во-время подкрепления французам, ссылаясь на то, что он не имеет приказа об этом от Наполеона. Говорят, что он, завидуя славе маршала [Лорана] де-Гувиона [Сен-Сира], одержавшего победу у Полоцка в начале августа, не желал способствовать его новым успехам; лишь после выговора, полученнаго от Наполеона, он двинулся к Витебску через Сенно и Бабиновичи.

Рано утром 24 октября французский гаризон в Витебске получил известие, что русские подошли к Витебску и заняли предместье города на правом берегу Двины. Скоро засвистали над городом пули, подтвердившия это известие. Русский отряд под начальством генерала Гарпе показался на противоположном берегу, а в это время по дороге из Островны подходил к Витебску русский отряд под начальством подполковника Столыпина.

На Замковой горе были помещены имевшияся у французов две пушки. Место это было открыто для действия русских ядер, а французския пушки, помещенныя слишком высоко, посылали свои ядра поверх неприятеля. Французы зажгли мост через Двину, чтобы русские не могли переправиться в самый город, но отряд русскаго войска бросился по горящему мосту в самый город. Жители быстро потушили огонь и коекак поправили мост. Французы защищались на улицах Витебска, но боясь быть отрезанными отрядом Столыпина, отступили из Витебска по Смоленской дороге, оставив до 200 больных в госпиталях. Верстах в 15 от Витебска их настиг Столыпин и отнял последния два орудия. Остатки французскаго гарнизона быстро отступили к Смоленску. Русские взяли в плен витебскаго губернатора Пуже, комендант Шевурда, несколько офицеров и до 300 солдат. Большие запасы провианта достались русским. Со стороны нашей потери людьми выражались цифрою 44.

Таким образом с 16 июля по 25 октября Витебск был в руках французов.

Витебская губерния и город Витебск не мало пострадали за время пребывания здесь французов.

По ревизии 1811 года в Витебской губернии числилось жителей 352474 человека, по ревизии 1816 года 315481 чел.; в самом городе Витебске до войны числилось 6708 жителей мужескаго пола, а в следующем году 2415. Материальные убытки, понесенные жителями Витебска во время войны, выражаются цифрою около 1687736 рублей; такая цифра далеко не может считаться точной, так как она составилась на основании некоторых показаний потерпевших, когда после войны губернския власти собирали сведения об убытках; точную же цифру убытков, далеко, конечно, превышающую указанную, определить невозможно.

Между тем Наполеон, выйдя из Москвы, хотел возвращаться по другой дороге, на Калугу и Тулу, где были склады провианта и оружия, но русские войска заставили французов повернуть на прежнюю разоренную Смоленскую дорогу. От Смоленска Наполеон отступал на Оршу, оставив Витебск в стороне. От 14 по 16 ноября совершалась ужасная переправа французских войск через Березину. Из 40 тысяч вооруженных солдат осталось после переправы около 15 тысяч французов, а через три дня число их сократилось до 9 тысяч; остальные погибли или от русской армии, или попали в плен, или же нашли смерть в волнах Березины. 23 ноября в Сморгони Наполеон бросил остатки своей армии и уехал во Францию собирать новыя силы.

К концу декабря 1812 года последние остатки «великой армии» — 1 тысяча человек вооруженных при 9 орудиях и около 20 тысяч безоружных перешли Неман, оставив таким образом пределы России. 25 декабря 1812 года Россия праздновала освобождение свое от французов.

Прошло сто лет со времени тех достопамятных событий. Вспоминая их, мы удивляемся геройству не только отдельных личностей, но и мужеству всего русскаго народа, принесшаго громадныя жертвы для спасения отечества. Твердость русскаго Государя нашла отклик в русском народе, и за русской армией стал русский народ, так же враждебно настроенный к врагу. В Отечественную войну Русь пережила такой подъем духа, который свойственен великому народу. Сокрушив величайшаго врага, поразив весь мир своею стойкостью, русский человек еще яснее осознал свою мощь и мощь России. Воздавая похвалу нашим предкам, в их примере будем черпать силы для столь же же достойнаго служения родине.

Печатается по изданию: Добровольский В. К. Витебская губерния в Отечественную войну. Издание Витебскаго реального училища. — Витебск, Типография П. Подземского, 1912. — 21 с.

Материалы к истории униатской церкви на Полотчине: документ без комментариев.

Деяние Полоцкаго собора 12 февраля 1839 г.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Мы, благостию Божиею, епископы и священный собор Греко-Унитской Церкви в России, в неоднократных совещаниях, приняли в разсуждение нижеследующее:

Церковь наша от начала своего была в единстве Святыя, Апостольския, Православно-Кафолическия Церкви, которая Самим Господом Богом и Спасом нашим Иисусом Христом на Востоке насаждена, от Востока возсияла миру и доселе цело и неизменно соблюла Божественные догматы учения Христова, ничего к оному не прилагая от духа человеческаго суемудрия. В сем блаженном и превожделенном вселенском союзе Церковь наша составляла нераздельную часть Греко-Российския Церкви, подобно как и предки наши, по языку и происхождению, всегда составляли нераздельную часть Русскаго народа. Но горестное отторжение обитаемых нами областей от Матери нашей России отторгнуло и предков наших от истиннаго Кафолическаго единения, и сила чуждаго преобладания подчинила их власти Римской Церкви, под названием у н и а т о в. Хотя же для них и обезпечены были от нея формальными актами Восточное Богослужение на природном нашем Русском языке, все священные обряды и самыя постановления Восточныя Церкви, и хотя даже воспрещен был для них переход в Римское исповедание (яснейшее доказательство, сколь чистыми и непреложными признаны были наши древние Восточные уставы!); но хитрая политика бывшей Польской республики и согласное с нею направление местнаго Латинскаго духовенства, нетерпевшия духа Русской народности и древних обрядов Православнаго Востока, устремили все силы свои к изглаждению, еслибы можно было, и самых следов первобытнаго происхождения нашего народа и нашей Церкви. От сего сугубаго усилия предки наши, по принятии Унии, подверглись самой бедственной доле. Дворяне, стесняемые в своих правах, переходили в Римское исповедание, а мещане и поселяне, не изменяя обычаям предков, еще сохранившимся в Унии, терпели тяжкое угнетение. Но скоро обычаи и священные церковные обряды, постановления и самое Богослужение нашей Церкви стали значительно изменяться, а на место их вводились Латинские, вовсе ей несвойственные. Греко-Унитское приходское духовенство, лишенное средств к просвещению, в бедности и унижении, порабощено Римским и было в опасности подвергнуться наконец совершенному уничтожению или превращению, еслибы Всевышний не прекратил сих вековых страданий, возвратив Российской державе обитаемыя нами области — древнее достояние Руси. Пользуясь столь счастливым событием, большая часть униатов возсоединилась тогда же с Восточною Православно-Кафолическою Церковью и уже по-прежнему составляет нераздельную часть Церкви Всероссийския; остальные же нашли по возможности в благодетельном Русском правительстве защиту от превозможения Римскаго духовенства. Но отеческим щедротам и покровительству ныне благополучно царствующаго Благочестивейшаго Государя нашего Императора Николая Павловича обязаны мы нынешнею полною независимостью Церкви нашей, нынешними обильными средствами к приличному образованию нашего духовнаго юношества, нынешним обновлением и возрастающим благолепием святых храмов наших, где совершается Богослужение на языке наших предков и где священные обряды возстановлены в древней их чистоте. Повсюду вводятся постепенно в прежнее употребление все уставы нашей искони Восточной, искони Русской Церкви. Остается желать только, дабы сей древний Боголюбезный порядок был упрочен и на грядущие времена для всего униатскаго в России населения; дабы, полным возстановлением прежняга единства с Церковью Российскою, сии прежния чада ея могли на лоне истинной Матери своей обрести то спокойствие и духовное преуспеяние, котораго лишены были во время своего от оной отчуждения. По благости Господней, мы и прежде отделены были от древней Матери нашей Православно-Кафолической Восточной и в особенности Российской Церкви, не столько духом, сколько внешнею зависимостью и неблагоприятными событиями; ныне же, по мило-

сти Всещедраго Бога, так снова приблизились к ней, что нужно уже не столько возстановить, сколько выразить наше с нею единство.

Посему в теплых, сердечных молениях, призвав на помощь благодать Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Который един есть истинная Глава единыя истинныя Церкви) и Святаго Всесовершающаго Духа, мы положили твердо и неизменно:

1) Признать вновь единство нашея Церкви с Православно-Кафолическою Восточною Церковью и посему пребывать отныне, купно со вверенными нам паствами, в единомыслии со святейшими Восточными Православными патриархами и в послушании Святейшаго Правительствующаго Всероссийскаго Синода.

2) Всеподданнейше просить Благочестивейшаго Государя Императора настоящее намерение наше в свое Августейшее покровительство принять и исполнению онаго к миру и спасению душ Высочайшим своим благоусмотрением и державною волею споспешествовать, да и мы под благотворным его скипетром, со всем Русским народом, совершенно единым и неразнствующими устами и единым сердцем славим Триединаго Бога, по древнему чину Апольстольскому, по правилам святых вселенских соборов и по преданию великих святителей и учителей Православно-Кафолическия Церкви.

Во уверение чего мы все, епископы и начальствующее духовенство, сей соборный акт утверждаем собственноручными нашими подписями и, в удостоверение общаго на сие согласие прочаго Греко-Унитскаго духовенства, прилагаем собственноручныя же объявления священников и монашествующей братии, всего тысячи трехсот пяти лиц.

Дан в Богоспасаемом граде Полоцке, лета от сотворения мира седмь тысяч триста сорок седьмаго, от воплощения же Бога Слова тысяча восемьсот тридцать девятаго, месяца февраля в двенадцатый день, в неделю Православия.

(Следуют подписи:)

Смиренный Иосиф, епископ Литовский.

Смиренный Василий, епископ Оршанский, управляющий Белорусскою епархиею.

Смиренный Антоний, епископ Брестский, викарий Литовской епархии.

Заседатель Греко-Унит. духовн. коллегии, соборн. протоиерей Игнатий Пильховский.

Заседатель Греко-Унит. духовн. коллегии, соборн. прот. Иоанн Конюшевский.

Заседатель Греко-Унит. духовн. коллегии, соборн. прот. Лев Паньковский.

Председатель Литовской консистории, соборн. прот. Антоний Тупальский.

Председатель Белорусской консистории, ректор семинарии, соборн. прот. Михаил Шелепин.

Вице-председатель Литовской консистории, соборн. прот. Михаил Голубович.

В должности ректора Литовской семинарии, соборн. прот. Ф. Гомолицкий.

Вице-председатель Белорус. консистории, прот. Константин Игнатович.

Член Литовской консистории и эконом семинарии, крестовый игумен Иосиф Вышинский.

Член Белорусской консистории, игумен Иосиф Новицкий.

Инспектор Белорус. семинарии, соборн. прот. Фома Малишевский.

Инспектор Литовск. семинарии, крестовый иеромонах Игнатий Желязовский.

Ключарь Полоцкага Софийск. кафедр. собора, соборн. прот. Михаил Копецкий.

Эконом Белорусск. семинарии, соборн. прот. Иоанн Щенснович.

Заседатель Литов. консистории, соборн. прот. Плакид Янковский.

Заседатель Белорус. консистории, протоиерей Иоанн Глыбовский.

Заседатель Литов. консистории Григорий Куцевич.

Заседатель Белорус. консистории, иерей Иоанн Щенснович.

Заседатель Белорус. консистории Фома Околович.

В должности секретаря при Литовском преосвященном, крестовый иеромонах Фавст Михневич.

В должности секретаря при преосвященном Антонии, иеромонах Петр Михалевич.

Печатается по изданию: Пятидесятилетие (1839—1889) возсоединения с православною церковью западно-русских униатов. Соборныя деяния и торжественныя служения в 1839 году. — Санктпетербург, Синодальная типография, 1889. — Стр. 4—7. Стиль оригинала сохранён.

Л. Ў. ХМЯЛЬНІЦКАЯ

А. П. САПУНОЎ (АПОШНІЯ ГАДЫ ЖЫЦЦЯ)

Сярод дзеячоў правінцыяльнай гістарычнай навукі другой паловы XIX — пачатку XX стст. імя А. П. Сапунова вылучаецца асаблівым чынам. Руплівы збіральнік архіўных каштоўнасцей, ён стварыў цэлую эпоху ў бібліяграфіі Віцебшчыны, а яго археаграфічныя зборнікі з'яўляюцца сапраўднымі энцыклапедычнымі даведнікамі па гісторыі ўсёй Паўночнай Беларусі. Яшчэ пры жыцці Сапунова яго імя было шырока вядома навукоўцам Беларусі, Масквы, Пецярбурга, Кіева, ведалі яго творы ў Францыі, Германіі і іншых краінах. У прызнанне вялікіх заслуг перад айчыннай навукай ён быў абраны сапраўдным і ганаровым членам шматлікіх навуковых таварыстваў у Расіі і за мяжой. На жаль, яшчэ і да нашага часу не напісана навуковая біяграфія А. П. Сапунова. Мы і сёння не ведаем многіх фактаў і акалічнасцей яго жыцця, якія тым ці іншым чынам уплывалі на асобу выдатнага даследчыка. Гэта публікацыя — спроба праліць святло на некаторыя, невядомыя раней, факты біяграфіі апошніх гадоў жыцця А. П. Сапунова.

Аляксей Парфенавіч Сапуноў нарадзіўся 15 сакавіка (ст. ст.) 1851 г. у м. Усвяты былой Віцебскай губерні (зараз Пскоўскай вобласці), але амаль усё свядомае жыццё пражыў у Віцебску. Тут вучыўся ў мужчынскай аляксандраўскай гімназіі, сюды ж вярнуўся выкладчыкам старажытных моваў пасля спасціжэння вышэйшай навукі на гісторыка-філалагічным факультэце Пецярбургскага універсітэта. Праслужыўшы 24 гады ў гімназіі, уладкаваўся на працу сакратаром Віцебскага губернскага статыстычнага камітэта. З горада на часовае жыхарства выбіраўся толькі двойчы: першы раз — у Маскву, калі працаваў тры гады памочнікам інспектара студэнтаў Маскоўскага універсітэта, другі раз — у Пецярбург, калі быў абраны дэпутатам III Дзяржаўнай Думы. Менавіта ў Віцебску Сапуноў панаў цікавіцца мясцовай даўніной, тут было выдадзена ім каля 70 назваў асобных твораў, тут у 1913 г. ён быў абраны прафесарам.

XX стагоддзе павольна ўвайшло ў старажытны Віцебск — горад хоць і правінцыяльны, але з досыць актыўным на той час грамадскім жыццём у галіне гістарычнай. Тут дзейнічаў Віцебскі губернскі статыстычны камітэт, які прадпрыймаў пэўныя захады па ахове помнікаў даўніны; да 1903 года ў горадзе працаваў Цэнтральны архіў старажытных актавых кніг губерняў Віцебскай і Магілёўскай, архіварысамі якога было выдадзена ў свет 32 тамы археалагічнага зборніка «Гісторыка-юрыдычныя матэрыялы»; актыўную грамадскую дзейнасць разгарнула Віцебская навуковая архіўная камісія, намаганнямі якой у 1911 г. у горадзе было адчынена аддзяленне Маскоўскага археалагічнага інстытута, дзе кожны жадаючы мог атрымаць адукацыю археолага ці архівіста; у горадзе дзейнічаў царкоўна-археалагічны музей, існаваў каштоўнейшы прыватны збор вядомага віцебскага адваката В. П. Федаровіча, ішло паступовае фарміраванне калекцыі А. Р. Брадоўскага. Цэлае сузор'е краязнаўцаў, людзей выдатнай адукацыі і апантаных справай, ззяла на небасхіле культурнага жыцця Віцебска: апроч ужо названых варта адзначыць У К. Стукаліча, М. М. Багародзскага, У Г. Краснянскага. Зоркай першай велічыні вылучалася сярод іх постаць А. П. Сапунова.

Імклівая плынь Кастрычніцкай рэвалюцыі перакаламуціла жыццё губернскага Віцебска, у яе вірах разам з абломкамі старога рэжыма трушчыліся чалавечыя лёсы, губляліся культурныя набыткі мінулага.

Апошнія перадрэвалюцыйныя гады А. П. Сапуноў працаваў сакратаром Віцебскага губернскага статыстычнага камітэта, па сутнасці, з'яўляўся адзіным кіраўніком усёй губернскай статыстыкі. Яшчэ ў 1906-1907 гг. пад

яго рэдакцыяй былі ўкладзены два вялікія статыстычныя зборнікі: «Землеўладанне і землеўладальнікі Віцебскай губерні ў 1905 годзе» і «Спіс населеных месцаў Віцебскай губерні». Толькі апошняя кніга, напрыклад, утрымлівала ў сабе звесткі пра 24 734 населеныя месцы губерні. Апроч таго, усе «Агляды Віцебскай губерні» з 1897 па 1914 гг., а таксама «Памятныя кніжкі Віцебскай губерні» з 1901 па 1914 гг. былі складзены Сапуновым. Новаю савецкаю ўладаю ён быў запрошаны на пасаду загадчыка статыстычным аддзелам Губвыканкама. Структура новых дзяржаўных органаў на той час яшчэ не мела стабільнасці, у кастрычніку 1918 г. статаддзел пры Губвыканкаме быў зліквідаваны. Сапунову, праўда, прапанавалі новую пасаду — загадчыка секцыі дэмаграфічнай статыстыкі Вітгубстатбюро. Збор звестак аб шлюбах, нараджэннях, смерцях, веравызнаннях, перамяшчэннях насельніцтва губерні — кожны дзень лічбы, лічбы, лічбы. Хворыя вочы прафесара не вытрымалі. 31 сакавіка 1919 г. ён вымушаны быў напісаць прашэнне наступнага зместу: «З нагоды хваробы вачэй (cataractes) я, на вялікі жаль, не магу адносіцца да сваіх службовых абавязкаў належным чынам, а таму вымушаны выйсці ў адстаўку».

З 1 красавіка 1919 г. А. П. Сапуноў уладкаваўся працаваць архіварыусам Віцебскага губернскага архіўнага фонду. У кастрычніку таго ж года яму было даручана абследванне павятовых, сядзібных і царкоўных архіваў Віцебска, Сененскага і Аршанскага паветаў. І вось па восеньскім бездарожжы, пад пранізлівымі вятрамі 63-гадовы прафесар накіроўваецца ў цяжкае падарожжа. Рух цягнікоў па чыгунцы быў амаль перапынены, гаспадары, у якіх засталіся коні, адмаўляліся даваць іх, знясіленых бяскорміцай і хваробамі, у дарогу. А іншым разам фронт падыходзіў так блізка, што далейшае перамяшчэнне рабілася проста небяспечным...

І ўсё ж такі цэлую восень, зіму і вясну наступнага года Сапуноў са сваімі памочнікамі ўпарта пераязджаў ад вёскі да вёскі, ад сядзібы да сядзібы, аглядаў і апісваў дакументы, кнігі, старыя калекцыі. Так, ім быў даследаваны маёнтак Новая Каралёва, што належыў Бялыніцкім-Бірулям і дзе на працягу амаль 50 прадрэвалюцыйных гадоў працавала метэаралагічная станцыя; маёнтак Цялошы — уладанне Пачобутаў-Адляніцкіх; маёнтак Любашкава, што некалі належыў архіепіскапу Васілю Лужынскаму. У Любашкава даводзілася, дарэчы, вяртацца ажно тры разы, бо былыя дваровыя людзі адразу не дазволілі вывезці старыя дакументы. Архіў жа аказаўся досыць цікавым: тут знаходзіліся паперы з сельскагаспадарчымі нататкамі пачатку XIX ст. І дзве кнігі з сакрэтнымі дакументамі 1839, 1840 і 1848 гадоў.

У некаторых месцах архівы і бібліятэкі ўжо паспелі рэквізаваць, і Сапуноў у сваіх справаздачах абураўся тым, што нацыяналізаваныя культурныя каштоўнасці незваротна страчаны: у маёнтку Лускінопаль Сененскага павета ўзяты рукапіс XVIII ст., асобныя дакументы і граматы; у маёнтку Дыманова Віцебскага павета (які раней належыў Заранку) — пергаментная біблія XVст. Сляды зніклых дакументаў знайсці было немагчыма.

Архіў Высачанскага валаснога праўлення гінуў літаральна на вачах: дакументы былі складзены на гарышчы хаты, дзе размясціўся валвыканкам, і сяляне з навакольных вёсак рабілі туды драпежныя набегі з мэтаю здабыцця паперы для самакрутак. Паходы былі прыбытковымі, і хутка да дарослых далучыліся дзеці, якія пачалі аддзіраць на свае патрэбы кардонныя пераплёты з кніг і папак. Магчыма, што менавіта па абуранай скарзе аглядчыкаў архіваў летам 1920 г. туды прыбыў з Віцебска прадстаўнік Камісіі па ахове помнікаў даўніны і мастацтва разам з сакратаром мясцовага рэўкома. Але што яны маглі зрабіць? Хіба што толькі бездапаможна развесці рукамі і скласці дакумент наступнага зместу: «Усе справы, складзеныя раней на гарышчы ў парадку, звязаныя ў папкі, у апошнія гады, прыблізна з часу Кастрычніцкай Рэвалюцыі 1917 г., аказаліся ўсе разбітыя, і архіў ўяўляе зараз раскіданыя па ўсім гарышчы асобныя аркушы. Сабраць і прывесці да ладу рэшткі архіва не ўяўляецца ніякай фізічнай магчымасці». Дарэчы, і тая апошняя афіцыйная папера «ўратавальніка» архіва ад валрэўкама была напісана на адваротным баку дакумента, сцверджанага старой пячаткай з надпісам: Высочанское волостное правление. Оршанский уезд»...

На пачатку 1920-х гадоў у Віцебску пачаў фарміравацца губернскі архіўны фонд, вёўся актыўны збор архіўных матэрыялаў былых старарэжымных устаноў і арганізацый, прыватных асоб. У Сененскім павеце ў маёнтку Лускінопаль быў створаны часовы архіў, куды звозіліся розныя дакументы з ваколіц, тут іх апрацоўваў Сапуноў. У красавіку 1920 г. з'явіўся яшчэ адзін аналагічны часовы архіў у маёнтку Бердпікі Віцебскага павета, дзе таксама працаваў Сапуноў з двума памочнікамі. У траўні таго ж года пры ўпраўленні губернскага архіўнага фонду пачала сваю дзейнасць спецыяльная камісія па разгляду архіўных матэрыялаў, якія былі прызначаны да знішчэння. У склад камісіі ўвайшло 9 чалавек — прадстаўнікі розных навучальных устаноў і навуковых таварыстваў. У іх ліку быў і прафесар А. П. Сапуноў Дадаткова было створана яшчэ некалькі камісій па разбору архіваў г. Віцебска. Але адначасова левая рука разбурала тое, што стварала правая.

У гады грамадзянскай вайны ўратаванне архіваў у правінцыях цалкам трапіла ў залежнасць ад асабістай самаадданасці дзеячоў культуры. Яшчэ з пачатку 1919 г. нават і тыя архівы, што знаходзіліся, здавалася б, пад надзейнай абаронай сцен архіўных сховішчаў, падвергліся значнаму спусташэнню: Галоўбум (Галоўнае ўпраўленне папяровай прамысловасці) стаў выкарыстоўваць старую паперу для вытворчасці новай. У кастрычніку 1920 г. у Віцебскі губархіў прыйшла папера, у якой было «предложено срочно отпустить Шкловскому заводоуправлению пять тысяч пудов архивной бумаги. Обозначенное распоряжение примите к точному и неуклонному исполнению». Якія дакументы трапілі ў тыя пяць тысяч пудоў? А колькі ж іх усяго загінула, калі ўлічваць, што такое «заводоуправление» было не ў адным толькі Шклове?..

Хоць Сапуноў афіцыйна лічыўся на савецкай службе, жыць станавілася ўсё цяжэй і цяжэй, грошай ледзь хапала на харчаванне і самае неабходнае. Больш таго, прафесара пазбавілі ранейшай кватэры ў доме № 18 на Набярэжнай Дзвіны ў Віцебску, але там засталіся рукапісы, архіўныя дакументы і вялікая бібліятэка. Магчыма, кватэру аддалі новым жыхарам таму, што Сапуноў досыць працяглы час жыў і працаваў у маёнтку Лускінопаль, а магчыма, і проста ў парадку славутага «ушчыльнення» непрацоўнага элемента — інтэлігенцыі.

Цікава, што ў гэты час Віцебск перажываў зусім незвычайныя гады сваёй гісторыі. Ціхі правінцыяльны горад у 1919 г. ператварыўся ў буйны цэнтр, крыніца культурнага жыцця Віцебска забруяла так, як ніколі да таго часу і ўжо ніколі пасля яго. Тут была створана кансерваторыя, 5 музычных школ, свой сімфанічны аркестр. Невялікая мастацкая студыя Ю. Пэна ператварылася ў народную мастацкую школу, у Віцебску працавалі Марк Шагал, Мсціслаў Дабужынскі, Казімір Малевіч. Быў створаны дзяржаўных хор, тэатральная студыя, музычныя клубы. Вядомы ў тыя гады літаратуразнаўца і філосаф Леў Пумпянскі кіраваў у Віцебску гуртком «Гіс-

торыя ідэй еўрапейскай культуры», у 1920-м годзе сюды прыехаў і выдатны літаратуразнаўца і тэарэтык мастацтва М. М. Бахцін. «Такому ажыўленню, — пісаў пазней у сваіх успамінах рэктар «народнай кансерваторыі» дырыжор М. А. Малько, — спрыялі, з аднаго боку, умовы таго перыяду дзяржаўнага жыцця, так званага «ваеннага камунізму», а з другога — тое, што ў правінцыі ў гэты час жыць было параўнальна лягчэй, чым у сталіцах. У абедзвюх сталіцах — Пецярбургу і Маскве — жыцьё рабілася ўсё цяжэй, было галадна і холадна, а ў Віцебску і хлеба, і паліва было больш... Усё было перапоўнена да апошняй меры. Жыццё віравала і... насуперак вядомай прыказцы: Inter arma musae tacent (сярод зброі музы маўчаць), — мастацтва квітнела».

У 1921 г. Камісія па ахове помнікаў даўніны і мастацтва ў Віцебску распачала працу па падрыхтоўцы да святкавання 900-годдзя горада. Прафесар Сапуноў пачаў рыхтавацца да гэтага юбілею на некалькі гадоў раней. Яшчэ 7 студзеня 1918 г. у гарадской друкарні былі адціснуты сціплыя рэкламныя аркушы — «Падпісныя лісты на «Гісторыю горада Віцебска», — якія пачыналіся наступнымі словамі: «У 1921 г. споўніцца 900 гадоў з таго часу, калі Віцебск упершыню ўпамінаецца ў летапісах. Да гэтай падзеі я, А. П. Сапуноў, рыхтую «Гісторыю горада Віцебска». Кніга гэтая будзе мець у сабе каля 30 друкаваных аркушаў, гэта значыць 500 старонак, са шматлікімі малюнкамі ў тэксце (каля 100) і асобнымі дадаткамі (каля 50).» Выдаўцу не хапала грошай на падрыхтоўку кнігі, таму ён заклікаў суграмадзян уносіць ахвяраванні і папярэднюю плату за яе. Кніга павінна была стаць творам, абагульняючым дзесяцігоддзі руплівай працы правінцыяльнага навукоўца, у ёй Сапуноў меркаваў падаць грунтоўны нарыс палітычнай гісторыі г. Віцебска, акрэсліць розныя аспекты рэлігійнага і культурнага жыцця горада.

«Гісторыю горада Віцебска» аўтар разлічваў выдаць у канцы 1920 г. Але імклівыя падзеі рэвалюцыйнага пераўтварэння грамадства ўнеслі ва ўсе планы свае карэктывы. Рукапіс, падрыхтаваны да друку, не выйшаў у свет. Што перашкодзіла гэтаму? Вайна? Галеча? Адсутнасць паперы? Канцэнтрацыя выдавецкай справы выключна ў руках дзяржаўных органаў, якім трэба было вырашаць больш спешныя пытанні культурнага будаўніцтва? Аб гэтым мы сёння можам доўга разважаць, але што ад гэтага зменіцца?

У прадмове да «Гісторыі горада Віцебска» А. П. Сапуноў з уласцівай яму сціпласцю пісаў: «У гэтай працы я не адчыняў новых гарызонтаў,не, я толькі, так бы мовіць, ... падвёў вынік таму, што зроблена, ці, дакладней, што мне вядома з напісанага па гісторыі г. Віцебска. Я шырока карыстаўся працамі аўтараў больш за мяне кампетэнтных. Галоўная мэта мая — сабраць як мага больш фактаў, што тычацца Віцебска: я ўзяў на сябе, галоўным чынам, чарнавую працу. Акрамя таго, шмат што гіне, таму трэба спяшацца.» Сапраўды, Сапуноў у гэтай кнізе сабраў пад адной вокладкай усе звесткі пра Віцебск, што былі надрукаваны яго папярэднікамі. Аднак палову з шасці асобных главаў, з якіх складалася кніга, ён напісаў самастойна на падставе новых архіўных матэрыялаў, сабраных ім у розных архівах краіны. «Гэта, уласна кажучы, не «гісторыя», а «летапіс», — напісаў далей у сваёй прадмове Сапуноў. — Але слова «летапіс» адпужне ад маёй працы і тых нешматлікіх чытачоў, на якіх я ўсё ж такі разлічваю. Такім чынам, няхай гэта будзе «Гісторыя горада Віцебска»...

У лютым 1921 г. на адным з пасяджэнняў Камісіі па ахове помнікаў даўніны і мастацтва было вырашана запрасіць прафесара Сапунова да ўдзелу ў святкаванні 900-годдзя горада, а таксама заказаць яму некалькі артыкулаў для юбілейнага зборніка. Вырашана — зроблена. Але Сапуноў, які ніколі ў жыцці не шукаў меркантыльных прыбыткаў ад сваёй працы, не маючы іншай магчымасці прыцягнуць увагу ўладаў да свайго цяжкага становішча, дасылае ў Камісію ліст, у якім выкладае свае ўмовы ўдзелу ў свяце. Што ж гэта былі за ўмовы? Чаго не хапала старому прафесару? Не хапала ж самага неабходнага: кватэры ў горадзе, дзе ён мог бы працаваць, лінзаў для акуляраў, якія ён не меў магчымасці набыць па спекулятыўнай цане, цвёрдага пайка, што забяспечыў бы існаванне сям'і і яго самога. Умовы Сапунова Камісіяй былі разгледжаны і нават часткова задаволены. Вясной 1921 г. прафесар з жонкаю змог вярнуцца ў сваю кватэру на Набярэжнай Дзвіны і ...не знайшоў дома часткі сваіх рукапісаў. Магчыма, новыя гаспадары прызвычаіліся ўжо распальваць імі грубку, магчыма, выкарыстоўвалі на якія іншыя патрэбы. Як жа пасля гэтага пагадзіцца з мудрасцю старажытных рымлян «Рукапісы не гараць»!

З вялікай цяжкасцю былі знойдзены рукапіс «Гісторыі горада Віцебска» і адразу прапанаваны да ўвагі Камісіі. Члены Камісіі, аднак, не палічылі магчымым адразу прыняць яго да друку. Ці то трымаўся ў сэрцах і розуме недавер да буржуазнага навукоўцы, ці то яшчэ з якой прычыны, але рукапіс было вырашана адрэдагаваць уласнымі сіламі. Амаль месяц яго чыталі і абмяркоўвалі, пакуль ужо ў верасні 1921 г. не вырашылі надрукаваць асобна ў юбілейным зборніку. На жаль, задуме гэтай не было наканавана здзейсніцца. «Гісторыя горада Віцебска» і да сённяшняга дня — усё той жа нявыдадзены рукапіс, які захоўваецца ў фондах Віцебскага абласнога краязнаўчага музея. Ашчаджаны воляю лёсу, ці дачакаецца ён свайго выдаўца?

Да восені 1921 г. Сапуноў падрыхтаваў таксама некалькі новых артыкулаў: «Што такое Беларусь», «Хто такія беларусы», «Помнікі даўніны і іх ахова, папулярную брашуру «Кароткі нарыс гісторыі Віцебска да пачатку XX ст.». Аднак за ўсе гэтыя працы ён не атрымаў ніякага ўзнагароджання. Таму каб неяк падтрымаць уласнае існаванне, вымушаны быў прапанаваць Камісіі для набыцця каменныя малаткі са сваёй археалагічнай калекцыі, крышталь, 1000 паасобнікаў кнігі «Чарцёж м. Віцебска 1664 года». Аднак калі б толькі з гэтымі рэчамі прыйшлося развітацца!

1 студзеня 1922 г. Сапунова звольнілі з пасады архіварыуса Губархіва ў сувязі са скарачэннем штатаў. Такім чынам была страчана апошняя магчымасць атрымання няхай сабе і невялікай грашовай падтрымкі ад дзяржавы. Вясной-восенню гэтага цяжкага года ён яшчэ змог атрымаць нейкую працу ў Віцгубземупраўленні», але заробак гэты быў мізэрны і эпізадычны. Відавочна было зразумела адно: у паслугах старога хворага чалавека новая ўлада не мае патрэбы, на пенсіён не бярэ, а навуковы патэнцыял буржуазнага інтэлігента яе не надта і цікавіць. У сценах сапуноўскага жытла надоўга ўладкаваліся голад і галеча.

Аднак стары прафесар не мог развучыцца думаць, працаваць. Навуковая думка жыла, пульсавала, патрабавала выйсця. Катаракта засцілала свет, літары на рукапісах апошніх гадоў жыцця атрымліваліся вялізнымі і нязграбнымі, але ж рукапісы стваралiся. «Пастаяннны клопат аб тым, чым і як пражыць заўтрашні дзень, не даваў магчымасці сканцэнтраваць думкі, — узгадвае Сапуноў незадоўга да смерці. — «Што дзень наступны мне рыхтуе?» — вось што адцягвала ад сістэматычнай працы». Да таго ж большасць бібліятэк у горадзе была разрабавана, гэта не давала магчымасці наводзіць нават самыя простыя даведкі, што звы-

чаїна так неабходны ў навуковай працы.

Некалі, яшчэ ў снежні 1919 г., Сапуноў атрымаў ліст з Петраграда ад супрацоўніка бібліятэкі універсітэта Бранісдава Ігнатавіча Эпімаха-Шыпілы. У Сапунова з ім было наладжана і да рэвалюцыі трывалае ліставанне, але гэта не быў звычайны ліст ад сябра ці аднадумцы-навукоўца. Гэта быў хутчэй цяжкі стогн, вызначаны ў адзінай просьбе: пазбавіць ад галоднай смерці. У тым лісце Б. І. Эпімах-Шыпіла прасіў даслаць яму па пошце хоць пару фунтаў чорных хлебных сухароў, які фунт гароху, бобу альбо круп. «З усяго штату бібліятэкі, чалавек з пятнадцаці, — пісаў ён, — засталося каля пяці, астатнія перамерлі, і цяпер чарга за мной, калі Вы не ўратуеце». Сёння невядома, ці змог Сапуноў выправіць тады да знямоглага сябра ў Пеклаград, як называў гэты горад у сваім лісце Б. Эпімах-Шыпіла, якую пасылку. Хочацца ўсё ж такі думаць, што змог. Да такіх разважанняў падштурхоўвае не толькі той факт, што час гэты ў Віцебску быў крыху сыцейшы, і не толькі вера ў чалавечую добразычлівасць увогуле, але і тое, што ліст ад Эпімаха-Шыпілы Сапуноў падклеіў у асабісты альбом, вылучыўшы яго побач з іншымі рэліквіямі свайго жыцця. Наўрад ці зрабіў бы ён гэта, калі б неадпраўленая пасылка ляжала плямай на яго сумленні.

Цяпер кашчавая рука голаду дацягнулася і да правінцыі. Дырыжор М. А. Малько ў сваім лісце да І. С. Міклашэўскага 11 красавіка 1921 г. пісаў: «Грашовы крызіс тут жудасны. Няма «знакаў», не плацяць за доўгі тэрмін, а грошы танеюць. У нас зараз хлеб даражэйшы, чым у Вас і ў Маскве (10 красавіка каштаваў 1500 руб. за фунт)». Дзе шукаць паратунку? Хто дапаможа? Каб неяк адцягнуць канец, Сапуноў прадаў Віцебскаму пединстытуту разам з некаторымі сваімі кнігамі і два ненадрукаваныя раней рукапісы: «Пісцовыя кнігі Веліжа, Неўля, Себежа, Езярышча, Усвята» і Інвентар г. Віцебска і эканоміі Віцебскай 1667 года». Гэтыя рукапісы ўжо ніколі не ўбачаць свет — яны згубяцца ў віры часу...

«Дзякуючы толькі 4-м асобам мы з жонкаю не загінулі (літаральна!) ад голада і холада. Вось імёны гэтых незабыўных асобаў: А. І. Балкашынаў, В. А. Балкашынава, З. А. Ліхач, Б. Р. Брэжга», — пад гэтымі радкамі Сапуноў паставіў дату «1 сакавіка 1922 г.» і сцвердзіў запіс уласным подпісам. Што гэта: проста занатоўка для памяці ці нешта больш падобнае на памінальны спіс уратавальнікаў душ і жыццяў чалавечых? А. І. Балкашынаў — былы ўладальнік маёнтка Лускінопаль, дзе працаваў Сапуноў па архіўнай частцы, заўсёдны памагаты прафесара ў справе ўратавання дакументальнай спадчыны. В. А. Балкашынава і З. А. Ліхач — таксама насельніцы маёнтка, абедзве народжаныя Бялыніцкія-Бірулі. Брэжга Баляслаў Рычардавіч — былы загадчык Віцебскага аддзялення Маскоўскага археалагічнага інстытута, у 1920-я гады — супрацоўнік Віцебскага губернскага архіўнага фонда, пазней — прафесар, латышскі савецкі гісторык.

«Памяні, Госпадзе, душы супачылых слугаў Тваіх!..»

У траўні 1923 г. Сапунова зноў прынялі на службу — у якасці лектара сацыяльна-гістарычнага аддзялення Віцебскага педагагічнага інстытута, дзе ён пачаў чытаць курс лекцый па гісторыі Заходняй Расіі, а потым — толькі курс старажытнасцей Беларусі, чатыры гадзіны на месяц. Аклад прафесара Сапунова ў гэты час складаў 17 руб. 76 кап... За паўгода да смерці, успамінаючы мінулае, ён напісаў: «Я быў такі шчаслівы, што на старасці гадоў дажыў да адраджэння Беларусі, калі ні «сепаратызм», ні «сімпатыі да Беларусі» не сталі ўжо лічыцца крамольнымі. Але тут здарылася яшчэ горшая бяда! Калі я канстатаваў факт малага знаёмства шырокіх мас з назваю «Беларусь», то апынуўся ледзь не ворагам адраджэння дарагой бацькаўшчыны: мне не дазволена было чытаць у Педагагічным інстытуце лекцыі па гісторыі Беларусі, дзеля якой я, у меру маёй моцы і магчымасцей, працаваў больш за 40 гадоў і гісторыю якой я выкладаў на працягу 10 гадоў. Такім чынам, я трапіў, так бы мовіць, з агню ды ў полымя. Мне дазволена было чытаць толькі лекцыі аб старажытнасцях Беларусі. Але ці можна існаваць на гэтыя сродкі?..»

Сапраўды, курс беларускіх старажытнасцей у Віцебскім пединстытуце быў мізэрным і па колькасці адведзеных на яго гадзін, і па велічыні заробку, які ён даваў выкладчыку. Але ж давайце прагледзім яго праграму, укладзеную прафесарам Сапуновым: «1) Меры ўрада, якія былі прыняты для захавання помнікаў старажытнасці з часоў Пятра І і да 1920 г.; 2) так званыя Барысавы камяні і іншыя лапідарныя помнікі даўніны; 3) тапаграфія старажытнага Віцебска; 4) старажытнасці г. Віцебска і Віцебскай губерні. Помнікі старажытнасці ілюструюцца з дапамогаю чароўнага ліхтара. У інстытуце маецца больш за сотню дыяпазітываў». Як бачым, праграма гэтага невялічкага курса была досыць слушная, прадуманая, пазбаўленая дробязей і другарадных акцэнтаў. Застаецца толькі пашкадаваць таго выпускніка сённяшняга пединстытута, якому аб тапаграфіі старажытнага Віцебска нават і задумвацца не трэба.

З 1 красавіка 1924 г. Сапунову ў інстытуце было даручана весці яшчэ і «семінарый па рускай гісторыі з ухілам у гісторыю Беларусі». Стары прафесар прапанаваў сваім студэнтам самастойна распрацаваць наступныя тэмы: «Веча», «Статутныя граматы», «Граматы на Магдэбургскае права», «Галоўнейшыя стадыі ў развіцці саслоўяў на Беларусі», «Цар Іаан Грозны і Беларусь», «Беларусь пад уладай Масквы ў часы цара Аляксея Міхайлавіча». Студэнты з задавальненнем працавалі над прапанаванымі тэмамі, вывучалі крыніцы, бралі кансультацыі ў выкладчыкаў, спрачаліся. Праўда, з прафесарам Сапуновым, як і ўвогуле з Віцебскім пединстытутам, ім прыйшлося ў хуткім часе развітацца: у жніўні 1924 г. інстытут у сувязі з цяжкасцямі фінансавага становішча перапыніў сваю дзейнасць. Студэнты перабраліся ў Менск і працягвалі адукацыю ў нядаўна створаным Беларускім Дзяржаўным універсітэце, на сацыяльна-гістарычным аддзяленні якога гісторыю Беларусі выкладаў В. М. Ігнатоўскі, а семінарый па гісторыі народнай гаспадаркі Беларусі вёў У. І. Пічэта.

Наўрад ці выпала калі Сапунову ў жыцці сустракацца з прадстаўнікамі новага пакалення беларускіх гісторыкаў. Але сведчанні павагі да навуковай дзейнасці людзей старэйшага пакалення, сваіх папярэднікаў, мы сустракаем у выказваннях многіх з іх. Так, прафесар У. І. Пічэта пасля смерці А. П. Сапунова на пасяджэнні гісторыка-археалагічнай секцыі Інбелкульта даў яму наступную характарыстыку: «А. П. Сапуноў пракладваў на працягу сваёй дзейнасці вехі для беларускай гісторыі, без якіх немагчыма было б ісці наперад. У творах Аляксея Парфенавіча адчуваецца свежасць матэрыялу, які будзіць навуковую думку даследчыка... Характарызуючай Аляксея Парфенавіча як навуковага дзеяча, з'яўляецца вельмі каштоўная яго рэцэнзія, напісаная ім па прапанове Акадэміі Навук на твор аднаго з нямецкіх вучоных фон Кейслера «Русское владычество в Прибалтийском крае», у якой Аляксей Парфенавіч дакументальнымі фактамі разбіў довады нямецкага вучонага і ўсяго толькі на двух апошніх старонках свае рэцэнзіі зрабіў заключэнне. Такая ўмеласць карыстання матэрыяламі характарызуе Аляксея Парфенавіча як выдатнага гісторыка першай маркі».

У канцы 1923 г. у Віцебск трапіла паштоўка з наступным адрасам: «Russland. Witebsk. Беларускае этнаграфічнае таварыства», адпраўленая са славянскага інстытута пры Лейпцыгскім універсітэце. Але справа была ў тым, што ў горадзе арганізацыі з такой назвай проста не існавала. Праўда, у лютым 1922 г. пры этнаграфічным кабінеце Віцебскага аддзялення Маскоўскага археалагічнага інстытута была створана этнаграфічная камісія. Члены камісіі, якіх было каля 35 чалавек, чыталі навуковыя даклады, запісалі больш за 300 народных песень, сабралі каля 120 прадметаў этнаграфіі, нават пачалі выдаваць свой часопіс «Белорусский этнограф» (на рускай мове), які з прычыны адсутнасці сродкаў для выдання друкаваўся проста на машынцы ў колькасці 50 паасобнікаў. Але ў тым жа 1922 г. аддзяленне Маскоўскага археалагічнага інстытута ў Віцебску было зачынена, як, прынамсі, і сам інстытут. У паштоўцы з Лейпцыга дырэктар славянскага інстытута пісаў аб вялікай цікаўнасці сярод замежных навукоўцаў да беларускага культурнага руху ўвогуле і прасіў даслаць працы віцебскага таварыства, якія яму «было б вельмі прыемна распаўсюдзіць у Германіі». Невядома, колькі часу тая паштоўка блукала па калідорах савецкай улады, куды хутчэй за ўсё яна адразу і трапіла, пакуль нехта не праставіў на ёй больш дакладны адрас: «Педагагічных інстытут, прафесару Сапунову». Можа, гэта быў проста дасведчаны чалавек, які ведаў пра ўдзел Сапунова ў працы былой этнаграфічнай камісіі і новага этнаграфічнага гуртка ў падінстытуце, а можа, гэтую пераадрасоўку трэба лічыць за акт даверу ўладаў да буржуазнага навукоўцы, павароту тварам да яго асобы, усведамлення, зрэшты, магчымасці і неабходнасці выкарыстоўваць яго навуковы патэнцыял на карысць справы нацыянальнага адраджэння.

Адно шкада, што зразумета гэта было вельмі позна. Няўмольны час рабіў сваю справу, бязлітасна забіраў апошнія сілы. Прафесар Сапуноў атрымаў асабістае запрашэнне на нараду архіўных работнікаў Беларусі, якую наладжваў вясной 1924 г. Цэнтрархіў пры ЦВК БССР, тады, калі ўжо не меў фізічнай магчымасці паехаць на яе. Як спецыяліста ў музейнай справе яго запрасілі летам таго ж года на нараду знаўцаў музеяў у Віцебску, дзе планавалася абмеркаваць праблемы ўратавання экспанатаў 10 існуючых на той час у горадзе музеяў. Але і сюды ён прыйсці ўжо не змог, цяжкая хвароба і старасць не ведаюць ні спачування, ні літасці.

Толькі ў лістападзе 1923 г. на старонках газеты «Савецкая Беларусь» упершыню з'явіўся артыкул пад назваю «Трэба дапамога», дзе ўвага грамадскасці рэспублікі была прыцягнута да таго жахлівага становішча, у якім знаходзіўся прафесар Сапуноў. Але што пасля гэтага магло хутка змяніцца? Тое разумеў і сам Сапуноў, які невялічкі артыкул уклеіў у свой асабісты альбом і старэчымі нязграбнымі літарамі дадаў пад ім поўны горкай іроніі каментарый на латыні: «Канец увенчвае справу!..»

Але была яшчэ адна справа, якую прафесар Сапуноў паспеў распачаць, і звязана яна са стварэннем Віцебскага акруговага таварыства краязнаўства.

Яшчэ ў траўні 1923 года Сапуноў атрымаў паведамленне аб абранні яго членам-карэспандэнтам Цэнтральнага Бюро Краязнаўства пры Расейскай Акадэміі Навук. Ён адразу ўключыўся ў новы рух і ўжо летам даслаў у Петраградскае аддзяленне ЦБК два даклады: першы — аб стане краязнаўчай справы ў Віцебску, другі — пад назваю «Віцебская губерня і яе месца ў Беларусі». Сапунова працягваў хваляваць лёс помнікаў культуры. Праз Акадэмію ён узбудзіў хадатайніцтва аб прыняцці мер да аховы старажытнай сядзібы ў маёнтку Сухадрэва Віцебскай губерні.

На пачатку 1924 г. у Віцебску актыўна вялася падрыхтоўчая праца па стварэнні акруговага таварыства краязнаўства. У лік 20 заснавальнікаў новай арганізацыі ўвайшоў і прафесар Сапуноў. Гэты час для Сапунова быў вельмі цяжкі. У студзені 1924 г. у «Савецкай Беларусі» з'явіўся новы артыкул за подпісам М. Мялешкі, у якім чытаем: «А.П. Сапуноў вельмі дрэнна відзіць, з прычыны хваробы вачэй, пішыць пад лупай і па бойкіх вуліцах не можа хадзіць без павадыра. Да ўсяго гэтага, А. П. Сапуноў апынуўся ў страшэннай беднасці. Страціўшы, па старасці, магчымасць служыць, ён не мае цяпер абсалютна ніякіх сродкаў да жыцця. З прысланай у інспекцыю навуковых устаноў яго заявы вее цяжкім жахам. У сваіх прыватных лістах Аляксей Парфенавіч апісвае нечалавечыя пакуты, якія яму даводзіцца перажываць пад старасць... І чакае час, калі смерць збавіць яго ад гэтай нядолі».

Але нават і ў такіх умовах Сапуноў знаходзіць сілы працаваць на карысць «адраджэння дарагой бацькаўшчыны»: па просьбе незацверджанага яшчэ краязнаўчага таварыства ён складае бібліяграфію Віцебшчыны, перадае таварыству частку сваіх прац, актыўна выступае супраць зачынення ў горадзе педагагічнага інстытута, выказваецца за неабходнасць яго існавання дзеля далейшага развіцця асветы і адукацыі на Віцебшчыне.

Зрэшты, афіцыйныя ўлады адшукалі магчымасць аказаць Сапунову матэрыяльную падтрымку. На пачатку кастрычніка 1924 г. амаль усе рэспубліканскія газеты змясцілі на сваіх старонках паведамленне аб прызначэнні з 1 кастрычніка 1924 г. пастановаю СНК Беларусі «пажыццёвай персанальнай пенсіі прафесару Сапунову ў адзнаку яго вялікіх заслуг у вывучэнні беларускага краю». Пенсія была вызначана ў памеры стаўкі адказнага работніка па 17-м (вышэйшым) разрадзе тарыфнай сеткі. Аднак на наступны дзень у газетах новае паведамленне: 2 кастрычніка ў 10 гадзін вечара ў Віцебску прафесар Сапуноў памёр. Так усёпрынікальная смерць перапыніла пакутлівую старасць, збавіла ад клопатаў аб «хлебе надзённым», а можа і ўратавала ад новай немінучай бяды — ярлыка «нацдэма» і «ворага народа».

Сёння ўдзячныя нашчадкі не прыносяць кветкі на магілу прафесара Сапунова, бо нават самі могілкі, як і амаль усе старыя некропалі ў Віцебску, зараз знішчаны. У доме Сапунова не створаны мемарыяльны музей краязнаўцы, бо невялікі драўляны дом у Духаўскім завулку не захаваўся. Не знайшлося месца кутку прафесара Сапунова і ў былой экспазіцыі абласнога краязнаўчага музея. Затое ў Віцебску ёсць вуліца імя А. П. Сапунова, але калі вы выпадкам будзеце ў горадзе, не раслічвайце лёгка на яе трапіць: у блытаніне вулачак гарадскіх ускраін арыентуецца далёка не кожны віцяблянін. А калі вам усё ж пашчасціць апынуцца там, не думаю, каб нават карэнны жыхар яе змог растлумачыць вам, хто такі Сапуноў і чаму варта было ў яго гонар пераймяноўваць адну з вуліц імя Урыцкага.

«З боку Віцебшчыны ў стасунку да памяці Аляксея Парфенавіча ёсць значнае апушчэнне. Аляксей Парфенавіч сваімі працамі ўтварыў пышны і вечны помнік Віцебшчыны; на Віцебшчыне ляжыць абавязак паднесці помнік Аляксею Парфенавічу», — гэтыя словы прагучалі яшчэ ў 1925 г. на вечарыне, наладжанай Віцебскім акруговым таварыствам краязнаўцаў і ахвяраванай памяці А. П. Сапунова. І калі мы сёння імкнемся да стварэння асвечанага грамадства, адной з найгалоўнейшых прыкмет якога з'яўляецца павага да розуму, таленту і адукацыі, то ўшанаванне памяці А. П. Сапунова і перавыданне яго лепшых твораў з'яўляецца неадкладнай задачай дня.

В. И. ЛИХАЧЕВ

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ОБОРОНЫ ПОЛОЦКА В 1941 ГОДУ

Советский народ совершил великий подвиг в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Среди тех, кто приближал нашу победу и принял на себя первые удары врага, были участники обороны города Полоцка. Защитники Полоцка в июне—июле 1941 года своей стойкостью сковали значительные силы врага, уничтожали его живую силу и технику, позволили советскому командованию подтянуть резервы.

В течение последних двадцати лет мной при содействии Полоцкого краеведческого музея, полоцкой газеты «Полацкі веснік» (ранее «Сцяг камунізму». — В. Л.) и юных следопытов полоцкой школы-интерната проделан большой труд по розыску участников обороны Полоцка, тех, кто в июне-июле 1941 года принял на себя первые удары врага, кто бесстрашно истреблял нагло ворвавшихся в нашу страну гитлеровцев, шел в первый штыковой бой, с гранатой поднимался на вражеские танки, отстаивая каждый метр, каждую пядь, каждый шаг родной земли.

Неоднократно мне приходилось выезжать для работы в Центральном Архиве Министерства Обороны СССР в г. Подольск, где проведено исследование документов 22-й армии, 174-й стрелковой дивизии и других частей, сражавшихся на флангах полоцкой обороны. Собранный мною материал — выписки из архивных документов, записи бесед ветеранов боев, их письма, дневники военных лет, фотографии защитников Полоцка — свидетельствует о следующем.

Оборона Полоцка от немецко-фашистских захватчиков велась с 27 июня по 15 июля 1941 года частями 22-й армии Западного фронта (командующий генерал-лейтенант Ф. А. Ершаков), развернувшимися по реке Западной Двине от Краславы (Латвийская р-ка) до г. Витебска (до 260 км). В центре — от Дисны до Уллы, включая 42 км дотов Полоцкого укрепрайона (УР), стойко оборонялась 174-я стрелковая дивизия под командованием комбрига А. И. Зыгина (военный комиссар — полковой комиссар С. В. Евдокимов, начальник штаба — полковник Г. А. Черкасов). Она входила в состав 62-го стрелкового корпуса (1).

На рубеж Западной Двины 22-я армия выдвигалась из Уральского военного округа и в составе группы резервных армий вошла в полосу восстанавливаемой Ставкой Главного командования стратегической обороны на Западном направлении.

С приближением фронта советские и партийные органы Полоцка (секретари РК КПБ Н. А. Новиков, Г. С. Петров, П. Ф. Политыко) мобилизовали силы полочан на оборону города: организованно проходила мобилизация в Красную Армию, тысячи людей участвовали в оборонительных земляных работах, с предприятий в армию передавались автомашины, лошади, повозки; началась эвакуация детей, женщин, промышленного оборудования. Был сформирован истребительный батальон (командир Д. П. Рожков) для охраны промышленных объектов, железной дороги, мостов через Западную Двину и Полоту. Батальон 4 июля реорганизован в отряд внутренней обороны (командир С. П. Портнов, комиссар Н. А. Новиков). Добровольцы-истребители совместно с воинами 174-й стрелковой дивизии уничтожали гитлеровских десантников.

Сражение за Полоцк началось на дальних подступах к нему. Под напором превосходящих сил про-

Командир 390-го гаубичного артиллерийского полка майор Г. К. Колоколов.

Командир 174-й стрелковой дивизии комбриг А. И. Зыгин.

Комендант Полоцкого укрепрайона полковник Н. С. Дэви.

тивника в Полоцком направлении отходили обессиленные в боях, разрозненные части 11-й армии, остатки 50-й стрелковой дивизии и др. (2).

На рассвете 27 июня 1941 года 390-й гаубичный артиллерийский полк под командованием майора Г. К. Колоколова — участника испанских боев — принял первый бой на полоцкой земле. В районе деревни Кутняны (юго-западнее Полоцка) у переправы через реку Ушача артиллеристы (3) мощным залповым огнем уничтожили механизированную колонну — сильный немецко-фашистский авангард (4), стремившийся выйти к реке Западная Двина и захватить мосты. В этот день на станциях Полоцк, Громы, Дретунь под бомбежкой противника разгружались части 174-й стрелковой дивизии, с ходу занимали рубежи обороны.

29 июня 174-я стрелковая дивизия приняла бой на подступах к Полоцку и Полоцкому УРу (1). Военный Совет 22-й армии создал Полоцкий боевой участок, начальником которого назначил комбрига А. И. Зыгина — командира 174-й стрелковой дивизии. Приказом № 1 от 29.06.1941 г. (5) комбриг А. И. Зыгин подчинил себе гарнизон Полоцкого укрепрайона с системой его дотов и пятью отдельными пулеметными батальонами, остатки частей 17-й стрелковой дивизии: 390-й гаубичный артполк и тыловые подразделения (стрелковые полки дивизии под командованием генерал-майора Т. К. Бацанова накануне войны ушли на учения в район г. Лиды и там вступили в бой с врагом), 50-й стрелковый полк и части, прибывшие из западных районов после выхода из окружения, из которых комбриг А. И. Зыгин формировал боевые отряды и ставил их на оборону Полоцка.

На оборонительном рубеже Островщина, Ветрино, Ворончи, м. Гомель, Улла (6) 174-я стрелковая дивизия преградила путь подразделениям немецкой 3-й танковой группы, рвавшимся к Полоцку. С 3 июля Полоцк и укрепленный район подверглись массированным бомбежкам, сильному артиллерийскому и минометному обстрелу, а с 4 июля начались напористые атаки вражеской пехоты. Постоянно прерывалась и часто отсутствовала связь с соседними соединениями и вышестоящим командованием. Фашистские диверсанты перехватывали делегатов связи. Сведений о противнике не было. Подчас они ограничивались лишь данными дивизионной разведки. В этих тяжелейших условиях высокую стойкость, героизм и самопожертвование при защите Полоцка проявили стрелковые полки: 494-й (командир подполковник И. Т. Китаев), 508-й (командир полковник Т. П. Милорадов, 628-й (командир подполковник Г. В. Павлюк), 50-й (командир полковник В. П. Чуприн), два сводных батальона 17-й стрелковой дивизии (командир капитан Калгашкин), а также воины укрепрайона (комендант Полоцкого УРа полковник Н. С. Дэви). Важную роль в срыве атак танков и пехоты противника сыграли 390-й гаубичный артполк, 56-й корпусной артполк и другие артиллерийские части и подразделения (5, 7, 8).

Комбригом А. И. Зыгиным для организации совместно с соседними частями контрударов создан 5 июля подвижной отряд (ударная группа) в составе 71-го отдельного разведывательного батальона (командир майор П. С. Галайко), усиленного ротами: стрелковой, пулеметной, минометной и артподразделениями — двумя орудиями полковой артиллерии и двумя орудиями противотанковой обороны (9). Создан и второй боевой подвижной отряд из резерва комдива в составе стрелкового батальона 494-го стрелкового полка с 76-мм полковой батареей (командир капитан А. И. Кочнев) (10). В наиболее ответственные моменты их лично возглавлял комбриг А. И. Зыгин (11). Отряды своими активными боевыми действиями внесли положительный вклад в оборону Полоцка.

Части 174-й стрелковой дивизии неоднократно решительно контратаковали гитлеровцев, истребляли их, задерживали продвижение. Так было 3 июля, когда вражеские колонны двигались к Полоцку из Даугавпилсского и Молодечненского направлений. Так было 4 июля, когда фашистские танки и автоматчики прорвали наши позиции, но были отброшены за реку Ушача в районе Банонь — Кутняны. Дважды 5 и 6 июля немецкие части были отбиты с плацдарма на северном берегу Западной Двины у г. п. Дисны и в районе Уллы. Но были и тяжелые напряженные и трагические моменты в обороне Полоцка. Враг пытался обойти и блокировать доты. Зыгин лично организовывал и проводил контратаки по деблокированию дотов Полоцкого укрепрайона (11). В эти дни Совинформбюро сообщало, что на полоцком направлении продолжаются упорные и напряженные бои в районе Боркович и Уллы, в ходе которых наши войска короткими контрударами наносили противнику большие потери (12). Среди защитников Полоцка стойко дрались воины многих национальностей нашей Родины — русские, белорусы, украинцы, армяне, узбеки, татары, башкиры и др. Вот лишь некоторые из героев боев за Полоцк, которые были удостоены правительственных наград. Орденом Красного Знамени награжден командир отделения 494-го стрелкового полка младший сержант Афанасий Быков, который во время атаки уничтожил танк и группу пехоты противника. Этого же ордена удостоен командир роты младший лейтенант Владимир Задворных, младший сержант Исхак Фагтычков (13), представлены к награде — политрук Беник Пилтыкьян, младший политрук Николай Быстряков и другие (14). Орденом Красной Звезды награжден помощник начальника штаба 494-го стрелкового полка старший лейтенант К. А. Арзамазцев, который взводом атаковал роту противника, деблокировал дот; контратакой двумя ротами выбил противника из деревни Белое. Орденом Красной Звезды награждены командир минометной роты младший лейтенант Фатери Абдулин, командир стрелкового взвода лейтенант Николай Китаев, командир роты Серафим Иванов, красноармеец Исхак Гадылшин, младший сержант Никифор Скрипай. Красноармеец Файзула Сейфулин удостоен медали «За отвагу» (13). Орденом Красной Звезды награжден военврач 3 ранга А. Н. Герасимов, который мужественно участвовал в атаках, вел за собой в бой красноармейцев (15), спас красное знамя дивизии. В журнале боевых действий 390-го гаубичного артполка записано, что в боях за Полоцк отличились артиллеристы: командир дивизиона капитан И. А. Антонов, командиры батарей лейтенанты К. А. Туров, Ф. А. Демидов, А. Т. Федорович, командир орудия младший сержант А. З. Сутормин и многие другие (8).

Справа по фронту от 174-й дивизии оборонялись: в Себежском укрепрайоне — 170-я стрелковая дивизия (генерал-майор Т. К. Силкин), на рубеже Западной Двины от Краславы до Дриссы (Верхнедвинск) — 112-я стрелковая дивизия (комбриг Я. С. Адамсон, с 30.06.41 г. полковник И. А. Копяк); от Дриссы до Дисны — 98-я стрелковая дивизия (генерал-майор М. Ф. Гаврилов). К Дисне, Волынцам, Борковичам отходила после кровопролитных боев на реке Неман в районе Алитус — 126-я стрелковая дивизия (генерал-майор М. А Кузнецов, с 8.07 — полковник Е. В. Бедин). Слева от 174-й дивизии, на участок Улла — Бешенковичи к 4 июля выдвинулась 186-я стрелковая дивизия (генерал-майор Н. И. Бирюков). На фланге в районе Витебска 153-я стрелковая дивизия (полковник Н. А. Гаген) в начале июля месяца передана в 20-ю армию. Северо-западнее Витебска к 10 июля подошла 214-я стрелковая дивизия (генерал-майор А. Н. Розанов) (16).

Не сумев овладеть Полоцком с фронта, враг, продолжая вести здесь сковывающие боевые действия, перенес 7—9 июля основные удары в обход Полоцкого укрепрайона, форсировал Западную Двину в районе Дисны и Уллы. 174-я и соседние с ней дивизии вступили в ожесточенные бои на флангах в районах Борковичи — Боровуха-1 против 57-го моторизован-

ного корпуса и Уллы — Сиротино против 39-го моторизованного корпуса (17). Советские воины не раз переходили в контратаки.

Части Полоцкого боевого участка прочно удерживали свои позиции. Стойкость защитников Полоцка создала угрозу флангам немецких групп армий «Север» и «Центр». Командование немецких сухопутных войск решило ликвидировать эту угрозу. В результате начавшегося крупного наступления гитлеровские войска к вечеру 9 июля вышли к рубежу Западная Двина — Днепр на линию Полоцк — Жлобин. На подступах к Полоцку шли кровопролитные бои.

12—14 июля противник вводит в бой все новые части. Нарастает ожесточение боев за город. Враг несет большие потери, но рвется к Полоцку. Так, в бою под Боровухой-1 челябинцы-зыгинцы уничтожили до двух тысяч гитлеровцев. Здесь враг бросил в бой сто танков, поддержанных пехотой. Защитники Полоцка отбивали по 4—5 атак в день, попадали в окружение, прорывались из него и вновь вели упорные бои, ценой своей жизни преграждая путь врагу (18).

13 июля 1941 г. комбриг А. И. Зыгин по аппарату № 1 доложил начальнику штаба 62-го стрелкового корпуса полковнику А. П. Пилипенко: «...Части находятся на Западной Двине. Скованы боем. От трех батальонов Китаева осталось не более полутора рот. Буду всю ночь втягивать подразделения Милорадова и артиллерию. Для этого потребуется не менее 6 — 7 часов. Имею не более 20 — 25 машин... Против нас действует 206-я ПД в составе 312, 401, 413 п. п. и 206 АП. Эти сведения получил лично от пленного артиллериста 206-го АП» (19).

Против 6-ти стрелковых дивизий 22-й армии враг обрушил удар 16-ти дивизий (трех танковых, трех моторизованных и десяти пехотных), поддерживаемых мощными соединениями авиации (17). Несмотря на контрудары войск Полоцкого УРа и героизм советских воинов, враг, обладая трех-четырехкратным превосходством в силах и средствах, прорывает оборону на флангах 174-й дивизии и устремляется в обход Полоцка к Невелю. Следует отметить, что с 10 июля началось Смоленское сражение, 11 июля пал Витебск, а защитники Полоцка еще держались.

К середине июля создалась угроза полного окружения и уничтожения Полоцкого гарнизона. По приказу командующего 22-й армии комбриг А. И. Зыгин в ночь с 15 на 16 июля 1941 года начал отход от Полоцка в сторону Невеля. 20 — 21 июля он с боем совершил прорыв и выход из окружения, сохранив личный состав, технику и знамя дивизии (1).

Хотя враг вступил в левобережную часть города Полоцка 15 июля, а в правобережную 16 июля, доты Полоцкого укрепрайона продолжали вести бой против фашистов до 19 июля (20).

В своих мемуарах немецкий генерал Г. Гот назвал Полоцк крепостью и признал, что в Полоцке находился способный руководитель (21).

За оборону Полоцка и прорыв из окружения А. И. Зыгин награжден орденом Ленина (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1941 года).

В Центральном Архиве МО СССР найден наградной лист на Алексея Ивановича Зыгина. Вот выписка из него: «Командир 174-й стрелковой дивизии тов. А. И. Зыгин — волевой, решительный и храбрый командир. Способен умело организовать бой и лично своим примером влиять на ход боя. Несмотря на большую протяженность фронта в районе Полоцка, Зыгин сумел организовать оборону фронта так, что противник, несмотря на его тройное превосходство и отчаянные атаки, успеха нигде не имел. При занятии противником нескольких дотов Зыгин сам водил батальон в контратаку для восстановления положения. При отходе из Полоцка по приказу Зыгин умело организовал сопротивление по рубежам, в результате чего противник все время сдерживался и нес большие потери.

При выходе из окружения в районе озера Ордово и севернее 20 июля 1941 года тов. Зыгин, создав ударный кулак, ночной атакой при личном руководстве пробил брешь, благодаря чему 62-й корпус со всем командованием вышел из окружения, а противник понес большие потери» (22). 174-я стрелковая дивизия стойко сражалась в боях под Москвой и была преобразована в 20-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Генерал-лейтенант А. И. Зыгин впоследствии командовал 4-й гвардейской армией, участвовал в освобождении Полтавы и погиб в битве за Днепр 27 сентября 1943 г. Именем комбрига Алексея Ивановича Зыгина названа улица в городе Полоцке.

Таким образом, оборона Полоцка задержала продвижение гитлеровцев на восток более чем на две недели и внесла значительный вклад в срыв гитлеровского плана «молниеносной войны».

ИСТОЧНИКИ:

1. Центральный Архив Министерства Обороны СССР (далее — ЦА МО СССР), ф. 20 гв. СД, оп. 1, д. 1 (исторический формуляр), л. 1-2.

2. ЦА МО СССР, ф. 50 СД, оп. 1, д. 1 (исторический формуляр), л. 9-10; ф. 1159, оп. 1, д. 2 (история 50 СД), л. 18-19, 41.

3. Полоцкий краеведческий музей, научный архив. Воспоминания полковника Г. К. Колоколова, командира 390-го гаубичного артполка. Письмо от 27.04.. 1976 г. (копия — архив автора).

4. Гальдер Ф. Дневник / Военно-научное управление Генерального штаба. — Москва, 1959, книга 7. С. 103-107.

5. ЦА МО СССР, ф. 376, оп. 10803, д. 11 (боевые приказы и боевые донесения 174 СД), л. 1-2, 7-8.

6. ЦА МО СССР, ф. 376, оп. 10803, д. 37 (оперативные сводки штаба Западного фронта), л. 2.

7. ЦА МО СССР, ф. 376, оп. 10803, д. 13 (боевые приказы, донесения, оперсводки 174 СД), л. 1.

8. ЦА МО СССР, ф. 440 ПАП (бывший 390 ГАП), оп. 138264, д. 10 (журнал боевых действий 390 ГАП), л. 1, 2, 3, 6.

9. ЦА МО СССР, ф. 376, оп. 10803, д. 13, л. 56, 57, 58.

10. Из письма от 16.02.1981 г. командира 494 СП полковника в отставке И. Т. Китаева (архив автора).

11. ЦА МО СССР, ф. 376, оп. 10803, д. 13, л. 56-62.

12. Сообщения Советского Информбюро, т. 1, изд. Совинформбюро. М,. 1944. Сводки за июль. С. 38.

13. ЦА МО СССР, ф. 33, оп. 682523, д. 13 (наградные листы), л. 148, 150, 154, 258; 156-168.

14. ЦА МО СССР, ф. 376, оп. 10815, д. 48 (представления к правительственным наградам), л. 83, 84.

15. ЦА МО СССР, ф. 376, оп. 10815, д. 2 (директивы политотдела), л. 37.

16. ЦА МО СССР, ф. 376, оп. 10803, д. 28 (боевые документы штарма), л. 1-15; 39-42.

17. Краснознаменный Уральский (История Краснознаменного Уральского военного округа), — М., Воениздат, 1983. С. 111.

18. ЦА МО СССР, ф. 376, оп. 10803, д. 72, л. 5.

19. ЦА МО СССР, ф. 529, оп. 6727, с. д. 13 (тетрадь переговоров по аппарату № 1), л. 6.

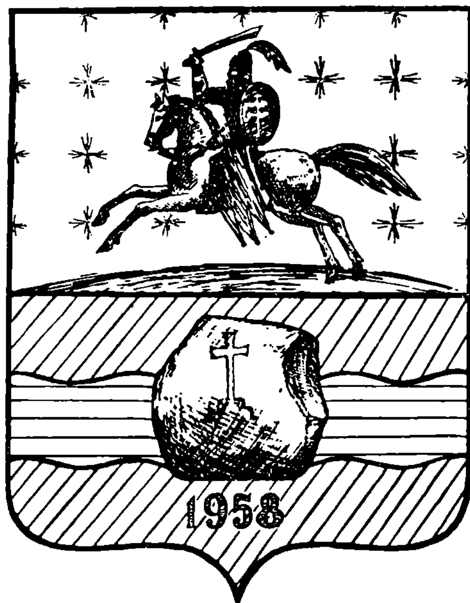
20. Военный энциклопедический словарь. — М., Воениздат, 1983, С. 573.

21. Г. Гот. Танковые операции. М., Воениздат, 1961. С. 86-87, 93, 104, 108.

22. ЦА МО СССР, ф. 33, год 1941, оп. 682523, д. 13 (наградные листы), л. 103.

А. И. ТРОФИМОВ

ПРОЕКТ ГЕРБА г. НОВОПОЛОЦКА[1]

Описание герба

Французский щит пересечен. В верхнем горностаевом поле Полоцкий герб: на коне воин, держащий саблю; на левой руке надет щит с двойным на нем крестом. В нижнем пурпуровом поле голубой волнистый пояс, в котором Борисов камень с изображенным на нем крестом. В оконечности щита цифры «1958».

Символика герба

Полоцкий герб указывает на близкое расположение Новополоцка от него. Использование герба Полоцка означает доблестное участие полочан в крупных событиях прошлого. Горностаевое поле символизирует родство полоцких князей с Рюриковичами и византийскими кесарями. Голубой волнистый пояс символизирует реку Западную Двину, величаво протекающую через город, которая в древности была частью пути «из варяг в греки». Камень с крестом, знаменитый Новополоцкий (Подкостельцы) «Борис-хлебник», указывает на обжитость этих мест с древних времен. Цифры «1958» означают начало строительства современного города, а пурпуровое поле — мощь его предприятий.

Обоснование герба

Французская форма щита является наиболее приемлемой, т. к. все старые гербы белорусских городов, и в частности Полоцкого Наместничества Витебской губернии, имеют указанную форму щита. Одно из основных делений щита (пересечение) также присуще всем гербам городов Витебской губернии. Таким образом, по форме герба соблюдено стилистическое единство предложенного варианта с известными гербами городов Витебской губернии (1).

Использованные в гербе голубая и пурпуровая краски входят в число пяти допустимых геральдических красок, как и краска натурального цвета, применяемая для естественных негеральдических фигур: Полоцкого герба, и камня, широко известных в геральдике (1, с. 14—17, 26).

Как знак особого отличия в гербе использована почетная геральдическая фигура — волнистый пояс.

Изображение в гербе горностаевого меха — символа власти (2, с. 32), правомерно, т. к. полоцкий князь Всеслав Брячиславич княжил на великом столе в Киеве в 1068—1069 годах.

Использование в гербе Новополоцка известных негеральдических фигур объясняется следующим: как известно, у Полоцка три старых герба: «корабль», литовские «колюмны» и «Погоня», следовательно, в гербе Новополоцка правомерно изображение любого из них. Но литовские «колюмны» в качестве герба Полоцка использованы только один раз: на Большой государственной печати Ивана IV (3, с. 156). Поэтому их изображение на гербе Новополоцка сочтено нецелесообразным. Герб XVI—XVIII вв. г. Полоцка «корабль» символизирует торговлю и судоходство, что характерно для всех белорусских городов, расположенных на крупных реках: Западной Двине и Днепре (4, с. 23—24). Каких-то особых событий в жизни города, его заслуг перед Отечеством этот герб не отражает, т. е. он безлик в историческом плане. Таким образом, использование герба «корабль» в гербе Новополоцка можно считать малоинформативным в отношении г. Полоцка. Самым удачным в этом плане является Полоцкий герб («Погоня»). Во-первых, он восходит к Александру Невскому (5, с. 131), зятю полоцкого князя; во-вторых, символизирует участие полочан во многих сражениях прошлого: походе Олега на Царьград, Невской, Куликовской и Грюнвальдской битвах и т. д.; и, в-третьих, «Погоня» — самый известный герб Полоцка: он был изображен на хоругви полоцкой дружины в Грюнвальдской битве (1410), приведен в первом русском гербовнике — Титулярнике 1672 г., на рисунке Корба (1699 г.), в большом Российском Государственном гербе 1882 г.

Борисов камень достоин быть изображенным в гербе Новополоцка. Знаменитый «Борис-хлебник» известен науке еще по «Хронике литовской и жемойтской» с XVI века (6, с. 100) и более поздним публикациям, он является и природным объектом, и памятником эпиграфики, а его первоначальное расположение в реке Западной Двине возле д. Подкостельцы позволяет изобразить его в гербе Новополоцка, т. к. названная местность входит ныне в городскую черту.

Описание графического изображения

При графическом воспроизведении герба голубую краску изображают горизонтальными линиями, пурпурную — диагональными линиями справа, а краски натурального цвета — оттенениями и тушевкой (1, с. 3).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гербы городов, губерний и посадов Российской империи: Репринтное воспроизведение издания 1889 года — М., 1990.
2. Лакиер А. Б. Русская геральдика. — М.: Книга 1990. — (Историко-литературный архив).
3. Соболева Н. А. Старинные гербы российских городов.— М.: Наука, 1985.
4. Цітоў А. К. Гарадская геральдыка Беларусі. — Мн.: Полымя, 1989.
5. Археалогія, нумізматыка і геральдыка Беларусі. — Мн.: БелСЭ, 1979.
6. Ляўкоў Э. А. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны.— Мн.: Навука і тэхніка, 1992.

[1] Предлагаемый материал является частично переработанным проектом, участвовавшим в конкурсе 1992 г. на герб города Новополоцка под девизом «696969». О результатах конкурса объявлено ещё не было. — Прим. ред.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

Поэты не рождаются случайно,
Они летят на Землю с высоты,
Их жизнь окружена глубокой тайной,
Хотя они открыты и просты.

Глаза таких божественных посланцев
Всегда печальны и верны мечте,
И в хаосе проблем их души вечно светят
Мирам, что заблудились в темноте.

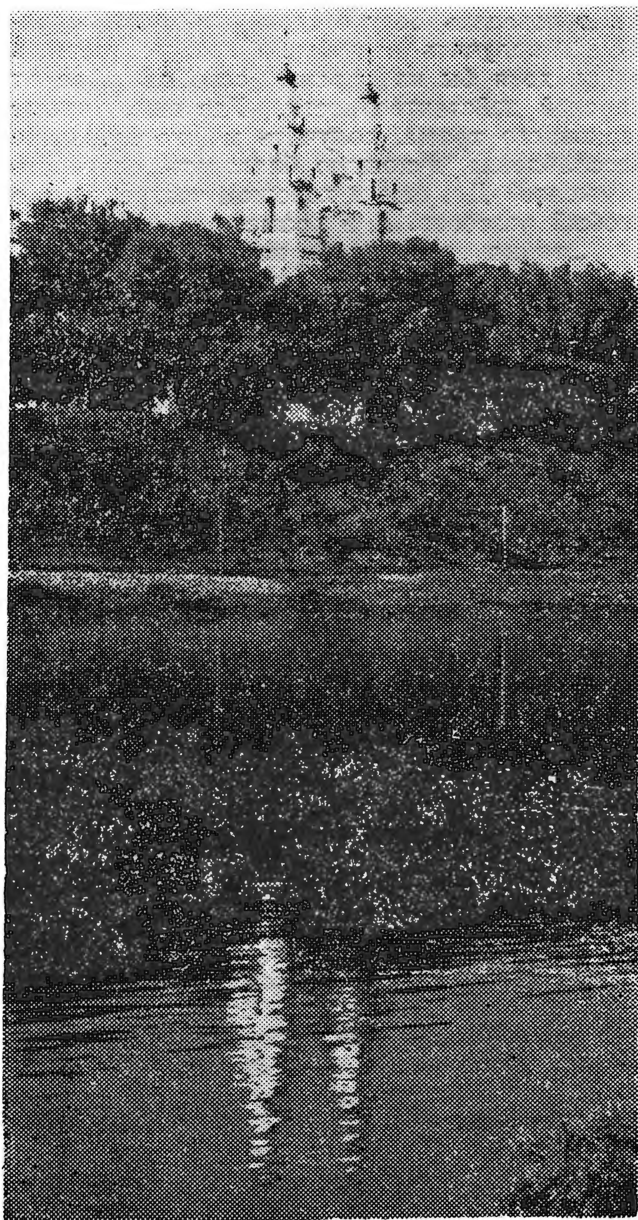
Игорь Тальков

Ядвига ДВИНСКАЯ

СОФИЯ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

Очерк

Сколько бы я ни приезжала в Полоцк, всегда меня манит одно чудо: Софийский собор! Этот редкий памятник зодчества, вместивший в себя дух древности в такой мере,

что и сейчас, проходя по подпольной части нынешнего храма и дотрагиваясь до остатков древних крестчатых столбов, в древности поддерживающих своды, невольно вспоминаешь ту далекую эпоху, тот изначальный период жизни Полоцкого Софийского собора XI века, который ныне может представить только тот, кто знает его историю непонаслышке.

Мы ведаем из летописей, что в древнем Полотеске с 1044 по 1101 годы княжил мудрый правитель, князь Всеслав Брячиславович, прозванный в народе Чародеем за свои незаурядные способности. В тот период междоусобных распрей между потомками Владимира Святославича и Рогнеды Рогволодовны, в период сложной политической жизни древней Киевской Руси, именно этот непокорный потомок родоначальника полоцких князей — Рогволода и его дочери Рогнеды, смекалистый, храбрый и, должно быть, человеколюбивый князь Всеслав (неспроста он прокняжил 57 лет) вынужден был совершить поход на Великий Новгород, возможно, чтобы поправить финансовое положение, пополнить казну и добыть церковные колокола, в то время дорогие, и, кто знает, какие внутренние мотивы руководили князем, надумавшим повторить неудачный (в 1021 году) поход своего отца, князя Брячислава, через 45 лет.

Поход на Новгород был совершен в 1066 году. «Пожгоша» Новый град дружина Всеславова, сетует летописец новгородский о том походе князя полоцкого, «колоколы сняша». А ведь именно в ту пору потомок полоцкого князя Изяслава Владимировича, рано умершего, а потому лишившего своих наследников права княжения на великом киевском столе, неугомонный, по образу мыслей христианин, а по воспитанию и манерам еще полуязычник (как считает Л. В. Алексеев — доктор исторических наук, историк, археолог) смеет строить в Полоцке, вопреки, может быть, указам князя киевского, свой, в ту пору третий на Руси, православный кафедральный собор святой Софии — Божией Премудрости. А это было возможно тогда только в Киеве и втором по значимости городе Руси — Новгороде, где Ярослав Мудрый — гениальный сын Владимира Святославича и правнук великой княгини Ольги — ставит соборы святой Софии в первой половине славного одиннадцатого века. Поскольку именно в этих соборах (как и позднее в Полоцкой Софии) были епископские кафедры, то епископы проповедовали христианскую веру, основы которой Владимир — Креститель Руси, родитель Ярослава Мудрого, перенял из Византии — оплота православия того времени.

На Русь священники-миссионеры перенесли одну из двух ветвей христианства — православие. А Полоцкое княжество, или как тогда оно именовалось — Полоцкая земля—

представляло собой западный регион Древней Руси — Западную Русь. Все последующие изменения — наслоения значительно позднего времени, и нам, потомкам древнерусских полоцких кривичей, не следует забывать о своих корнях.

Работая в Полоцком историко-археологическом заповеднике в годы, когда там проводились интенсивные исследования древнего Софийского собора (XI века) и прилегающей к нему территории крупнейшими учеными-археологами (Г. В. Штыхов, П. А. Раппопорт, Г. М. Штендер, В. А. и Вас. А. Булкины, а еще ранее Л. В. Алексеев, М. К. Каргер и их помощники С. Тарасов, О. Трусов и другие), я имела возможность не только изучать историю родной земли, но и принимать непосредственное участие в исследованиях фрагментов кладки древнерусского православного храма — Софийского собора, должно быть, семиглавого.

Да! Архитекторы Глаубиц и Косинский создали красивейший футляр в XVIII веке для древней Софии полоцкой, по размерам значительно меньшей. Эти великие архитекторы не посмели «красу порушить» до конца, они сознательно включили в здание униатского собора XVIII века всю восточную стену древнего храма (с тремя апсидами — алтарями), два мощных фрагмента западной стены древней Софии, даже не заделав отверстие древнего, центрального, канонического западного входа в древний собор, а лишь пристроили снаружи точно такие же апсиды, как и древние восточные. То, что эти западные псевдоалтари — поздние, не ровесники древних восточных, говорят археологические исследования западных апсид, проведенные ленинградскими археологами в 1978—1979 гг. (фундамент тоже из плинфы, но из ее кусков, то есть во вторичном использовании). Более того, архитекторы Глаубиц и Косинский не посмели уничтожить фундамент пристройки, прилегающей к древней южной стене Софии с юго-востока, где был древний южный вход в собор. Хочется думать, что эта пристройка XII века не что иное, как «голбец», в котором обитала первоначально просветительница Древней Руси, наша мудрая, высокообразованная княжна Предслава, в монашестве Евфросинья Полоцкая, мощи коей и поныне покоятся в детище ее души — Спасо-Преображенской церкви — памятнике древнерусского зодчества XII века, давшем начало полоцкой архитектурной школе. Эта церковь на территории ныне возрожденного женского Евфросиньевского монастыря, ее архитектурные особенности и фрески — уникальны.

И хотя архитекторы Глаубиц и Косинский поставили новые мощные пилоны (столбы) в поздней Софии для поддержания новых сводов, тем не менее, они нашли рациональное решение, срубив (разобрав) более двух третей шестнадцати крестчатых столбов, каждый из которых представлял собой монолит благодаря кладке со скрытым или утопленным рядом, скрепленной цемянкой из известкового раствора с примесью толченого кирпича. Вот эти-то остатки и были использованы в XVIII в. для поддержания нового пола в униатском соборе, а весь подвал — пространство между двумя полами — древним и новым — было засыпано землей, которую вынесли для создания нынешнего музея в подвальной части храма. Также сохранился восьмигранный столб, с XI века поддерживающий западную ветвь хоров, где, видимо, размещалась княжья ложа.

Вместе с князьями полоцкими, а может, и заезжими, в соборе — центре религиозной, культурной, политической и экономической жизни княжества — и «людьё» полоцкое спешило поведать Богу о своих заботах и неурядицах, получить отпущение грехов, утешить душу, хотя бы на время освободить ее от мирской действительности. Где еще, кроме церковного храма, получить можно душевное расслабление, духовную благодать, слитность помыслов? Да, еще в хорошем театре, но это особый разговор. А в храме:

...тайна пасхальной ночи,
хора церковного пенье...

Все это было в Полоцке, видимо, сначала в Богородицкой церкви (старой, начала XI века), следов которой не сохранили ни люди, ни события, а потом в Софии-Божией Премудрости. И особенно в период вражеских нашествий последним оплотом не только православных верующих, в Полоцке была София.

Так было и в XVI веке (1579 год), когда польская корона (король Стефан Баторий), завоевав город, не смогла сломить дух полочан, хотя политика полонизации (ополячивания) и была насильственной. Православный епископ Киприан взял на себя бремя защиты полочан от иноземцев, посягнувших на православную святыню (из «Записок о Московской войне», написанных польским историком Гейденштейном — очевидцем тех событий в свите коронного канцлера Польши Яна Замойского).

Славный древний Полоцк! Кто только не топтал твою многострадальную землю! Но ни один иноземец, как ни цеплялся за тебя, не сумел удержаться долго. И даже Уния — Союз Ватикана с митрополитами киевскими —не сломила дух народа Белой Руси.

Я белоруска, и мне больно за мой край. Наши предки в своих полусгнивших гробах ждут, когда же просветлеет наш разум и мы вспомним, как они проливали кровь и за нас, сегодняшних. История неподкупна и непродажна. Она все расставляет на свои места. И сколько бы кто ни заигрывал с ней, история — сама правда.

Лера СОМ

* * *

На фоне вашей нищеты
Пышней цветут мои одежды...
Вы снова здесь, я снова между,
С былым и будущим на «ты».

На фоне карточных дворцов,
Отрепетированных реплик,
Под два аккорда — поп ли, реп ли, —
Скользит на пальчике кольцо.

Ему вневременье претит,
Ему куда-нибудь в сегодня:
На ветку елки новогодней,
К ногам слепых кариатид.

Ему бы к вам. Но вы мертвы,
А я — воистину бродяга.
А что наряды — просто тяга
К простейшей маске для Главы

Вчера и Завтра. For the Qveen
Потустороннего приюта,
Где стоит трех веков минута
С набором выдержанных вин.

...Я к вам не выпущу кольцо —
Пусть для него стара, но все же
Смотреть не с вашей тусклой рожей
На бижутерию Творцов.

1992

* * *

Как просто быть убитым,
Как тяжко жить живым...
Прикованным к корыту,
Корявым и кривым.

Завинчена спиралью
Сопливая судьба...
Клянешь ее, каналью,
С ужимками раба.

...Вчера мне снился ветер,
Сегодня снится снег...
И пуля в пистолете,
Начавшая побег.

Слепящая до рвоты,
Спешащая к ловцу...
На полпути к полету,
На полпути к концу.

Сейчас глаза открою,
И ей не долететь...
Не хапнуть свежей крови,
Закиснуть, угореть.

Но пьеса без развязки —
Потушенный костер,
И я для этой сказки
Достойный режиссер...

Пусть живопись стенная
Любуется «сейчас»,
Лети себе, родная,
Я так смотрю на вас!

Полет — и остановка!
Вы встретились — ура!
Ах, божия коровка,
Тебе уже пора.

Спеши себе на небо
За здорово живешь...
Какого только хлеба
Оттуда принесешь?..

1992.

* * *

Я чуяла — зима
Меня стремится выжить,
Меня стремится вжать
В растрескавшийся лед...
Балконов бахрома
Оборвана под крышей,
И некуда бежать —
Лишь в небо и вперед.

Я чуяла простор
Развергшегося неба.
Что, солнышко, горим
Так траурно-смешно?
Хлопушка — и повтор,
И дубль два, и мне бы
Чуть-чуть подправить грим,
И вновь туда — в окно.

И с каждым февралем
Я прыгаю свободней...
Уставшая молить,
Уверенней лечу.
Нальем, дублер, нальем!
Ты вечно безработный,
Полет мой повторить
Тебе не по плечу.

1992

* * *

Поскольку погасли лампочки
(Отключено электричество)
Сегодня не будет музыки
Виниловой, заводной...
Мы вынем из шали крапчатой
Гитару, Ее Величество,
И выключим карапузика,
Кричащего за стеной.

Поскольку окошки темные,
Никто к нам сюда не сунется.
Мы будем совсем свободные,
Мы будем наедине...
Пойдут переборы томные,
И строчка на звук проклюнется,
И все месяца холодные
Останутся там, вовне.

Поскольку мы не влюбленные,
Постольку игра в открытую.
В тумане иносказания,
За бланками новостей,
Пусть прячутся закаленные,
Горластые, незабытые,
А наша с тобою мания —
Взрывание плоскостей.

И нашим с тобою принципом
Является одиночество.
Осмысленное, детальное:
Поэт навсегда ничей,
То в сказках — принцессы с принцами...
Какого же черта хочется
Сидеть, разбирая тайное,
Вдвоем при одной свече?

1992

* * *

Не успею предсказать твой приезд,
Не успею приготовить ответ...
В этом сбеге непонятных планет
Многоточье непрочитанных мест.

У меня полно гостей и цветов,
И целует руки Первый Поэт,
И на всех давненько кофе готов,
Для тебя там только чашечки нет.

Опоздавшему достался песок
В кофеварке и простой табурет...
Подвяжи-ка, дорогой, поясок,
И забудь про запасной трафарет.

Было время, были сны и дела,
Разменял тузы, года и рубли...
И засохли как-то оба крыла —
Слишком много налепилось земли.

В стаде жил и не имел головы...
Пайка, нары... О другом помолчу...
...Со зверьем я обращаюсь на «вы»,
И на «ты» переходить не хочу.

Ну, не плачься, присмиревший зверек,
Будет угол, и подкину тряпья...
Кто ж тебя, видать в насмешку, нарек
Человеческим-то именем?.. Я?

21.09.1992.

* * *

Я ли смеялась, я ли терялась,
Я ли просила самую малость?
Я ли убила?.. (Губы дрожали...)
Жалость и жало!

Жалость и жало — вот те игрушки!
Я не подарок в роли подружки,
Даже сестра из меня никакая...
Лихо ли хаю?

Лихо ли хаю себя-Королеву,
Ловко летаю вправо и влево,
Слово и Слава — ляпайтесь ниц же,
Нищий и Ницше!

Нищий и Ницше... Славное лето!
Нищие духом Богом пригреты,
Мне же противна грязная серость,
Ёрная ересь.

Ёрная ересь — это не разум,
Я не носитель пестреньких стразов.
Нищий и Ницше, жалость и жало,
Скрежет скрижалей.

Скрежет скрижалей, жажда желаний...
Нет больше страха иносказаний.
Я ведь убила — плюйте, невежды! —
Нежность надежды.

1992.

* * *

Я буду далёко,
Я брошу искать...
Пустая морока,
Простая кровать...

Заноза таланта,
Простынка тоски...
Противно атлантам
Срезать кошельки.

Зеленая накипь
На серой стене —
Погодные знаки
Кому-то, не мне.

Я тайнопись эту
Успела забыть,
Даруя кастету
Умение бить.

Поветрие славы,
Зараза зараз,
По этим поэтам
Ударили враз...

Чуть смеха, чуть страха,
Чуть брызга слюной...
...Последствия траха
С душевнобольной

На данном этапе —
Потеря стыда...
...В скотинном нахрапе
Шизоидных дам

Есть что-то от детской
Пелённой поры,
Эпошки советской
Ментовой икры...

А мы — в эмпиреях,
Таранъ — не тарань.
Привет вам, на реях
Висящая дрянь!

09.10.1991.

* * *

Танцуй, мой огонь!
Расправляйся с засильем теней!
А фразу «не тронь»
Я забыла на всех языках.
Танцуй, мой огонь,
Не забудь добежать до корней,
Поди, проворонь
Что-нибудь, — и останется страх.

Он молча придет,
И заполнит углы и котлы,
Бескровно, как кот,
Проберется и стянет покой...
И наши дома
Нам окажутся слишком малы,
Пусты закрома,
И звезды не коснуться рукой.

Танцуй же, танцуй!
Выжигай все дотла, до камней!
Поём на плацу,
Где тоскует усталая смерть...
Мы так высоко
Улетим, что не вспомним о ней,
Нам верить легко
В обожженную, чистую твердь.

1992

* * *

Уходящий в свою реальность
Недоступен твоим молитвам.
Он умеет менять тональность,
А тебе ничего не видно...
А тебе ничего не слышно,
А тебя ничего не помнит...
Только мыши, седые мыши
Крошат мрамор в каменоломнях.

А тебе оставаться в этом
Потрясающе-жестком мире,
Где не следует быть поэтом,
Лучше стены скоблить в сортире.
Лучше пить, а не петь, но, впрочем,
Есть места в оркестровой яме...
Ну а тех, кто еще пророчит,
Методично долбят камнями.

И шутихой сгорают годы,
И шуршат под порогом гады,
И пятнают тебя погодой
Властелины стального ада.
И несешься в тугой упряжке,
На губах выступает пена...
Пусто в сердце и пусто в фляжке,
Лишь напоены кровью вены...

Кровью черных ночей пустыни,
Кровью черного солнца-полдня...
Ты заполнен навек отныне,
Ты умеешь себя не помнить...
Но сверкает иная данность
Сохранившим свою ментальность...
Я была и уже останусь
Сотворившей себе реальность.

1992

* * *

Эта жуткая пьянка на фоне стены —
Отраженье упадка, искусство войны,
Для тебя приготовленный случай...
Я устроюсь на дереве выше кота,
Что ж, пусть лица не те, и картина не та —
Мы ее непременно озвучим.

Ах, я знаю, ты можешь не так и не то,
Мне же поздно врываться в спесивом авто —
Приросла к поколению странных...
Уходящих по трассе, но бьющих в мишень,
Полупомнящих привкус битловской «Мишель»,
Корневых, Небожителей, Равных.

А кривая косит под слепой горизонт,
Сколько было побегов, поимок и зон,
Черно-белых и желто-бумажных...
Не в зеленом, не в красном, не в сером явлюсь,
Это будет — оттенок для вечности плюс
Пресыщение многоэтажным.

Нет беды здесь, но лучше бы ты не хотел
Отношения связки, слияния тел,
Наших тюрем, но тюрем ли, право?
Мы умели летать и учились смотреть,
Нам осталось — две трети, но, может, и треть...
После — смерть и священная слава.

И поэтому — жуткие пьянки и мат,
Три ступени вперед и ни шагу назад,
Декорация, занавес, рампа...
И расплющены свечи... — Ты помнишь? — О ком?
Извивается в судоргах под потолком
Одинокая лампа.

1992

* * *

На два августовских дня
рождения.

Тебе уже двадцать пять,
И мне уже двадцать шесть.
Тебя пока не унять,
Меня пока не учесть.

Тебя уже не спасти,
Меня уже не раздеть.
Пока этот мир в горсти,
Потом же накинет сеть.

Тональности и тоску,
Бессонницы и врачей
Сличат; подошьют лоскут
Пространных сухих речей.

К твоей и моей смертям,
К твоей и моей любви...
По нашим пройдут костям,
На нашей взойдут крови.

Но это потом, потом...
Пока же... Пока? Пока
Давай вспоминать о том,
Как сладко плыть в облаках.

Покруче коней искать,
Ласкать их тугую шерсть...
Пока, в твои двадцать пять,
Пока, в мои двадцать шесть.

1992.

* * *

Не боюсь. Отошли
Первобытные темные страхи.
Не люблю. Разочлась
С тем, что было, а нового — нет.
Фотоснимки в пыли,
Как у самой последней неряхи...
Ваша кончилась власть,
И счастливо, и теплый привет.

Не поверишь? А зря!
Я годами стремилась к свободе.
Это полный расчет
С подневольной любовной судьбой.
Необъятны моря,
И смешны кирпичи в огороде...
Есть особый почет:
Получить приглашенье на бой.

Все мое — для меня.
Неделима добыча такая.
Никому не отдам
Бездну ночи и холод вершин.
Зря загонишь коня,
От навязчивых дам убегая,
По моим по следам...
Бесполезно. А впрочем — спеши.

1992.

* * *

...Давай сыграем в дурака,
Забыв возвышенные дали,
Пока дарившие печали,
Недостижимые пока.

Давай забудем на часок
О вечности, которой служим,
О небе над зеркальной лужей,
О том, как тонок волосок.

Надежность дерева перил —
Секунда слабости пророков;
В нагромождении уроков
Случайный берег, перерыв.

Но, позавидовав слепцу
На миг, поворотим к причалу,
Ступая твердо... Как к началу,
К неотвратимому концу.

1992.

* * *

Отойдите от меня
С верой!
Мне и слышать про нее
Вредно!
Я в смирении страшней
Зверя,
А во гневе становлюсь
Бледной.

Отойдите от меня
С лестью!
Что и как мне петь — сама
Знаю.
Разве могут быть слова
Вестью,
Если тон переврала
Стая?

Отойдите от меня,
Други!
Откреститесь от меня,
Шлюхи!
Я зимою — пострашней
Вьюги,
Летом — даром раздаю
Плюхи.

И любовь моя — катись
К черту!
Поелику не найдешь
Сказки.
Поелику ты того
Сорта,
Что боится размешать
Краски.

...Значит так, произойдет
В среду.
Отыщите поскорей
Выезд!
Я уже иду к тому
Свету,
Что глаза таких, как вы,
Выест.

1992.

Виктория ДМИТРИЕВА

Скорый поезд весны

Скорый поезд весны
пробежит по дорогам твоим,
Закружат над тобой
снова птицы твоих ожиданий,
И помчишься за ним,
все оставишь, помчишься за ним
В вихре жарких надежд,
сумасшедших страстей и желаний.
Скорый поезд весны,
журавлиный твой голос позвал —
Стали тонкими стены,
непрочными цепи любые.
И уже замаячил
заветный вдали перевал,
Где в прозрачных озерах
рождаются струи живые.
Этот поезд догнать!
Унестись, закружиться, запеть,
Окунуться в леса,
в родники, в голубые просторы!
Хоть однажды успеть,
хоть однажды — пусть поздно — посметь!
Но грохочут колеса,
и в вечность уносится скорый.
...Вновь теплеет земля,
ее пробует первый росток,
Запевает скворец
свою звонкую песню о лете,
И плывут облака,
и пронизан ветрами восток.
Скорый поезд весны
выхожу я встречать на рассвете.

* * *

На закате, на холме высоком
Замерла дружина молодая.
Изяслав с холма глядит на город,
Что ему в удел отныне отдан.

Рядом с князем — мать его Рогнеда
На родное смотрит пепелище.
Черная монашеская риза
На ветру волнуется, трепещет.

— О мой сын! — Рогнеда тихо молвит, —
Здесь я юность провела беспечно.
Здесь отец жестокий твой Владимир
Разорил гнездо мое родное.

Изяслав Рогнеде отвечает:
— Я клянусь, что город вновь отстрою,
Чтобы стал он краше и богаче,
Чем когда была ты молодою.

Ну а если сил моих не хватит,
Если рано жизнь моя прервется,
За меня достроят дети, внуки
И прославят город твой навеки.

На закате, на холме высоком
Изяслава слушала дружина,
И кивали головами вербы,
И журчала Полота согласно.

* * *

Сырой рассвет и дальняя дорога,
Все как положено, как сотни лет назад.
И ели темные в строю застыли строгом,
На путника задумчиво глядят.

Который век подряд — сквозь раненую душу
Бежит неторопливая тропа,
Как родина, как песня, как судьба.
И утихает боль, и ветер слезы сушит.

* * *

Какая забота
В изломе плеча!
Высокая нота
Ведет скрипача.

Мелодия эта
Не вдруг родилась,
Годами копилась,
По капле лилась.

И вот — обнаженно
Звучит в тишине!
Скрипач позабыл
О себе, о родне,

Не помнит печалей,
Не видит врагов.
Мелодии слышит
Единственный зов.

Высокая нота
Ведет скрипача.
Не троньте его!
Не рубите сплеча!

* * *

Пока еще музыка рядом
(Пускай не во мне, но — звучит!)
Оплакивать душу не надо,
Что немо от боли кричит.

Оплакивать душу не стоит,
Пока, из-за сонма обид,
Рояль ее вновь беспокоит
И скрипка под сердцем щемит.

В разрозненном хаосе звуков
Нащупана верная нить.
Последняя в жизни наука:
Как душу живой сохранить.

Играй же, играй, не смолкая,
Рыдания рви из груди,
От самого крайнего края
На круги свои уводи!

* * *

Чужим, холодным и враждебным ликом
Вдруг обернется родина моя,
И я замру в отчаянье великом
Песчинкою — на грани бытия.

Нет на душе моей греха измены,
В чужой земле не надо счастья мне!
А ты все рушишь, рушишь, рушишь стены,
Неиссякаем град твоих камней.

Над головой чужое небо мглится,
Все родники отравою полны.
Зачем мне изменяешь, как блудница?
За что меня караешь без вины?

* * *

И люди чужие
В том доме, что был мне родным,
И люди родные
Навеки — под небом чужим.

И — ночь без рассвета
Накрыла мой собственный дом,
И родины — нету,
И ходит земля ходуном.

* * *

Кончается лето, кончается.
На тоненьком стебельке
Ромашка под ветром качается,
И волны бегут по реке.

Кончается лето, кончается.
Скользнув по макушкам осин,
Растерянно взгляд упирается
В высокую стылую синь.

Кончается лето, кончается.
И поле, и лес за рекой
От летних страстей очищаются,
Вбирают осенний покой.

Кончается лето, кончается,
Вернется — на прежний ли круг?
И сердце невольно смущается
От истин, открывшихся вдруг.

* * *

Чистейший мой родник,
живая речь ручья,
О русский мой язык,
судьба и казнь моя!
Ты, по крови чужой —
родных роднее всех,
Душа моя и мысль,
единственный — навек!
И если на земле
нет больше места мне,
Пусть кровь моя сгорит
на медленном огне
Под пьяный рев толпы,
под хохот дикарей,
Под пение молитв
и менторство вождей,
Но будешь ты со мной
и в мой последний миг,
Отечество мое,
о русский мой язык!

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ

Павел НИЗКОВСКИЙ

ОН

Цикл

В СУМЕРЕЧНОМ СВЕТЕ

Опус № 1

Он теперь уже не помнил, где ночевал. Кажется, в этом же здании, только этажом выше. Когда он сходил вниз по лестнице, в большом коридоре, похожем на школьный, еще горел или уже горел свет. Неизвестно, был вечер или утро. Тусклая лампочка висела под высоким потолком и давала мало света.

Еще спускаясь по широкой лестнице, он заметил на своей двери — белой, высокой, двустворчатой — на двери своей квартиры что-то необычное. Оно вызвало тревогу и даже чувство страха, но в чем он заключался, пока было непонятно. Все определилось, когда он подошел к самой двери. Замка не было, хотя он знал, был уверен, что закрывал дверь на замок, небольшой висячий замок. Плоская черная металлическая накладка, надетая на петлю, была на месте, но замка не было. Петля же, для того, видимо, чтобы не соскочила накладка, была опутана коричневым ботиночным шнурком. Ему стало жутко.

За поворотом коридора кто-то ходил, ступая опасливо, чтобы он не мог услышать. Но он услышал и боялся того, кого мог увидеть, хотя и не знал, кто там мог быть. Страх был от неопределенности. Он не знал, куда исчезла жена, хотя, возможно, ее не было с самого начала, и он подумал, что так даже лучше. Он уже знал, что увидит за белой дверью в комнатах, и ему не хотелось, чтобы это увидела вместе с ним и жена.

Дверь отворилась, кажется, сама, так как он не помнил, что дотрагивался к шнурку, и он увидел свою комнату, хотя она совсем не была похожа на их прежнюю. Все в этом помещении с одним широким окном напротив было разгромлено и разбросано по полу. Ближе к двери, справа от него, высилась куча изорванной и истоптанной одежды вперемешку с какими-то половиками и простынями. Ворох этот был сер, неестественен здесь, и он еще раз подумал: хорошо, что с ним нет жены. Посреди комнаты блестел навал битого хрусталя. И снова, мысль: но где же она? Только бы не вошла сюда сейчас.

Слева виднелась закрытая, тоже крашеная белой краской дверь в другую комнату. За дверью, он чувствовал, кто-то был; его влекло заглянуть в ту комнату за белой дверью, но о том, что он мог там увидеть, он знал: там валялась, конечно, изломанная мебель. И он туда не пошел.

Он вышел во двор. Знакомое место виделось незнакомым. В пустом дворе все было покрыто пылью. Мягким слоем пыль лежала на утоптанной земле, на чахлых листьях одинокого деревца, на груде битых кирпичей в углу. И снова он не мог понять: наступал рассвет или сгущались вечерние сумерки.

Они появились втроем. Двое из них никакой злобы к нему не питали, третий был настроен враждебно. Неизвестно из-за чего. Он, стоящий во дворе, знал об этом еще до того, как этот, третий, стал к нему приближаться. Двое ушли в сторону, будто отделились от этого, третьего, и не хотели быть причастными к тому, что сейчас намеревался сделать третий. А третий подошел к нему вплотную, злой, весь напряженный, всем видом показывая враждебность. Но этот , одинокий, после того, как увидел, что было сделано в комнатах, уже презирал его, враждебного. И не боялся. Он отвел поднятую тем руку от своего лица, и тут только увидел в его бледных пальцах светлое и узкое, казалось, тоже злое лезвие ножа.

Теперь уже не просто нейтральная, успокаивающая, а радостная мысль обожгла его, одинокого: как все же хорошо, что ничего этого не видит жена. И все же — куда она исчезла?

12 июля 1991.

ОРАНЖЕВАЯ МЕЛОДИЯ

Опус № 2

Густая темень. Возможно, полночь, но он почему-то не ощущал времени. Он лежал на кровати и смотрел в сторону входной двери из коридора в комнату. Спал он или не спал — он не знал. Скорее всего не спал, иначе во сне не могло быть такого отчетливого, реального видения того, что происходило там, куда он смотрел. И слышать так ясно и чисто нельзя было во сне такого звучания, какое исходило оттуда.

А там, в сажевой темноте угла, ярко-оранжево светилось пространство приоткрытой двери, отверстие, наподобие большой единицы. Там чувствовалась гулкая пустота, в которой кто-то невидимый играл на скрипке. Играл один, но звук, идущий из светлого проема, был настолько объемен и полифоничен, будто звучал большой оркестр. Музыка наполняла его всего звонкой вибрацией, тело делалось невесомым, и он уже держался над землей легко и устойчиво, как стрекоза над желто-зеленым листом кувшинки, распластанным на неподвижной и теплой воде. И не было боязни высоты.

Такой мелодии—одновременно торжественной и простой, чарующей и естественной, заполняющей все вокруг, но исходящей только оттуда, из светлого участка приоткрытой двери, — ему слышать никогда не приходилось. Это была оранжевая мелодия, иного названия ей он не мог придумать. Мелодия светилась.

И все же, видимо, было у нее название, если была она сама. Или не было ни мелодии, ни названия? А было только звучащее свечение. И исходило оно из космоса, будучи соединением звездного света и космической темноты, тепла и холода, околоземных рассветов и закатов, шума ветра в листве деревьев, пения птиц на земле и космической тишины. Тогда названия быть не могло. Просто эти несовместимые качества окружающего пространства по неизвестным законам соединились в оранжевую мелодию — только так мог объяснить он это явление, пришедшее, наверное, из толщи времени и необозримости пространства. Ведь не должны же пространство и время молчать бесконечно.

Спал он или не спал — он не знал. Утром на том месте, где в ночной темноте светилась и звучала оранжевая полоса, все было как всегда: стоял шкаф, два стула у стола, у порога лежал коврик. Ничто и ничем не напоминало оранжевого свечения и льющейся из него чистой мелодии.

Но ведь что-то же было!

Иначе почему же через десятки лет, когда он вспоминал ту ночь, то снова и снова явственно видел приоткрытую дверь и оранжево светящееся пространство и слышал пение скрипки.

Что-то же было.

БЛАГОДАРЕНИЕ

Опус № 3

Он стоял на тропинке, протоптанной между огородами и лугом. То был луг его детства. Луг остался в нем запахом медового клевера, дремотным звуком полета тяжелого шмеля, видением трепещущего под ветром душистого разнотравья. Теперь он был поглощен сиянием, охватившим полнеба над лугом. Оно было неярким, напоминающим отсвет дальнего пожара, но не дышащее, как при пожаре, и красное, а разноцветное, радужное, поднимающееся прямо над лугом. Оттого ли, что свечение это было близким, оттого ли, что было оно высоким и неподвижным, никогда ранее невиданным, ему стало жутко. А вокруг ни души, ни звука, только он и безмолвный, непонятный свет. Ему казалось, что сейчас, с минуты на минуту должно что-то произойти, совершиться должно что-то непонятное, необъяснимое, а потому и страшное.

У него сжалось сердце, похолодело в груди, ему хотелось поскорее убежать в дом, но он понимал, что пока стоит неподвижно, ничего грозного не произойдет, но стоит ему сдвинуться с места, как случится нечто кошмарное и непоправимое. И даже если бы он вздумал бежать, то ничего бы из того не вышло: он чувствовал, что ноги его налиты такой тяжестью, что их ни за что не сдвинуть ни на шаг.

Он не мог сказать, сколько времени — один миг или целую вечность — пробыл он в таком мучительном состоянии, пока необоримое желание, преодолевшее страх, не заставило его оглянуться назад. По тропинке от дома шла мать. Шла ссутуленная от трудов, в темной длинной юбке, в ситцевой в синий цветочек праздничной кофте и белом платке.

Он чувствовал, что она знает: ему плохо — и идет ему на помощь. Идет медленно, но спешит, насколько позволяет ей ее возраст. Его нисколько почему-то не удивило то обстоятельство, что прошло уже много лет с тех пор, как мать умерла, и что он видит сейчас ее живой и что она спешит ему на выручку.

Зарево теперь стало мерцать высоким и тревожным светом, но оно уже не вызывало страха, тревога отпустила душу, ровно забилось сжатое еще минуту назад сердце, и легкими сделались ноги.

Он не понимал, отчего случилась с ним такая перемена, но знал, что теперь спасен. И был запоздало благодарен матери.

. . . .

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Опус № 5

Ему было немного страшно оттого, что так неожиданно и внезапно он оказался в этом безлюдном и незнакомом городе. Было время неопределенного освещения, когда после захода солнца еще не наступила темнота, но не было уже и света, в котором можно было бы четко различать предметы.

Он точно знал, что никогда не бывал в этом городе, и в то же время улица, по которой он сейчас шел, была ему известна каждым своим строением, каждым деревом, каждым фонарем. Темнело, но фонари еще не горели. И чем дальше он шел, тем больше убеждался, что улицу эту он уже видел не раз, возможно еще до своего рождения. Ему было известно, что на этом вот участке, где к улице примыкает городской сад, из сгустившейся темноты под кронами деревьев к нему могут выйти какие-то люди и потребовать остановиться. Зачем — он не знал, но чувствовал, что не с добрыми намерениями. Ему хотелось пройти участок улицы возле сада быстрее, но ноги именно тут перестали его слушаться, сделались неуправляемо ватными, и это непредвиденное обстоятельство причиняло ему страдание.

Не оглядываясь, страшась окрика со стороны сада, он все же преодолел кое-как этот участок пути, и ноги снова обрели привычную послушность, хотя страх

еще продолжал держаться в груди крапивно-жгучим, горячим инородным комом.

Улица кончилась внезапно, дома исчезли, будто их окутал густой туман, и перед ним возник глубокий овраг, на дне которого шумела невидимая вода. Настил моста когда-то был снесен, по всей вероятности, паводком, но на двух рядах свай остались только круглые перекладины, по ним ему и предстояло переправиться на другую сторону. Там, впереди, у самого горизонта светлела слабенького лимонного цвета не то вечерняя, не то утренняя заря.

Он сразу увидел, что так вот прямо, по крутой перекладине, ему на ту сторону не перейти, обязательно сорвется, и он решил перебраться по перекладине ползком. Он понимал, что такой способ передвижения испачкает, а то и изорвет его костюм, но иного выхода у него не было.

И он пополз. Шум воды в пропасти усилился, оттуда же исходил запах мяты и тины. Пролет свай оказался длиннее, чем виделся с берега. Где-то на середине пути он, прекратив движение, глянул вниз, но ничего там не увидел. Там в темноте шумела и бурлила вода.

Перехватив руки на перекладине, чтобы продвинуться дальше, он внезапно почувствовал, как под ним пошатнулась и накренилась вбок свая. Он замер, боясь шелохнуться. Малейшее движение теперь грозило ему тем, что он может свалиться вместе со сваей в воду потока. Он тут же почувствовал леденящий холодок полета в темную пустоту, вообразил возможный удар головой о камень внизу и себя, бездыханно лежащим в грязи оврага, и, глубоко вздохнув, двинулся осторожно вперед.

На другом берегу он уже определил четко, что горит на горизонте все же утренняя заря. Желтый безжизненный цвет ее уже наливался понизу теплой вишневой краской.

ЭХО КОЛОКОЛОВ

Опус № 6

Он никак не мог понять, откуда исходил этот звон, от которого душа полнилась неизъяснимой тревогой. Он сидел на склоне холма, отдыхая. Перед ним простирался зеленый луг, слева белела березовая роща, справа к самой дороге, на краю которой он сидел, подступали кусты орешника. А в той стороне, куда он держал путь, горизонт закрывала пологая спина холма. Над ним виднелось небо с розовыми облаками на нем — оттуда вот-вот должно было взойти солнце. Звон, несильный, но объемный, наполненный скорбью, шел оттуда. Ему непонятен был источник этого звучания. Такой гул, тоскливый и мягкий, мог издавать большой медный колокол. Но откуда ему тут быть?

Он взглянул, приподняв голову, в небо, и ему вдруг сделалось жутко от равнодушия опрокинутой над ним безмерной чаши голубой пустоты. Маленьким-маленьким, беспомощным и лишним показался он сам себе перед нескончаемостью безучастного пространства. Кто он и зачем оказался в этой безмерности?

Звон продолжал идти ниоткуда, но был он земной, рукотворный и теплый, потому что сердце отвечало на его зов светлой печалью. И все же, где зарождалось это звучание?

Он поднялся и взошел на вершину холма. Прямо перед ним дорога спускалась в лощину, затем снова взбегала на пригорок. Там, среди куп деревьев и пирамидальных тополей, виднелось небольшое селение, а слева от него, чуть в стороне, высилась полуразрушенная церковь со звонницей при ней. В сквозной открытости звонницы не было колоколов, через нее просматривалось розовое небо с белым облачком, но он теперь был уверен, что колокольное звучание исходило именно оттуда, от давно опустевшего и забытого людьми храма. И слышалась в этом звоне теперь, когда он узнал его источник, уже не нестерпимая тоска, а легкая печаль по детству, по ушедшим неизвестно куда дням. Он понял теперь, что это звенело на заре нового дня эхо минувших столетий. Осознав это, он успокоился. Если не заросла еще травой забвения дорога к разрушенному людьми храму, если не умолкло эхо древних его звонов, значит, не все еще потеряно в сегодняшнем дне.

И в голубом сквозном проеме звонницы с новой силой зазвучали под необъятным колоколом утреннего неба сброшенные когда-то наземь медные певучие колокола.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Напрасное желание

«Жить от самого себя подальше
Я хотел бы иногда...»

Александр Кушнер.

Жить подальше и подольше
Я хотел бы, скажем, в Польше.
Не всегда, но иногда.
Только вот ведь в чем беда:
Если ты не рвач, не вор,
Не уедешь за бугор,
Потому как без валюты
Там не нужен никому ты.
Даже дома, очень близко,
Чтобы жить, нужна прописка.
Без прописки нет талона,
Нет визитки, нет купона.
Как ни хочешь ты, но шиш! —
Далеко не убежишь.

Чародейка

«Я любого покорю,
Очень многих покорила.
Я не пью и не курю.
Не пила и не курила».

Нина Краснова.

Закурились, запились
Наши девки ныне.
Ты же, Нина, среди них
Вроде героиня.
Раз не куришь и не пьешь,
Ешь, конечно, вдосталь.
Этак ты, едрена вошь,
Проживешь лет до ста.
Ну да что там сотня лет
По твоим масштабам.
Вот бы твой авторитет

Да другим бы бабам!
Представляешь, там и тут
К их успехам вящим
Все мужчины так и прут
К бабам некурящим.
А к непьющим скопом льнут,
Нет от них отбоя.
Трезво стоит лишь взглянуть, —
Как уже и твой он.
Нина, золотце, не зря
Ты живешь так любо.
Не пия и не куря,
Свеженькой дашь дуба.

Ку-ку

«Вижу матроску, тельняшку, полоски.
Кушнер — ку-ку! И ку-ку Кублановский».

Лев Лосев.

Вижу: Лев Лосев сидит на осине
В форме моряцкой, весь бело-синий.
А под осиной и тоже в матроске,
Пень оседлавши, сидит Кублановский.
И на разлапистой липы верхущке
Кушнер в тельняшке сидит, как кукушка.
Куком друзья оглашают округу,
Клюкнули, видно, и хвалят друг друга.
Аж за границей слышны отголоски:
Кушнер — ку-ку! И ку-ку Кублановский.
Что же так громко кукуют поэты?
Не оттого ль, что их песенка спета?

Последний номер

«Дом №...
«Кабинет №...,
Стол №...
«Стул №...»

Александр Шмидт.

Шмидт отколол последний номер
И как поэт на стуле помер.
Стул №...

Зачем ты, мамаша, меня родила?

«Такие творятся на свете дела,
Что я бы сбежала в чем мать родила».

Лариса Миллер.

Чтоб как-то поправить худые дела,
Давайте разденемся все догола —
Ведь дома такое творится —
И двинем толпой за границу.
Но, впрочем, найдешь ли покой, убежав.
Ведь нынче наделали столько держав,
Что и захолустье медвежье
Зовется теперь зарубежье,
Хоть ближнее, правда, однако,
Филат на свой лад в нем всякий:
Захочет — торгует, захочет — воюет.
Вот только народ от свободы горюет.
Выходит, повсюду плохие дела.
Зачем ты, мамаша, меня родила?

Литературный дебют

Ирина АНДРЕЕВА

* * *

Когда завьюжится дорога сонная,
Я вспомню озера глаза бездонные,
Костер, засыпанный седой порошею,
В нем веткой прошлое переворошено.

Кричали вороны — да их не слушали,
И вот не сладилось, и все порушено.
И руки нежные касались стремени
В мольбе отчаянной — да не ко времени.

Луна медовая плыла царицею,
А сердце замерло, а сердце — птицею!
Охрипшим голосом обида брошена,
И слезы сыпались на грязь дорожную.

Темнела в озере вода манящая —
Смешались прошлое и настоящее.
Любовь поникшая, как ветка, сорвана;
И только слышалось: кричали вороны.

Костром заброшенным сгорело прошлое,
И жизнь не кажется тяжелой ношею.
И как бы ни было, с тоскою тайною
Я вспомню озера глаза печальные.

1992

* * *

Я знаю много: как гаснут звезды,
Как сыплет росы восход над лугом,
Как лист на землю ложится поздний;
Но как понять нам с тобой друг друга?

Не веришь в сказку, не ждешь сюрпризов.
Ты много видел, но ты не знаешь,
Что весь на нитку мою нанизан
И в ожерелье моем сверкаешь.

Но я ни в чем здесь не виновата,
Не я придумала казнь такую,
Мне тоже к прошлому нет возврата:
Давно и сильно тебя люблю я.

1991

* * *

День светлой печали. Конец журавлиного лета,
Высокое небо, расшитое желтым и алым,
Звенит тишина, и зорянкина песня допета.
До дней черно-белых, я знаю, осталось так мало.

Иду по аллее. Запуталось солнце в ресницах,
В цыганские юбки уже нарядились деревья,
А ветер притих, словно в сети попавшая птица,
И в розовом мареве ветви уставшие дремлют.

День светлой печали. Уже на пороге метели,
На листьях измятых старинную книгу читаю.
Зимой мне приснится хрустальная песня капели.
И вестником добрым в ладони снежинка растает.

1991

* * *

От печали до тревоги,
От разлуки до потери
По немыслимой дороге
Звонко лошади летели.

Между мною и тобою
По снегам, от ветра зыбким,
Между счастьем и тоскою
От печали до улыбки.

От короткой первой встречи
До нежданного признанья,
До того, что гасит свечи,
Сокращая расстоянья.

В белом пламени метели
За судьбой своей в погоне
От тебя ко мне летели
Пенно-взмыленные кони,

Вдаль гонимые надеждой,
Понимая — нет возврата,
Рассыпаясь звоном нежным
От рассвета до заката.

1990

* * *

Шампанское искрит — кусочки серебра,
Мерцая, тают в золоте и меди,
И разговора нить, что начата вчера,
Оборвана сегодня на рассвете.

Ты сеть искусно плел — и падали слова
На дно моей души жемчужным водопадом;
Чуть шаловливый взгляд, немножко колдовства
И чаша меда, смешанного с ядом.

Неяркий свет в окне, как отблески огня.
Шампанское искрит — ему бы не погаснуть.
Но прошлое живет в квартире у меня,
Ты будешь в нем чужим, ты станешь в нем несчастным.

1992

Александр РАТКЕВИЧ

КАПРИЗНАЯ АКВАРЕЛЬ

Третий сборник стихотворений

I

* * *

Бурна Двина, когда снега в опале.
Еще не ясен солнечный восход,
уже пределен шум весенних вод,
а взгляд мой снова опечален.

И будто ломятся святые берега
и размываются былинные строенья,
и нету силы, чтоб в одно мгновенье,
что сердцу дорого спасти наверняка.

Лиха Двина. В несущемся разливе
мне словно слышатся исчезнувшие речи:
как будто вышли кривичи на вече
решать вопросов вешние мотивы.

Как будто кони в беге затаенном
несут дружину в битву на поля;
как колыбель качается земля,
вся в розовом и синем, и зеленом.

Вольна Двина... Мой век — всего цитата,
но долог путь ее долинных вод;
и утопает вдруг небесный свод
на линии предмайского заката.

И будто всё, что было, на мгновенье
слилось в едином мчащемся потоке;
и нет конца, и не было истока;
и лишь Двины широкое теченье.

20.04—21.05.1987 г.

* * *

На Воловьем озере
звон безмолвья лют:
звери берег бросили
и оставил люд.

Под водой мистически
истуканы спят,
злые сны язычества
без конца глядят.

Растворились тропы
и иссох ручей;
в озера утробе —
крики кривичей.

И забвеньем скованы
Хорс, Перун, Сварог...
Боги четвертованы,
чтоб родился Бог.

27.08—01.09.1989 г.

* * *

Горят прошлогодние травы —
наряд новобрачной земле.
Оранжевый берег — оправа,
всё небо — в озерном стекле.

Горят... И ожогами мысли:
я в лодке иль на кресте.
И горбится, как коромысло,
мое отраженье в воде.

Горят прошлогодние... Если
я в лодке — то не один.
И там ли огонь, здесь ли,
он без золотых середин.

Горят и горят. Направо,
налево — дань красоте.
А вдруг — это вновь потрава
и я на кресте, на кресте.

09.02.1988

* * *

Я снова проклят временем
и этою страной,
проклятье звездным бременем
сияет надо мной.

Стихи мои отмечены,
не Млечной полосой,
а исподволь подсвечены
церковною свечой.

Какая скудость лунная
по нашей по степи.
И время, страсть табунная,
срывается с цепи.

Да этою ль планидою
я был всегда влеком?..
Проклятье панихидою
смеется над стихом.

И вдруг сквозь взгляды лживые
я вижу в тишине,
как звезд глаза фальшивые
подмигивают мне.

02.04.1992 г.

РАЗДВОЕНИЕ

Мое рождение во мраке,
о смерти думать не пора.
Что между ними: жизнь во фраке
иль этой жизни мишура?

Есть раздвоение в прекрасном,
но есть и скрытая зола,
как в небе шелково-атласном
есть и свечение, и мгла.

Что ночь, разъятая на части,
и день, скользящий в полутьму,
когда сквозь счастье и несчастье
я смысла жизни не пойму?

Близка концовка этой жизни,
звезда — антично-далека;
и мысли — искристые слизни —
меж ними мечутся пока.

Не очистительно страданье,
не возвышающа любовь;
и раздвоенья изваянье
перед глазами вновь и вновь.

Быть может, жизни вовсе нету,
а есть мгновенье, вспышка, вздрог,
по рядовому трафарету
вдруг подводящие итог?

И было ли оно, рожденье,
когда в полуночной тиши
скрываю, как сердцебиенье,
трагичность собственной души?

Она — в молчании бесстрастном,
и жизнь молчит, сгорев дотла.
Есть раздвоение в прекрасном,
но есть и скрытая зола.

29.04.1992 г.

* * *

Перевернувшиеся будни
скрипят мне, смыслу вопреки:
как близнецы, мы обоюдны
и антиподны, как враги.

Меня тошнит от этой квоты.
Пусть снег, упавший серебром,
не блещет смыслом — хуже рвоты
подошва черная на нем.

Вчерашний бог сегодня дьявол.
Я, что ли, гения умней?
Я перевертышем не плавал
по глади временных морей.

Мне обоюдность — как онуча,
потливый дарящая яд.
Скрипуча жизнь, кровать скрипуча,
когда нелюбящие спят.

Когда, бессмысленность пророча,
блит антиподность за меня,
то будет день чернее ночи,
и будет ночь белее дня.

02 — 07.06.1992

* * *

Жизнь моя совсем неинтересна,
как часов песочная горбинка:
слишком монотонно, бессловесно
золотые сыплются песчинки.

Как часов песочная горбинка,
каждый день одинаково создан:
утром — маленькая разминка,
днем — работа, вечером — роздых.

Слишком монотонно, бессловесно
каждая моя минута стынет;
кажется порой: песчаной смесью
время на меня как раз нахлынет.

Золотые сыплются песчинки
слишком монотонно, бессловесно.
Как часов песочная горбинка,
жизнь моя совсем неинтересна.

06.05.1986

* * *

О, мой современник, сплавленный
из гения и недоучки,
не ты ль, болтовней отравленный,
целуешь варварству ручку.

Не ты ли, прияв вдохновение, —
а, может быть, это вывих —
срываешь в одно мгновение
героев, вчера любимых.

Не ты ли над верой бездожденной
склонялся, мир удивляя, —
сегодня, как новорожденный,
орешь, ее проклиная.

Не ты ли искал спасение
в добре, надежде, отчизне
от вечного раздвоения
отмеченной дрожью жизни.

И вот ты стоишь в смятении,
как обворованный вором —
в тебе недоучка гения
выклевал, словно ворон.

25.05.1992

ФИГОНОСЦЫ

Наконец-то они появились, новейшие люди,
для которых мудрейшие мысли — как зельц на блюде
и которым приятно завидовать тем, у которых
сохранен и готов к возгоранию в сердце порох
неумолчного творчества или желанного риска.

Наконец-то они появились и жаждут, как брызги
взбаламученной лужи над чистым плащом, возмездья
над рукою дающей, над добреньким чувством, бесчестья
пережить несумевшего и — осужденье надо ль?—
не узревшего в новом холеную старую падаль.

Наконец-то они появились, лампадники века;
осветители злости, сжигатели даже снега,
устроители дня средь всеобщей владычицы-ночи,
что не ведает сна, но полна абразивной мочи
и способна в муку растереть созреванье и гнилость.

Наконец-то они, наконец-то они появились,
долгожданные люди, которым смотреть умильно
на паденье достоинства и на рождение сильной
деградации логики типа татарского ига
и внутри у которых уже не душа, а — фига.

02.10.1992

СМЫВ

Колоннада с треснувшей подметкой,
лимонада запах с русской водкой,
мужики с пропитыми мозгами,
женщины с гранеными ногами.

Проклинают языки жаровню,
серп и молот вымазаны кровью,
ветеран в кармане орден прячет,
говоря, что никогда не плачет.

Повара, присев на подоконник,
изучают вылинявший сонник:
«Мне вчера приснился куст малины».
«Боже мой, как тощи магазины».

Дрожжевой над ними нимбом запах,
чей-то взгляд молитвенный на запад,
чей-то голос: «Что уселись, стервы»,
и ответ: «Иди отсюда, нервный».

Буйный цвет и мата, и отрыжки,
банка с пивом пенится на книжке,
что имеет странное названье:
«Мы придем к разгулу процветанья».

Молодцом стоит и не повержен,
подперев плечом колонны стержень,
крупный парень: тоненькое шило
кто-то в бок вогнал ему паршиво.

Рвота на асфальте, как цветенье,
запах крови вносит обновленье,
скрежет «скорой», белые халаты
и прохожих временные взгляды.

Непохожи серенькие тучи
на сочувствующих, как онучи,
обмотавшие зело сурово
глаз поблекший неба голубого.

Враз исчез зрачок косящий солнца,
улеглось лихих речей суконце,
хлынул дождь, смывая ненароком
с колоннады местное барокко,

канонаду ругани, с подметок
грязь, плевки, окурочный ошметок,
кровь с ножа, с мозгов миазмы водки,
с тротуаров запахи селедки,

с деннавара хищную наживу,
с поваров улыбки блеск фальшивый,
с языков проклятие и раны,
страх с лица хмельного ветерана,

с книжки буквы ржаво-золотые,
с пива пены завитки седые,
с женщин спешку, с нервов оскуденье
и с меня зуденье.

24.06.1992

СОВА

Закат оранжевый с ума сошел.
Толпятся мысли в голове:
сегодня вот тоску нашел
я и в озерной синеве.

Какого черта я хотел —
ведь все просеяно сквозь сито.
Еще вчера любовь вертел,
как кубик-рубик, ненасытно.

Теперь же нежные слова
скользят сквозь пальцы, словно черви.
И взглядом косвенным сова
уста пронзает суеверно.

Совы той душу не сломить.
Горят глазищи вулканично.
Она поможет мне любить?
кого? — вопрос не риторичный.

И вообще, я странным стал:
сове протягиваю руку,
и говорю, что я устал
осознавать безлюбья муку,

что этот вечер не по мне —
тоску зову я хладнокровьем
и в каждом чувстве, как во сне,
я ощущаю что-то вдовье.

Но сквозь оранжевый закат
она бубнит велеречиво
и совершенно невпопад
подмигивает мне учтиво.

Учтивость эта — как ожог.
Лицо совы в огне и немо,
как идиллический божок,
как оглушенная фонема.

Какой возвышенный покой
течет на поле, как на платье,
и стонет озеро, дугой
вдруг изогнувшись от проклятья.

Себя, сегодня, не во сне
спрошу, споткнувшись на цезуре:
любовь взорвется ли во мне,
взметнется ль озеро от бури?

Непонимающие — голь.
Я распинаться не намерен.
Сова сама сойдет на ноль —
волна швырнет ее на берег.

25.06.1989

ПОДРАЖАНИЕ ПУШКИНУ

Я не гонюсь за страстью к продвиженью
по службе сладостной, а значит к угожденью
всем тем, кто выше и преобладает;
я так скажу: карьера — унижает
любого, чтящего в себе, в других, — и вслух —
ничем не заменяемую сущность — дух.

И что мне толку, если я известен
округе праведной, соседу иль повесе,
за модной книгою, чтоб быть на острие
бесед салонных, по стандартной колее
носящегося с долей вдохновенья.
Какая жизнь ! Какие впечатленья!

Из головы я напрочь выметаю
еще одной, но дивной страсти стаю:
копить особо вожделенные бумажки,
их доставать, раскладывать, как шашки,
передвигать таинственно и длинно,
в себе предощущая властелина.

В себе творю иное золоченье:
я счастлив тем, что волею теченья
судьбы рожден не властвовать, а светом
светиться собственным, аскетом
дни проводя, когда же — ночи завязь,
искусств излюбленных богатством упиваясь.

19.10.1987

* * *

Я знаю, ты мечтал всегда
сказать о том, о чем другой
не скажет или никогда
или — неточною строкой.

Но вот и молодость уже,
зенит пройдя, пошла на убыль,
а ты по-прежнему сквозь зубы
бубнишь готовые клише.

И ни к чему тебе сегодня
расцветка утренней росы,
когда ты чист, одет и сыт,
а рот заполнила зевота.

И не мечта теперь тобою
владеет. Ты, как херувим,
меж небесами и землею
витаешь, необнаружим.

17.06.1982

II

* * *

Ставят памятники
героям,
победам,
событиям;
возвышенно ставят, красиво;
празднуют, торжествуют,
проводят митинги
достойно и горделиво.
Но ставят ли памятники любви,
празднуют ли в определенное время,
вспоминают ли, вместе собравшись,
твердость ее и бремя,
удивляясь строению с долей лихвы?
Не существует подобных памятников, увы.
Нету пока места такого,
где каждый любящий,
придя однажды с цветами,
мог бы поверить снова и снова
в силу, в серьезность, в честность
любви

06.10.1974

* * *

Любовь, как электроэнергию,
накапливать можно в душе,
чтоб после любимой не жертвою,
а светом отдать уже.

17.03.1984

РОЗАРИЙ

Моя душа — розарий сокровенный.
Входи в него, ликуй самозабвенно,
любуйся роз цветастой гаммой,
перед которой радуга смиренна.

Вот роза красная, как пламя.
Легка, воздушна — и ни грамма
излишнего упрямства в стебельке.
Понравилась — погладь ее руками.

Над желтой розою, как бы накоротке,
воспоминания колеблется букет
о молодом и ласковом нарциссе.
И лепесток — как ямка на щеке.

А вот зеленая, к ней наклонившись низко,
услышишь аромат степного тамариска,
лесного ландыша, садового жасмина;
зеленой розы нет душистей.

Заходит солнце мягко и карминно.
Средь вереницы радужной и длинной
цветущих роз, на робость не взирая,
любую выбирай невинно.

И лишь одну не трогай, дорогая;
она растет светло, не увядая,
но есть в ней некая коварная хитринка;
и роза эта — роза голубая.

29.07.1986

* * *

А ты, как прежде, неподвластна
соблазну старческой хулы,
и вновь твои слова всечасно
непредсказуемо милы.

И льется с уст неудержимо
воспоминанья аромат,
и ты опять непогрешимо
пророчишь нежности возврат.

Твой голос пряно и атласно
мой слух укутывает вновь,
и в жизнь врывается негласно
почти забытая любовь.

31.12.1991.

* * *

Словно из пепла расту наподобие стебля
из умерщвленной — безумное великолепье —
мною любви. И да здравствует небыль!
Кверху тянусь: к необузданному красноречью,
вдруг замерев от ожога одышкой, как свечью,
мысли твои осыпая безмолвной картечью.
Ты — мысль. Я — пепел.

Словно от страха зрачки мои вздрогнули в беге
по молчаливому телу, застывшему в неге,
по говорливым губам. И да здравствует крах!
Ломится стебель; какая тут скорая помощь,
если свечная одышка моя — или щелочь —
выседеет или выбелеет будто полночь.
Ты — слово. Я — страх.

Словно забвенья завесой мой стебель-фиеста
мыслью окутан твоею: ты весь из протеста;
словом пробит... И да здравствуют звенья
мертвой любви, над которой свечнеет безумье,
полное сладости, будто съедаю изюм я
или съедает меня сверхбеспамятства сумма.
Ты — память. Я — забвенье.

29.09.1992

* * *

Не приходи домой сегодня,
не думай обо мне, забудь
те дни, что прожили вольготно,
но от которых — прах и муть.
Не приходи домой сегодня
и сторонись теперь жилья,
где веселились так охотно
и ты и я, и ты и я.
Не приходи домой сегодня,
не приноси свой непокой
в квартиру памяти дремотной —
там я: ни мертвый, ни живой.

06.10.1979.

* * *

Любовь пропелась, как протяжный блюз.
И, восстанавливая в памяти мотивы
прошедших чувств, смотрю самолюбиво
на бриллиантовую дрожь концертных люстр.

Мне дорог зал, где каждый звук пленял,
где был антракт невыносим до боли;
когда из зала выходили мы с тобою,
казалось — будет возвращенье в зал.

И все тогда дышало новизною.
И лишь благополучие несла
мелодия, что мягкою волною
нам в море иссушающем была.

Концерт окончен, и утихли люстры;
как рыба в неводе, я в полумраке бьюсь,
но мне никто помочь не сможет — в зале пусто.
Любовь пропелась, как протяжный блюз.

02.01.1983

РАЗВОД

Серый букет из дыма́
в вазе трубы растет.
За стебельками густыми
стебель пустой — развод.

Это уже не шутка.
Дымом себя оплели.
В городе стало жутко,
каждый цветок в пыли.

За поцелуем горечь,
за умолчаньем смерч.
Как же найти наш корень,
как нам его сберечь?

Мы онемели будто,
да и вопросы мертвы.
И в забытьи беспробудном
чувства наши, увы.

Канут букета стебли
(все, что осталось уже)
в непредсказуемом небе
или — в моей душе.

24.10.1988

МЫСЛЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

Мы бы пошли друг к другу, смежив ресницы,
если бы сильно любить не хотели...
Видятся нам и слышатся нити
мыслями, словно рубцами на теле.

Схожести, свежести, странности нити.

Вся — беспрерывное неповторенье,
весь — повторение, как в алфавите.
Ходим сквозь время, смотрим сквозь время,
знаем, что всюду пульсируют нити.

Мы бы пошли друг к другу, смежив ресницы...

Наши зрачки — счастливцы-страдальцы,
им не дано не любить, ненавидеть.
Как для руки жизнетворные пальцы,
так и зрачкам нашим — мыслей нити.

Свежести, схожести, странности нити.

Голос не прячем и губы не прячем,
верим, что чувства еще не в зените;
наши слова, надрывы и плачи
рвем и не рвем, как тонкие нити.

Мы бы пошли друг к другу, смежив ресницы...

Все зарубцуется в жизни двужильной,
хоть кратковременной жизнь озаглавив.
Вычеркнуть нити мгновенно решили,
самую личную только оставив,

странности, схожести, свежести нить.

11.12.1974

* * *

Когда я вглядываюсь вверх,
где сонм пылающих громадин
свою изнеженную твердь
на свет безумствующий тратит,
тогда я думаю о том,
что им и мне одно и то же:
за чувств безудержных фантом —
неуспокоенности ноша,
что им — хоть старость подойдет —
свети как с самого начала,
свети все ночи напролет,
а света мало, мало, мало...
А мне в пути иль не в пути
все об одном и том же мысли:
не смог в любви себя найти,
не сможешь и в дальнейшей жизни.

14.11.1978

* * *

Мы были и не были. Тайна и пыль —
вчерашнее время неизмеримо.
Не наше ли счастье невозвратимо? —
глубоким ущельем меж нами распил.

Мелеть суждены полноводные реки.
И ты в мое русло уже не войдешь,
как в маленький домик ласковый дождь,
смывающий чувств пересохших огрехи.

Обрывками фразы — усталость стеной.
Свое отлюбили, чего же мудрить.
Меня этим чувством не напоить,
тебя же... но мне это знать не дано.

Смешно ожиданьем излечивать душу.
Дороги-то скользки — как раз упаду,
С тобою, как с тайной, навек не в ладу,
но тайны незыблемость я не нарушу.

18.06.1989

* * *

Полюбила ты вора проклятого,
сладу нет;
и кричат: «Уголовница платная», —
бабы вслед.

Все порочны мы, лишь по-разному.
Только юности не избыть.
Потому и вольна ты, прекрасная,
не любить и любить.

Знаю, что не его доходами
ты жила и живешь.
Только вздрогнет сердечко ходкое,
как с работы придешь.

Сколько — пусть — за спиною шикалось,
что хоть плачь,
но глаза молодые, как жимолость,
ты не прячь.

Говорила ему, окаянному:
«Жизнь лишь раз,
отчего же ты, словно каменный
в воровства трясине увяз?

Образумься. А там — наладится.
Плоть и ум восстанови».
Смял тебя он, как летнее платьице, —
что ему до любви.

Жизнь в тонах ему серых виделась,
как весной прошлогодний лист.
Ты заплакала и обиделась...
Но не надо, не торопись.

Он свое — и душою, и телом —
сколько следует, отсидит.
А любовь твоя дело сделает:
человека переродит.

25.03.1985

ГОРСТЬ

Тебе...

Мне бы горсточку взглядов твоих,
хоть безмолвных, хоть малозначащих,
чтоб во мне, пусть на время, утих
отчужденности ветер плачущий.

Мне бы ясности буйной твоей
в выраженьи мысли взлохмаченной,
чтобы в говоре горсточных дней
не жалеть немоты растраченной.

Мне б твоих откровений лихву,
пусть надрывней, пусть опрометчивей,
чтобы горстью признанье: живу
я твоей любовью отмеченный.

24.11.1977

* * *

Прошлогодняя трава,
пар, пьянящий до дурмана...
Ты сегодня встала рано,
на меня взглянула странно:
«Думаешь, я не права?»

Вышла. Небо расцветало,
для апрельский ритуал;
слезы лил снежок подталый
и со спешкой запоздалой
молча щеки утирал.

Птицы гомоном и трелью
распророчили тепло,
что, подобно ожерелью,
вдруг рассыпалось капелью
на озерное стекло.

На вчерашние раздоры
мерно солнца падал луч,
открывая окна, шторы
раздвигая до упора,
отпирая дверь, как ключ.

«Что ж ты спишь, — вилась полого
слов урчащая кудель, —
нам с тобой не надо много:
лишь бы небо — синеоко,
лишь бы буйствовал апрель,

и под окнами сгорала
безобидно, без аврала,
как гнилое одеяло,
прошлогодняя трава...
Думаешь, я не права?»

19.10.1992

РОСТЕПЕЛЬ

Ловлю мерцание твоих зрачков
сквозь шарики трепещущей росы.

В зеленом отраженьи ломающейся льдины
подробно различаю фразы по дрожанью губ.

И в первой народившейся травинке
огонь капризной акварели узнаю.

04.04.1976

III

* * *

В полдень апрельский, придя на поля,
видишь, как пар от подталого снега,
словно бы после большого ночлега,
мягко струится — дышит земля.

Рухнула тропка — не держит. Пора.
Вот и рябина полна ожиданья
с солнцем апрельским святого свиданья:
каждая ветка — как на парад.

Возле рябины взошла и звенит —
срок ли, не срок — недотрога-травица;
и кое-где, как мальчишка, водица
за молодым лучом семенит.

11.08.1982

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ

Поэт не измеряется количеством изданных книг,
как море штормящее не измеряется количеством волн;
и если однажды пробился, прорвался родник,
то он не чистейшею славен водой, а водою живой.

09.11.1982

* * *

В моем углу, в тиши отменной,
где жизнь прошла в писаньи вся,
я вдруг промолвлю откровенно,
что где-то гений родился.

Пока его обычен голос
и нет цветения в душе,
но воздух налился, как колос,
его дыханием уже.

И сердце маленькое бьется
волне штормящей в унисон...
И отражается в колодце
звезды рождественской бутон.

10.01.1991

МЕЖЕНЬ

Я помню музу с малолетства,
когда она, смеясь, меня
без фамильярного кокетства,
без вдохновенного огня
учила вдумываться в слово,
держать перо и каждый крик
переиначивать сурово
и осторожно в тот же миг.

Я помню: августовским летом,
когда рекой владел межень,
когда мне был еще неведом
метафорический кремень,
она меня взяла на руки
и в реку бросила: «Плыви
сквозь поэтические муки,
сквозь муки бренные любви».

Я помню вздрог, который губы
мои неимоверно сжал,
и плоть воды нежнее шубы,
и брызг безумствующий шквал,
и музу в предвечерней гуще,
и, как в светящемся венце,
испуг в ее глазах цветущих
и состраданье на лице.

07.04.1992

* * *

Как писали в начале века,
так же пишем мы и в конце,
так же рыскаем по сусекам,
чтобы рифмы сыскать в грязце.

Как и прежде, струны анафор
мы пытаемся оживить
и ласкающий бриз метафор
необычностью окрылить.

Те же темы владеют нами,
те же чувства сокрыты в нас,
над бессонными голосами
те же — молнией — вспышки фраз.

И такие же ритмов звоны
околдовывают в ночи
слуха нашего перепоны,
лики наши в огне свечи.

Неужели и мы вторичны
в океане добра и зла?
Век закончится феерично,
мы, как спички, сгорим до тла.

02.01.1992

* * *

Я себя не чувствую поэтом —
в наши дни моральной хромоты
людям обескрыленным неведом
дух обожествленной красоты.

У костра эпитетных эмоций
я один, и звезды мошкарой
средь всеобщих бешеных негоций
пляшут и смеются надо мной.

На моем лице исповедальность
ядовитым взглядом сожжена,
как осточертевшая банальность,
пеплом наземь падает она.

Мне ли окровавленность метафор
слизывать с родного языка,
если однотоннее анафор
все кричат, смеясь: «А на фига!?»

Я с себя срываю, словно тряпку,
вдохновенье — не на что смотреть.
Как и все, я — хвороста охапка,
и скорей бы мне сгореть.

05—15.05.1992

* * *

«Ты исписался, как мелок», —
чернят завистники меня,
невозмутимо между строк,
как по орбите, семеня.

Мне эта зависть по душе.
Не уподобясь палачу,
в своем полночном шалаше
я промолчу, я промолчу.

Наверно, небу все равно,
какие страсти на земле,
и оттого молчит оно,
как отраженье на стекле.

Так отражусь я или нет? —
вопрос, стоящий искони.
И вдруг, как метеора след:
«Не семени, не семени».

27.04.1992

* * *

Не время стихи читать,
а время стихи писать.

Но где он, прораб великий,
когда с болтовней испит
поэта съедает быт,
как время съедает лики?

Читатель смеется вслед,
дожевывая омлет.

Я верую не в запасы
съестные, когда, как вздрог,
ступают к нам на порог
закормленные пегасы.

Попробовать бы чуток
святого мясца шматок.

Улыбчивая мадонна
прекрасна и без еды;
но ежели нет звезды,
срывается вдруг икона.

И вязнет в дерьме мой зов,
как мясо промеж зубов.

Громаден дележ харчевный,
духовный дележ — как тать.
Неужто и мы опять
ограблены и плачевны?

Недвижимы стрелки строк —
побольше б наесться впрок.

Себя ли в себе убиваю
иль жизни даю перекур —
я снова бикфордов шнур
межстрочия зажигаю.

Не время стихи читать,
а время стихи писать.

17.08.1992

* * *

Стихи сегодня
льются, как река.
Все пишут, пишут,
затаив мыслишку:
и я в поэзии, наверняка,
свою оставлю фишку.

Поэмы выстроились
в ряд,
к заботам человечьим глухи.
Как птеродактили летят,
жужжат и бодрствуют,
как мухи.

Стихи попахивают ванной.
Воистину —
сплошной июнь.
Сиди, выдавливая странно
стихов душистую шампунь.

И все в них
правильно и чисто,
и каждый стих досмотрен, сыт;
и мысль —
цветастое монисто —
под солнцем
шепчет и блестит.

Но блеск сей
не врачует душу.
И лист березовый, другим подобный,
в преддверии осенней стужи
на землю падает
особо.

О даль, о даль —
не разберешь;
прошедшего потрепан ящик.
За ломанный
не променять бы грош
святое настоящее.

Его бы высветлить
вполне
в стихах, в поэме,
но долго
чересчур
во мне,
как брага, бродит эта тема.

Как воздух сладок, если в нем,
сквозь пелену сомненья
звенит российским соловьем
поэма обновленья.

14.09.1987

ПАРАДОКС

Одни говорят: сначала —
материя, а потом
уже из нее вырастала
идея, как снежный ком.

Другие — идеалисты,
противники первых; и вот
они утверждают исто:
все было наоборот.

Но это — словесное месиво.
И я говорю вам, что
сначала была поэзия,
а все остальное потом.

26.11.1980

СОНЕТЫ К САМОМУ СЕБЕ

—1—

Паскудна зависть — это мне известно.
Известно также, с кем бы я ни вел
беседы откровеннейшей глагол,
но если вижу: яркостью словесной
и логикою мысли интересной
меня мой собеседник превзошел,
то я завидую ему, как моль
завидует крушиннице прелестной.

Не в зависти, конечно, золотая
струя поступков, помыслов, но и
она пытается, на личность не взирая,
мне диктовать условия свои.

Так что я: рухну или выживу?
Не знаю. Поживу — увижу.

—2—

Люблю следить за вспыльчивостью женской,
когда в минуту злости сокровенной
в ее глазах смешно и откровенно
огни сияют паники вселенской;
когда она со страстностью неженской
ладони напрягает, непременно
ругательства, колючие отменно,
произнося вполне по-джентльменски,
тогда мне, поборов сердцебиенье,
что до сих пор мое терзало тело,
разгоряченно, преданно и смело,
хотя бы на секунду, на мгновенье
изгиб ее настороженных плеч
руками хочется облечь.

—3—

Что сделал я, чтоб в мире страстном
известным быть, владеть умом
не только избранных; чтоб том
стихов моих был полновластным
вулканом счастья тем, кто праздным
себя не чувствует, и льдом
противоречий — тем, кто сном
безделия укутан грязным?

В который раз от мыслей быстрых
покоя нет, в который раз
пытаюсь я, как нефть от искры,
от них зажечься, аметистом
огня взметнувшись исто-исто,
чтоб вдруг потухнуть в черный час.

—4—

Моя любовь с годами охладела
не потому, что я не смог
сберечь ее, и «мудро» сжег
мосты, что связывали зрелость-стелу
с прошедшей юностью моей, а тело
пронзил старенья острый шок,
не потому, что я, как жох,
с пороком сорным спутался всецело,
а потому, чтоб в судный час,
когда вселенной хлад владеет свято,
я вспомнил, неба вскрыв атлас,
что и моя любовь была когда-то
в созвездье душ и скверны злой
сверхновою звездой.

—5—

Что значу я? Такой вопрос
пробил мне пулей сердце. Но
он в то же время как зерно
на пашне утренней пророс,
напомнив мне прохладой рос,
что и отцветшим все ж дано
цветенья нового вино
испить в конце метаморфоз
бесценных лет... Но почему
я — это я, а не иной,
живущий в мире?.. И струей
из сердца кровь — я не пойму
себя и своего звена.
А на дворе — весна, весна.

—6—

Секрет любви разгадывали Данте,
Петрарка, Пьер Ронсар, Шекспир...
Но каждый, покидая мир,
осознавал, как доминанту,
что никогда любви константа,
храни ее или транжирь,
своей загадочности ширь
не приоткроет ни на кванту.

И если мне любовь — орешек,
и смерть твердит: довольно спешек,
кого винить, зачем винить?

Любил — и ладно, и спасибо,
и наслаждайся этим; ибо
что есть священней, чем любить.

—7—

Мне муза — мать. И в миг рожденья
она в меня вдохнула свет,
не тот, сгорающий на нет,
а что для сердца — как моленье.
Она, когда уже ученья
я не был пламенем согрет,
по-матерински, без сует
внушала мне сердцесвеченье.
Спасибо, муза: и сейчас,
не допускаешь ты ни грамма,
чтоб истый свет во мне зачах,
как чахнет он, когда очаг
пришел в негодность, и в очах
зола блестит, как амальгама.

1982-83 гг.

IV

ТЩЕСЛАВИЕ

Поэта творит тщеславие.
Легкое, как огонь,
оно овевает пламенем
поэзию испокон.
Оно же, когда поэт
мыслит надменно,
сбрасывает на нет
поэта мгновенно.

05.09.1982

МОЛИТВА

«Сотвори мне ребенка.
Я б от счастья погиб
за промозглость пеленки,
за предутренний всхлип,
за бессонницы ржу
в теневой комнатенке.
Ничего не прошу —
сотвори мне ребенка».

23.06.1978

* * *

Думая о днях, пропавших в прошлом,
хочется их как-то изменить,
чтобы то суметь осуществить,
что казалось раньше невозможным.

Думая о днях, что отбуянить
не успели, верую вполне:
что они сомнениями память
волновать не будут мне.

25.04.1972

* * *

Нам с тобой не надо много:
сладкий чай, спокойный сон
и — от срока и до срока —
разговоры в унисон.

Только, вроде исключенья,
не дает покоя нам:
что и мы, как люди-тени,
мечемся по сторонам.

31.10.1979

* * *

Мы все позаразились новизной.
Прочтя в строке знакомое нам слово,
орем, лицо изрезав кривизной:
не ново все, не ново.

Состарились минута, час и год.
И я состарился. И слово лёжа:
не нов и сморщен смерти плод,
а вот тебя моложе.

29.05.1986

* * *

Жалею, что срок отзвеня, отведенный
природой иль богом, сказать не могу,
в минуту последнюю то ли влюбленный,
а может влюбленный в мертвячью тоску,
жалею, что после последнего вздоха,
по нити в бездонную бездну скользя,
любви моей частной крутую эпоху
уже подытожить нельзя.

16.12.1991

* * *

Было, и я эту жизнь не ценил...
Но, как полночная тля,
лезет из кожи — свет ей не мил —
бьется в потемках петля.

Что же скрываешь ты шеи свербеж,
муторный взгляда надсад?
Очень ведь просто из жизни уйдешь,
но не вернешься назад.

24.12.1990

* * *

Дорогая, который день
сам себе говорю усердно:
отчего опустилась на сердце
охлажденья банальная тень?

Сам себя удержать пытаюсь
от падения в бессердечье...
Дорогая, я охлаждаюсь,
чтобы с новой силой зажечься.

15.09.1978

* * *

Десятимерное пространство —
неимоверное убранство
Вселенной? Или же обман,
который мне в насмешку дан?

Наивна вера и мятежна.
Но в этот храм и мне войти,
когда с меня спадет одежда
трехмерного пути.

11.06.1990

* * *

Георгины, георгины,
в увяданье, что не модно,
вы и милы, и рубинны,
как любимая, сегодня,
с хрупкой долей сожаленья,
но без боли и тоски
повстречавшая (прости)
свой тридцатый день рожденья.

06.10.1981

ЦВЕТЕНЬЕ

Каштаны набухли: последние дни
предмайства уходят, вздыхая;
вступают в права полноценной весны
соцветья блаженного мая.

Каштанами полнятся все города,
как люди цветеньем голубым,
когда возвращаются с войн и когда
не убивают, а любят.

01.05.1978

* * *

Сравнений к Вам не подобрать:
ручья изгиб-журчанье
не отражает Вашу стать
и голоса звучанье,

мерцанье благовестных звезд
в полуночной вселенной
мне не напомнит Ваших слез...
Вы просто — несравненны.

23.06.1986

* * *

Как много было поэтов,
как много создано ими,
что все уже: нет секретов,
всему придумано имя.

И только одно не начато
слово еще вполне,
которое предназначено
высказать только мне.

26.12.1985

Владимир МАНТУШ

* * *

Рифмуя эмоции — характер воспитывал.
Зачем? — возникает вопрос. — Неизвестно.
Ломали — таил агрессивность, и честно
Сказать, — из голодного в сытного
Мечтал превратиться; однако, манящее
Не дало ни пищи, ни сил, ни комфорта...
Я был и поэтом, и богом, и чертом.
Я есть и прошедшее, и настоящее.

1992 г.

* * *

На мокром поле от росы
Колосья ржи стоят гурьбою,
Не потеряв своей красы,
Прохладой пахнут золотою.

Под ласкового неба звон,
Под алый месяц, зной, прохладу,
Не оставляя летний трон,
Хлебов колышутся каскады.

1990 г.

* * *

Сквозь ограды и кресты
Люди бродят,
У могил кладут цветы
Да уходят.
Что им это придает —
Я не знаю,
Но придет и мой черед —
Осознаю,
Что живому теплых слов
не хватало,
Ласки, нежности, цветов...
Для начала.

1990 г.

Олег ЗАЙЦЕВ

* * *

Из холодного мрака столетий
Он явился и, целью гоним,
Вдруг ударил в набат на рассвете,
И к усопшим воззвав, и к живым.
И стонала твердыня земная,
Расшибалась волна об утес...
Шли, — о том, что случится, не зная —
На последний в их жизни допрос.
Хищным вороном — лобное место...
Был пронзителен Господа взор.
Кто спасенья отыскивал средство,
Кто молился и ждал приговор.
Но ступали к барьеру смиренно:
Всех судил без поблажки Господь —
Разве ж душу очистишь мгновенно,
Разве сменишь порочную плоть?
Прокурорский не надобен китель:
Руку поднял он — участь ясна,
Справа хмурился Ангел-спаситель,
Слева скалился Сатана.

ТЕНИ

Словно тени, идущие в ногу,
Подражаем во всем и везде:
Подражаем Мамоне и Богу,
Вторим Мраку и вторим Звезде.

Если ж честно, как пред аналоем:
Мы, натуру свою обходя,
Вторим трусам и вторим героям,
Подражаем толпе и вождям.

Отвергая и чувства, и волю
По пустыням и городам,
Подражаем богатым и голи,
Вторим слугам и их господам.

Оттого наши лица — личины
(Мы не в силах себя превозмочь)
И, как дым от задутой лучины,
Зыбкой тенью уносятся в ночь.

28.11.1992

Сергей АГЕЕВ

Из сборника «ПОЛУНОЧЬЕ»

* * *

Бумажный лист беспомощно лакал
Полившиеся строками чернила.
Строфа, в ночи упавшая в бокал,
Кометою пространство прочертила
И осветила грубое сукно
Сознания, в котором жизнь моя
Мне показалась терпкой, как вино
Поэзии в бокале бытия.

Май 1992

* * *

Я по рожденью — горький одиночка
И мне, наверно, так уж суждено:
С надеждой ждать, когда подруга-ночка,
Как мотылек впорхнет в мое окно.
И надо мной свои раскроет крылья,
Не уступив бессоннице-врагу.
И я, пронзенный приступом бессилья,
Пошевелиться даже не смогу.
В ночной недолговечной фонотеке
И для меня найдется тот мотив,
Которым ночь мне смежит нежно веки,
Лекарством-сном надежно опоив.
И сон рвает — созревшим плодом мысли,
Закону тяготенья вопреки, —
Туда, где так незыблемо повисли
Вопросами созвездий огоньки.

14.10.1992

* * *

В окно, вздыхая ветром, влезла ночь
И подоконник вымазала черным.
И вымела сомнений ворох прочь,
И спорное представила бесспорным.
Сгустившись, распростерлась надо мной —
И в мыслях лад, душа едина с телом;
И, слава Богу, в этот час ночной
Мой лоб не в перекрестии прицела.
Сомнений нет. И нету свиста пуль.
Но все ж во мраке виден облик вражий.
У ложа мерно бродит, — как патруль, —
Надежда — ненадежнейшая стража...

Уходит ночь. Поставлю я свечу,
За упокой души ее бродячей
И ласково в объятья заключу
Полоску мрака, бьющуюся в плаче;
Прощусь и с ней почтительным кивком;
На подоконник посмотрю по-птичьи,
С которого горячим языком
Слизало солнце черное обличье.

14.10.1992

* * *

Ночь как непрочитанная книга.
Мысли перед мраком пали ниц.
Жизнь казалась в яркий промельк мига
Сотнею нелистанных страниц.
Что же мне гадать с самим собою,
Голося до первых петухов:
Сколько там страниц дано судьбою?
Прозы том? Иль книжица стихов?..
Не спеши, слюнявя черный палец,
Их листать, Косая Кочерга, —
Верю: есть Спаситель и Страдалец,
Не надевший образа врага.
Дольше будь нечитанною, книга!
Хоть судьба затейливо хитра,
Время есть. И месяца коврига
Не поспела в пламени утра.

Август 1992

* * *

Полуночье — сонный лик ночной.
Бой часов, в тиши до вздрога громкий.
Мысли, как пустой песок речной,
Уплывают в томные потемки.
Чувства спят. И нету нужных слов.
Острозубо буквами ощерясь,
Лист бумаги, чуя бой часов,
Выдает неслыханную ересь.
Затихает разума игра...
И в строке возникло многоточье:
Мертвым сном на кончике пера
Вязкое повисло полуночье.
До утра строка не оживет.
И поникнут буквицы беззубо...
Полуночье щерит черный рот,
Стрелками часов смыкая губы.

* * *

Давай пройдем по этой скучной улице,
Плащами одиноко шелестя,
Туда, где слабо вспыхивая, хмурится
Фонарь на фоне темного дождя.
Туда, где за ненужными заборами
Плывут дома в потоке теплых струй;
Где черными завесив окна шторами,
Нам ночь подарит горький поцелуй.
Где мы, как расшалившиеся школьники,
Закружимся, дождю подставив лбы, —
Любви взошедшей шалые невольники,
Забывшие о горечи судьбы...
Покажется, что снова счастье сбудется,
Надежда вспыхнет, как фонарный шар.
Но дождевыми каплями остудится
В шальной ночи в сердцах возникший жар.

28.10.1992

* * *

Тополя переплелись ветвями —
Ветер гнул, куражась, тополя.
Я стоял в аллее темной с Вами,
О прощеньи мысленно моля.
В лужах, с искаженною луною,
Желтых брызг скрывалась кутерьма,
А над нами черною волною
В небесах плескалась гордо тьма.
Пропадала четкость очертаний
И луна пошла по небу вплавь...
Все, что мнилось в мареве мечтаний
Не хотело воплощаться в явь.
Те слова, которые ночами
Говорил с собой наедине,
Замерли тупыми кирпичами
В мною же воздвигнутой стене.
Внешне нас ничто не разделяло,
Внешне мы казались так близки!..

Но стена молчания стенала
И першило в горле от тоски...

Шел рассвет. И ветры присмирели,
Грустные — в предчувствии утрат.
Выпрямляясь, словно на расстреле,
Тополя выстраивались в ряд.

* * *

Молнии скупая позолота
Извивалась в небе, как удав.
Выползала темень на охоту,
Звездное сиянье обуздав;
И дождем хлестала, будто плетью,
Плоть земную, душу бередя,
В комнате, угрюмой, как подклетье,
Разводила сырость от дождя.

Через стекла, щурясь поминутно —
Окна запотели, как очки, —
Я глядел на облик неба мутный
И на звезд резные пятачки...
Звон стекла. Растерянно блестело
Молнией разбитое окно.
И ворсилось тьмы густое тело —
Затканное золотом сукно.

Сыто и бессонно прорастала
Полночь, порождая в мыслях бред.
Извиваясь, молния блистала,
Оставляя в небе слабый след;
Ослепляя четким отпечатком
В страхе отведенные зрачки.
Ночь одела черные перчатки
И разбила душу, как очки.

11.11.1992

* * *

О ночь! Меня безудержно влекла
Твоя улыбка чопорной дуэньи
И хрупкость, как у тонкого стекла,
Которому не нужно обрамленье

Не в виде крепкой дружеской руки,
Не в виде деревянных прочных рамок, —
Ведь ты, жестокой яви вопреки,
Уж много лет воздушный строишь замок.

А замок этот густо населен
Шутами, королями, кабальеро;
В нем сумасбродных планов миллион,
Но во главе — возвышенная вера.
Та вера словно хрупкое стекло
Таит в себе улыбку и рыданье,
Но горе в чащу времени стекло
И в замке зреет смеха ожиданье.

Иллюзий в залах замка — легион.
Они кружат под сводами устало...
Моя дуэнья, знаю, — я смешон:
Одной надежды в этой жизни мало!
Надежда ненадежна, как пенсне
Для человека с очень слабым зреньем.
Я лягу спать, чтоб, может быть, во сне
Стать для стекла надежным обрамленьем.

10.10.1992

* * *

С привычного смывая краски тьмою,
Ночь темень похоронно с неба льет.
Я темноту любовью перемою,
С нее смывая траурный налет.
Задремлет ночь. И тьмы ее, нагую,
Ласкать я буду угольную гладь...
Часы пробьют, разрезав тишь тугую,
Проснется ночь — и вырвется опять.
Рассерженной осою с черным жалом
Взовьется и вопьется в небосвод.
Ударит в окна ветром одичалым
И по стеклу немым дождем хлестнет.
Разрежет месяц тучей, словно дыню.
И звезд досада станет не видна.
Я ночь строкой до дна располовиню
И выпью ночь по капельке до дна.
За косы тьмы, висящие, как плети,
Поймаю ночь. Любовью освятя,
Сольюсь я с ней, замру, а на рассвете
Родится стих — ночной любви дитя.

16.11.1992

Ирина АНДРЕЕВА

«ВЕТВИСТЫЙ» ШАРЖ

Суббота. Третий час.*
Забрался ключ в свою обитель,
Там скрипнул. Вот те раз!
Явился первый посетитель.
Рок-музыки фанат,
Он новых слов изобретатель
И лучший друг ребят —
То был наш хитрый председатель.
Присесть он не спешил:
Два кресла вместе сдвинуть надо.
Он «Правду» разложил —
Ну, берегитесь, «демократы»!
Пером, как молотком,
Чеканя звонко рифм основу,
Раткевич за чайком
Весну встречает «Мартословом»...**

Открылась дверь — ба-бах!
Тут Зайцев шариком воздушным
И в стертых башмаках
Был брошен в кресло ветром южным.***
Как Янус, многолик,
Он числит Каина братаном;
Олег — то Автолик,
А то в «Планете» он с путаной.
Он в девиантный хлам
Залез совсем не для забавы:
Олежка ищет там
Не вторсырьё, а «мусор» славы.
Ламбаду пляшет он
В «бредовом» вихре катарсизма,
А если и влюблен,
То в Музу — и до гроба жизни...

Явился Судник. Сел,
Как черный ворон. Нет проблемы:
Взъерошился — и в цель,
Ударил клювом по поэмам.
Склевал он всё, что мог.
Эх, тяжела воронья лапа:
Оставил пару строк
И те изрядно исцарапал.
Критиковать силен,
Но если будет так стараться,
То «в благодарность» он
Рискует без усов остаться...

Вдруг Мантуш забежал,
Шарф размотал, уселся чинно
И править строчки стал
Своею финкой перочинной.
Он, гордым фонарем

---

* Время еженедельных собраний литобъединения «Полоцкая ветвь». (Здесь и далее необходимые пояснения редактора).

** «Мартослов» — очередной сборник стихотворений Александра Раткевича, уже набранный в Полоцкой типографии и который скоро увидит читатель.

*** Господин Зайцев прибывает на заседания «Полоцкой ветви» с южной оконечности Полоцкой земли — из нынешнего стольного града Минска.

Сутулясь, бродит; где — неясно.
Как жаль, что в «красный дом»*
Заходит он, увы, нечасто.

Вот Пал Васильич.** Эх,
Пусть он не Байрон — ну так что же?
Годами старше всех,
Зато душою всех моложе.
Нам «напоэтил» он
Мешок пародий, между прочим;
На весь микрорайон
Мы, басни слушая, хохочем...

Агеев, как орел,
Вонзился в путаницу строчек,
Потом курить пошел,
Устал — душа «Монтаны» хочет.
Ведь ночью полусон
Он полувидит, полуслышит;
Не зря же сборник он
С названьем «Полуночье» пишет.
Ни хваткой, ни умом
Не обделил его Создатель:
Сергей в лице одном
Романтик и предприниматель...

Андреева вошла
С хвостом балансовых отчетов,
«Взглянуть бы в зеркала,
Которых здесь... висит «без счета».
Ну что ж, раз нету их:
Поэты ведь свои ребята,
Для них важнее стих,
А я уж как-нибудь, лохматой».
И нет, чтоб скромно сесть
В стоящее «для прочих» кресло,
Ей захотелось влезть
Аж на агеевское место...

Ну, вроде собрались:
Не слишком много и — не малость;
За ножницы взялись —
Стихами урна наполнялась.
Все, в общем, как всегда:
Собранье глаз, бровей, улыбок.
«Свежатину»*** сюда!!!
Кто больше сыщет в ней ошибок?
Нелепого родства
Слогов и слов, тире и точек
Стараньем большинства
Здесь не допустят, это точно.
Мы вместе — и теперь
Пошлемте к черту все сомненья;
Смотрите: в нашу дверь
На легких крыльях вдохновенья
Летит Пегас, — привет!—
Везет нам спонсоров и славу,
Чтоб «Полоцкая ветвь»
Не превратилась в сук корявый.

Февраль 1993

---

* Библиотека на ул. Мариненко, где проходят заседания литобъединения, выкрашена в красные тона.

** Павел Низковский.

*** Одно из любимых словечек господина председателя.

Содержание

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

Полоцкий летописец

Историко-литературный

журнал

№ 1 (2)

1993

Основатель Л. Ф. Данько.

Свидетельство о регистрации № 599 от 24.04.92 г.

Обложка и оформление художника В. И. Галебо. Заставка для л/о «Полоцкая ветвь» Е. Г. Кондрашовой. Репродукционная съёмка спецподразделения «Фото ЮК». Художественный редактор Л. Ф. Данько. Технический редактор Е. М. Парчинский. Линотиписты Н. М. Большакова, М. Г. Кривенок. Наборщик Е. А. Сергиенко. Фотоцинкограф Л. К. Пескин. Печатники З. А. Денисова, Т. В. Дроздова (обложка). Корректоры О. Д. Богуцкий, Л. Ф. Данько, Е. М. Парчинский.

Сдано в набор 15.12.92 г. Подписано в печать 24.04.93 г.
Высокая печать. Усл. печ. л. 15. Усл.-изд. л. 16.
Зак. 1440. Тир. 3000 экз. Цена договорная.

Отпечатано в Полоцкой типографии им. Ф. Скорины.
211400, г. Полоцк, ул. Фрунзе, 11.

ПОЛОЦКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ. 1993. № 1 (2). 1—120.